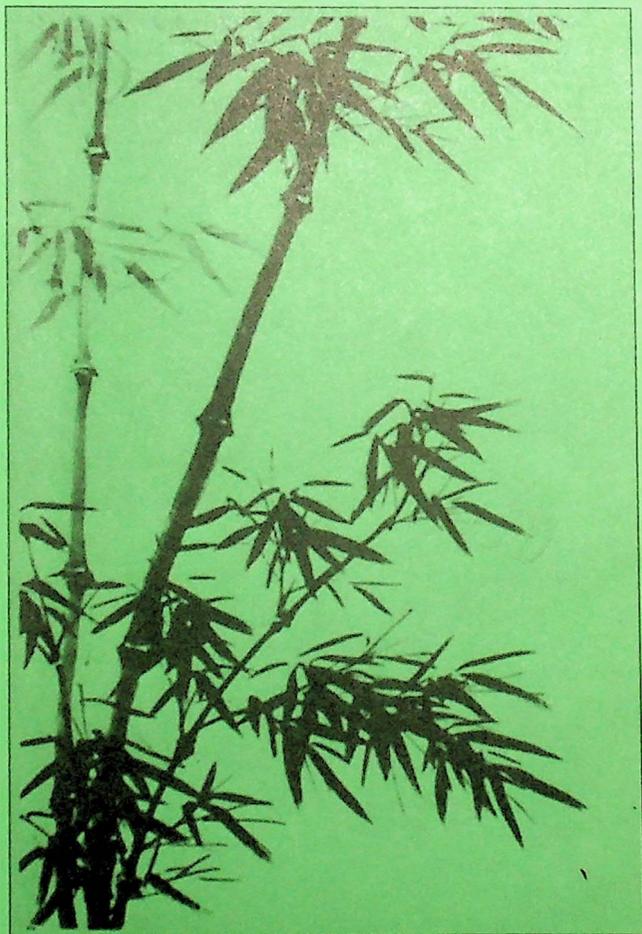

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2008

ISSN 0131-2812

Межрегиональное взаимодействие
России и Китая

Перемены на Корейском полуострове:
вызовы и возможности

АСЕАН на новом этапе интеграции

Евразия: ближайшие 10–15 лет

Взаимодействие КНР
и центральноазиатских стран
в энергетической сфере

R-210K3.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2 / 2008

Март - Апрель

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

Совместный обзор КНР и Индией перспектив в XXI веке..... 6

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Основные особенности и итоги XVII съезда Компартии Китая (окончание)..... 10

ПОЛИТИКА

В. Ларин. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы..... 40

Л. Бадалян, В. Криворотов. Евразия: ближайшие 10-15 лет..... 54

Г. Локишин. АСЕАН на новом этапе интеграции..... 73

А. Жебин, Ким Ен Ун. Перемены на Корейском полуострове: вызовы и возможности..... 83

ЭКОНОМИКА

М. Потапов. Экономические итоги саммита АТЭС в Сиднее..... 101

В. Фроленков. Взаимодействие КНР и центральноазиатских стран-членов ШОС в энергетической сфере..... 110

© Российская академия наук, 2008 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2008 г.

20.04 экз.

ОБЩЕСТВО

О. Почагина. Трансграничные браки: Китай и Южная Корея..... 125

ИСТОРИЯ

Т. Орнацкая, Ю. Ципкин. Борьба Советской России и Дальневосточной Республики за ликвидацию интервенции на Северном Сахалине в 1920—1925 гг..... 138

А. Хохлов. Первый преподаватель русского языка в Корею Н.Н. Бирюков: педагог, организатор военной разведки и дипломат..... 153

КУЛЬТУРА

Кун Чжаохуэй. Миф об образе одного государства (по поводу книги Ван Мэна “Воздаяние Советскому Союзу”)..... 161

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Лю Гучан — Почетный доктор ИДВ РАН..... 167

А. Ипатова, О. Попова. Синологической библиотеке 50 лет..... 170

В. Чуванкова, Е. Лапшина. Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2007 году..... 175

РЕЦЕНЗИИ

В. Портяков. Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Возрождение Азии: горизонты модернизации..... 180

В. Буров. Юн Чжан, Холлидей Д. Неизвестный Мао..... 183

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Людмилы Ивановны Кондрашовой..... 187

Александрю Захаровичу Жебину — 60 лет..... 190

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Р.М. Аспанов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушянц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

Основные особенности и итоги XVII съезда Компартии Китая

Вниманию читателей предлагается заключительная часть материалов круглого стола ИДВ РАН и журнала "Проблемы Дальнего Востока" по обсуждению особенностей XVII съезда КПК и последовавшего за ним пленума. В заключительной части дискуссии ведущие эксперты-китаеведы обсудили следующие темы: растущее внимание руководства КПК к национальной культуре и акцент на "мягкую силу"; особенности национальной политики Китая; борьба за продовольственную безопасность и против растущей дифференциации между богатыми и бедными; серьезные признаки экологической катастрофы; внешнеполитические ориентиры КНР.

В. Ларин. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы

В статье подробно рассмотрены характер и особенности приграничных и региональных связей между Россией и Китаем, их роль в хозяйственной жизни Сибири и Дальнего Востока, проблемы, существующие в межрегиональном взаимодействии двух стран, и пути их решения

Л. Бадалян, В. Криворотов. Евразия: ближайшие 10-15 лет

В работе обосновывается тезис о "невидимой", до поры до времени, социальной революции низов как основного лейтмотива развития и обострения экономической и политической ситуации в мире. Эта революция набирает силу в Азии в ответ на массированное вестернизирующее вторжение неолиберальной экономической и политической машины доминирующей супердержавы (США).

Г. Локшин. АСЕАН на новом этапе интеграции

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, отметившая в прошлом году свое 40-летие, демонстрирует миру один из успешных примеров региональной интеграции. Важнейшим событием юбилейного года стало подписание лидерами стран АСЕАН на саммите в Сингапуре в ноябре 2007 г. Хартии АСЕАН — первого в ее истории Устава. Автор показывает, как из аморфной коалиции пяти стран ЮВА, охваченных страхом перед надвигавшейся "коммунистической угрозой", выросло международное сообщество совместной безопасности, социально-экономического и культурного сотрудничества, включающее все 10 государств региона, в том числе СРВ и ЛНДР, строящие "рыночный социализм".

А. Жебин, Ким Ен Ун. Перемены на Корейском полуострове: вызовы и возможности

В статье анализируются главные события, произошедшие на Корейском полуострове в 2007 г. — дипломатическая борьба вокруг начавшегося процесса по выводу ряда объектов ядерной программы КНДР из рабочего состояния, второй в истории межкорейский саммит и его возможное значение для развития сотрудничества между Севером и Югом Кореи и нормализации обстановки на полуострове, а также итоги президентских выборов в Республике Корея, ознаменовавшихся возвращением к власти после десятилетнего перерыва консервативных сил во главе с Ли Мен Баком.

М. Потапов. Экономические итоги саммита АТЭС в Сиднее

Участник форума АТЭС освещает в своей статье обсуждавшиеся в Сиднее экономические вопросы, связанные с ходом либерализации торговли и инвестиций, с перспективами экономической интеграции в АТР, с нынешней и будущей ролью АТЭС в международных экономических отношениях.

В. Фроленков. Взаимодействие КНР и центральноазиатских стран-членов ШОС в энергетической сфере

В статье предпринята попытка прояснить стратегию КНР в сфере энергетического сотрудничества со странами Центральной Азии. Отметив ее огромную заинтересованность в энергоресурсах региона, автор детально прослеживает двусторонние контакты Китая с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией, Узбекистаном. Перспективам развития и укрепления ШОС, экономическим интересам стран-членов способствовал бы, по мнению автора, перевод сотрудничества в сфере энергетики на многостороннюю основу.

О. Почагина. Трансграничные браки: Китай и Южная Корея

В статье анализируются особенности браков, заключаемых гражданами Китайской Народной Республики и Республики Корея с иностранными гражданами, причины увеличения количества такого типа союзов в конце XX—начале XXI вв. Автор уделяет внимание социальным последствиям распространения данной тенденции, влиянию на межгосударственные отношения и на динамику этнического состава, прежде всего, в Республике Корея. Также рассматриваются правовые аспекты регулирования трансграничных браков в КНР на основе правил регистрации браков с иностранцами в редакции 2003 г.

Т. Орнацкая, Ю. Ципкин. Борьба Советской России и Дальневосточной Республики за ликвидацию интервенции на Северном Сахалине в 1920—1925 гг.

В статье говорится о дипломатической борьбе РСФСР и ДВР за ликвидацию иностранной интервенции на российском Дальнем Востоке. Северный Сахалин был незаконно захвачен Японией в апреле 1920 г. в качестве “компенсации” за т.н. “николаевский инцидент”. Дипломатия Дальневосточной республики, а затем и Советской России сосредоточила свои усилия на восстановлении единства страны и возвращении северной части острова. Этот вопрос стоял на международных конференциях, в двусторонних переговорах, при проведении концессионной политики. Настойчивые меры советской стороны дали свой результат, и в мае 1925 г. японские войска покинули Северный Сахалин. Правда, японские

концессии оставались в северной части острова до 1944 г. Однако главная задача советской дипломатии была решена.

А. Хохлов. Первый преподаватель русского языка в Корее Н.Н. Бирюков: педагог, организатор военной разведки и дипломат

В статье на основе архивных документов рассказывается об успехах Н.Н. Бирюкова на ниве просвещения в Корее и о его ценном вкладе в сбор военной информации в годы русско-японской войны 1904—1905 гг. с помощью своих корейских питомцев, о его дипломатической деятельности в послевоенной Корее.

Кун Чжаохуэй. Миф об образе одного государства (по поводу книги Ван Мэна “Воздаяние Советскому Союзу”)

В статье обосновывается возможность применения методов имагологии — дисциплины, изучающей литературные образы, — в сфере политических исследований и международных отношений. Автор, рассматривая образ Советского Союза, нарисованный в книге известного китайского писателя Ван Мэна, толкует его в категориях имагологии как “порождение коллективного воображения”, отражающего главным образом ситуацию в Китае 1950-х годов и состояние сознания поколения китайцев, молодость которого пришлось на тот период. По мнению Кун Чжаохуэй, изучение образа страны-партнера, сложившегося в культуре другого государства, будет способствовать выстраиванию двусторонних отношений на более объективной, рациональной основе.

Документы

Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао и Премьер-министр Индии Манмохан Сингх 15 января 2008 г. подписали в Пекине совместный документ, в котором содержится твердое намерение "содействовать построению гармоничного мира". Ниже следует полный текст документа.

Совместный обзор КНР и Индией перспектив в XXI веке

Его Превосходительство Вэнь Цзябао, Премьер Госсовета Китайской Народной Республики и Его Превосходительство доктор Манмохан Сингх, Премьер-министр Республики Индия, встретившись 14 января 2008 г. в Пекине, принимают решение, развивая стратегическое сотрудничество и партнерство на благо двустороннего мира и процветания, содействовать созданию гармоничного мироустройства, основанного на всеобщем прочном мире и благоденствии.

Китай и Индия (далее по тексту — "стороны") являются двумя крупнейшими развивающимися нациями на Земле, которые представляют более чем треть человечества. Стороны признают, что и Китай, и Индия облечены великой исторической ответственностью в деле обеспечения всестороннего, сбалансированного и неуклонного экономического и социального развития двух стран, а также в деле продвижения мира и развития в Азии и на планете в целом.

Стороны выражают убежденность, что с точки зрения двусторонних отношений настало время смотреть в будущее, строить их на принципах дружбы и доверия, на основах равенства, что предполагает чуткое отношение сторон к озабоченностям друг друга. Стороны вновь подтверждают, что китайско-индийская дружба и совместное развитие будут оказывать благоприятное влияние на будущее международного устройства. Китайско-индийские отношения не направлены против какой-либо из других стран, равным образом они не влияют на отношения дружбы каждой из двух стран с другими государствами.

Стороны считают, что в новом столетии принципы Панча шила — Пять принципов мирного сосуществования должны по-прежнему служить основополагающим руководством для добрых отношений между всеми странами, для создания условий в целях обеспечения мира и прогресса человечества. Мироустройство, основанное на этих принципах, будет носить справедливый, рациональный, равный и взаимовыгодный для всех характер, будет способствовать прочному миру, всеобщему процветанию, создаст равные возможности и не оставит места бедности и проявлениям дискриминации

Стороны исходят из того, что должно уважаться право каждой страны выбирать собственный путь социально-экономического и политического развития, где надлежащее место занимали бы фундаментальные права человека и власть закона. мироустройство, основанное на толерантности и уважении многообразия, будет способствовать делу мира, снижению применения силы или угрозы ее применения. Стороны выступают за открытое и всеобъемлющее мироустройство и считают, что разграничительные линии на основе идеологии, ценностных или географических критериев не способны вести к мирному и гармоничному сосуществованию.

Стороны считают, что в новом столетии продолжают развиваться демократизация международных отношений, а также тенденция многосторонности, и это является важным объективным фактором. В деле обеспечения международного мира, безопасности и развития должна признаваться и укрепляться центральная роль ООН. Стороны поддерживают всесторонние реформы в ООН, в том числе считают приоритетом увеличение представительства развивающихся стран в Совете Безопасности этой организации. Индийская сторона вновь подчеркивает свое стремление обрести статус постоянного члена Совета Безопасности ООН. Китайская сторона придает большое значение позициям Индии в международных делах как позициям одного из наиболее крупных развивающихся государств. Китайская сторона с пониманием и поддержкой относится к стремлению Индии играть более весомую роль в ООН, включая ее Совет Безопасности.

Стороны приветствуют и поддерживают процессы региональной интеграции, которые, будучи важной чертой складывающейся международной экономической системы, содержат взаимовыгодные возможности для роста. Стороны выражают позитивное отношение к участию друг друга в процессах регионализации и договариваются развивать консультации и укреплять координацию в рамках региональных механизмов сотрудничества, включая Восточно-Азиатский саммит. При этом стороны высказывают обоюдное намерение совместно и в кооперации с другими странами вести поиск новой структуры более тесного регионального сотрудничества в Азии, а также предпринимать совместные шаги в направлении дальнейшей азиатской региональной интеграции. Стороны будут укреплять координацию своих действий в рамках форума Азия — Европа и следуют линии на усиление и углубление всестороннего партнерства между Азией и Европой.

Стороны придерживаются позитивных взглядов на участие друг друга в процессах суб-регионального многостороннего сотрудничества между сходно ориентированными странами, в том числе в рамках таких организаций как Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), Инициатива стран Бенгальского залива по многостороннему технико-экономическому сотрудничеству (БИМСТЕК), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Стороны исходят из того, что такое участие не влияет на существующие у каждой из них отношения дружбы и сотрудничества с другими странами.

Стороны приветствуют позитивные проявления глобализации, выражают готовность твердо встречать ее вызовы, будут совместно с другими странами действовать в направлении придания экономической глобализации сбалансированного и взаимовыгодного характера. Стороны считают, что установление открытой, прозрачной, справедливой, транспарентной и основанной на законе многосторонней торговой системы отражает общее стремление всех стран. Стороны с одобрением оценивают начальные выводы дохийского раунда переговоров стран ВТО по вопросам мировой торговли, в которых проблемы беднейших стран поставлены в центр вни-

мания. Стороны выражают решимость усилить координацию действий с другими развивающимися странами с намерением отстоять свои общие цели.

Стороны убеждены, что всеобщим интересам мирового сообщества отвечало бы создание международного энергетического порядка, который был бы открытым, справедливым, безопасным, стабильным и благоприятным для нужд человечества. Стороны заявляют о намерении предпринимать совместные шаги по диверсификации глобальной энергетической ситуации и расширению доли экологически чистых и возобновляемых источников энергии с конечной целью удовлетворения энергетических потребностей всех государств.

Стороны с одобрением воспринимают те возможности, которые получили лучшие ученые обеих стран, совместно участвующие в проекте по созданию Международного экспериментального термоядерного реактора (программа ИТЕР), который потенциально имеет огромное значение в поисках экологически приемлемых ответов на глобальные энергетические вызовы. Как страны, располагающие передовым научным потенциалом, стороны при соблюдении имеющихся у них соответствующих международных обязательств будут настойчиво продвигать двустороннее сотрудничество в атомной энергетике гражданского назначения, что послужит вкладом в обеспечение энергетической безопасности, а также в дело противостояния рискам, связанным с изменениями климата.

Стороны осознают те вызовы, которые ставит перед человечеством проблема изменения климата. Стороны рассматривают данную проблему со всей серьезностью и вновь заявляют о своей готовности присоединиться к международному сообществу в усилиях по ее решению. Стороны также выражают готовность к повышению уровня технологического сотрудничества между двумя странами. Стороны одобряют решения состоявшейся в декабре 2007 г. на о. Бали Конференции сторон рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) и договариваются тесно сотрудничать в ходе переговорного процесса, который определен в "Балийской дорожной карте", предусматривающей долговременные совместные действия в рамках Конвенции. Стороны подчеркивают важность таких подходов к проблеме изменения климата, которые строились бы в соответствии с принципами и условиями РКИК ООН и Киотского протокола, в особенности с принципом всеобщих, но дифференцированных обязательств.

Стороны обращаются к мировому сообществу с призывом продвинуть процесс многостороннего контроля за вооружениями, разоружения и ядерного нераспространения. Космическое пространство является общим достоянием человечества. Обязанностью всех стран, осваивающих это пространство, является приверженность мирному использованию космоса. Стороны высказывают свое категорическое неприятие милитаризации и гонки вооружений в космосе.

Стороны резко осуждают зло терроризма во всех формах его проявления и во всех без исключения регионах. Стороны принимают на себя обязательство в сотрудничестве друг с другом и с мировым сообществом на долговременной постоянной и всесторонней основе укреплять глобальный формат борьбы с терроризмом.

Стороны исходят из того, что культурная и религиозная толерантность, а также диалог цивилизаций будут служить вкладом в дело мира и стабильности на нашей планете. Стороны с одобрением воспринимают все усилия, направленные на продвижение межцивилизационного и межконфессионального диалога.

Стороны считают, что двусторонние отношения между ними в нынешнем столетии будут иметь большое региональное и глобальное значение. Поэтому стороны будут продолжать позитивный курс на строительство между ними

стратегического партнерства и сотрудничества. Представляя две крупнейшие экономики своего региона, стороны считают, что значительный рост в торгово-экономических отношениях между ними носит взаимовыгодный характер, и приветствуют выводы совместной группы по изучению возможностей выработки Регионального торгового соглашения (РТС). Согласно отчетам, предоставленным группой, китайско-индийское РТС способно принести выигрыш обеим странам. С целью предотвратить свертывание растущих интеграционных процессов в Азии, стороны договариваются вести обсуждение вопросов, связанных с выработкой взаимовыгодного и качественного РТС, которое отвечало бы чаяниям обеих стран, а также несло выгоды региону в целом.

Стороны намерены путем поддержания устойчивых контактов в оборонной сфере непрерывно содействовать строительству мер доверия. Поэтому стороны положительно оценивают начало китайско-индийского диалога по вопросам обороны и выражают удовлетворение результатами первых совместных антитеррористических учений вооруженных сил двух стран в декабре 2007 г. Стороны также с одобрением воспринимают иные усилия такого рода, к примеру — сотрудничество в районах трансграничных рек, которое осуществляется с 2002 г. Индийская сторона высоко оценивает помощь Китая, предоставившего гидрологическую информацию по сезону наводнений, которая помогла Индии обеспечить безопасность своего населения в бассейне этих рек. Стороны высказывают общее мнение, что это событие стало положительным вкладом в укрепление взаимопонимания и доверия.

Стороны по-прежнему твердо привержены курсу на разрешение чувствительных китайско-индийских разногласий, включая вопрос о границе, путем мирных переговоров параллельно с обеспечением того, чтобы активное развитие двусторонних связей не подпадало под влияние этих разногласий. Стороны вновь заявляют о своей решимости вести поиск справедливого, разумного и взаимоприемлемого варианта решения вопроса о границе, создать границу мира и дружбы на основе Соглашения о политических параметрах и руководящих принципах решения китайско-индийского пограничного вопроса, которое было подписано в апреле 2005 г. Специальные представители в короткие сроки должны завершить выполнение задачи по выработке согласованного рамочного решения на основе упомянутого Соглашения.

Индийская сторона напоминает, что Индия была среди первых стран, которые признали существование лишь одного Китая, и что ее политика “одного Китая” остается неизменной. Индийская сторона заявляет, что она продолжит упорно придерживаться своей политики “одного Китая” и противостоять любой деятельности, направленной против принципа “одного Китая”. Китайская сторона выражает высокую оценку такой позиции Индии.

Стороны признают ответственность и обязательства каждой из двух стран перед международным сообществом. Стороны полны решимости укреплять взаимопонимание и дружбу между народами Китая и Индии во имя лучшего будущего двух стран и всего человечества.

Вэнь Цзябао,
Премьер Госсовета Китайской
Народной Республики

Доктор Манмохан Сингх,
Премьер-министр
Республики Индия

Пекин, 14 января 2008 г.

Круглый стол в ПДВ

Основные особенности и итоги XVII съезда Компартии Китая

(Окончание. Начало в ПДВ № 1, 2008)

От редакции. Завершаем публикацию выступлений на состоявшемся 12 ноября 2007 г. в ИДВ РАН Круглом столе Института Дальнего Востока РАН и журнала "Проблемы Дальнего Востока", посвященном обсуждению особенностей и итогов XVII съезда Коммунистической партии Китая и 1-го пленума ЦК КПК XVII созыва.

Взросшее внимание к культуре. Акцент на "мягкую силу". Борьба за имидж в мире

Борох О.Н. (к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ)

Один из важных аспектов доклада Ху Цзиньтао — тема развития китайской культуры, повышения ее международного влияния и конкурентоспособности. "В современную эпоху, — сказал он, — культура становится все более важным источником цементирующих и творческих сил нации и одновременно все более важным фактором конкуренции в совокупной государственной мощи". Вошедший в доклад призыв "повышать мягкую силу культуры государства" включает в себя современную американскую политологическую концепцию "мягкой силы" (*soft power*, кит. *жуань шили*), выдвинутую профессором Гарвардского университета Джозефом Наем.

Заимствованная китайским руководством концепция "мягкой силы" подразумевает использование "нематериальных властных ресурсов" культуры и политических идеалов для влияния на поведение людей в других странах, она противопоставляется практике воздействия с помощью "жесткой силы" оружия или денег. Китайские теоретики активно используют эту концепцию с 2004 г., когда прошла дискуссия о способах повышения "мягкого" влияния Китая на международной арене. Как важную веху китайские источники выделяют статью зам. премьера Госсовета КНР Цянь Цичэня, опубликованную в начале 2004 г. в журнале "Гоцзи вэньти яньцзю". В ней утверждалось, что антитеррористическая стратегия США после событий 11 сентября 2001 г., разработанная на основе превентивного использования жесткой силы, неэффективна. США недооценили роль мягкой силы и международных институтов, что лишило их некоторых важных инструментов, необходимых для защиты стратегии национальной безопасности.

В конце мая 2004 г. тема "ускорения строительства "мягкой силы" Китая" обсуждалась по ходу коллективной учебы в Политбюро ЦК КПК. При этом отмечалось, что увеличение "мягкой силы" Китая есть "важная точка приложения усилий" нового руководства, поскольку "мягкая сила означает силу влияния

в мире и силу международной привлекательности культуры страны, ее ценностных представлений, общественных институтов и модели развития”.

Китайские эксперты видят два основных источника “мягкой силы”: богатство национальной культуры и успех китайской модели модернизации. Идея несилового воздействия на другие страны нашла в Китае благодатную почву. В китайском изложении она обретает даосский оттенок. Современные эксперты вспоминают древнюю мудрость: “В Поднебесной самое мягкое одерживает верх над самым твердым” (См. “Даодэцзин”, чжан 43). Китайские комментаторы нередко вспоминают и о том, что еще в глубокой древности их предки размышляли над использованием инструмента “мягкой силы” для победы в конфликте “жестких сил”. В подтверждение приводят слова основоположника школы военного искусства Сунь-цзы (VI — нач. V в. до н.э.) “лучшее из лучшего — покорить чужую армию не сражаясь”.

Ху Цзиньтао включает культуру в число средств, с помощью которых можно укрепить “мягкую силу” Китая. В ноябре 2006 г. на встрече с деятелями литературы и искусства он определил “важную актуальную тему” — поиск направления, в котором должна развиваться культура Китая, придание нового блеска национальной культуре, повышение международной конкурентоспособности культуры Китая, наращивание мягкой силы государства. В январе 2007 г. в ходе коллективной учебы в политбюро ЦК КПК, посвященной вопросам государственного управления Интернетом, Ху Цзиньтао вновь упомянул о “мягкой силе”, заявив, что должным образом сформированная и контролируемая культура Интернета “полезна для наращивания мягкой силы Китая”. Примечательно, что в докладе на XVII съезде КПК тема “мягкой силы” была отнесена к числу проблем культуры, а не международной политики, хотя речь идет прежде всего о проекции влияния за рубежом.

В разъяснительных комментариях китайских СМИ после завершения съезда подчеркивалось, что термин “мягкая сила” впервые вошел в доклад съезда КПК. Значит, китайское руководство намерено реализовывать стратегию наращивания “мягкой силы” культуры в качестве компонента государственной политики. Первые успехи уже налицо — китайские политические комментаторы указывают на рост интереса к изучению китайского языка в мире, массовое открытие за рубежом Институтов Конфуция, проведение Годов Китая во Франции и России как на признаки укрепления “мягкой силы”. В последнее время в Китае растет тревога по поводу увеличения “пассивного баланса” в культурном обмене с зарубежными странами, когда объем ввозимой иностранной продукции (книг, кинофильмов, телевизионных программ, компьютерных игр) многократно превышает ее экспорт из Китая.

Стоит отметить, что в Китае практически не звучат призывы к восстановлению “культурного баланса” путем ограничения доступа в страну иностранных произведений. Китай продолжает учиться у Запада тому, как стать сильным и богатым, но теперь к сфере его интересов добавился иностранный опыт создания “мягкой силы”. Образцом для Институтов Конфуция послужил опыт немецкого Института Гете и испанского Института Сервантеса, а также опыт Великобритании и Республики Корея по продвижению вовне позитивного имиджа страны.

Китайские эксперты полагают, что эффективный культурный обмен будет способствовать улучшению понимания Китая в других странах, устранению враждебного к нему отношения. Профессор Института СМИ Пекинского университета Чэн Маньли отметил, что для реализации этой стратегии есть важная предпосылка: только когда государство добьется того, что квинтэссенция культуры будет знакома всему народу и признана людьми, появляется возможность проецировать ее вовне как международный символ. Лишь в этом случае экспор-

тируемые ценности будут признаны мировой общественностью и только тогда это будет означать действительное наращивание “мягкой силы”.

В опубликованной в “Жэньминь жибао” 29 октября 2007 г. установочной статье главы отдела пропаганды ЦК КПК Лю Юньшаня подчеркивалось, что повышение внимания к укреплению “мягкой силы” государства требует “познать важность и безотлагательность культурного строительства”. Прежде всего, это необходимо для подъема нации, развития государства. У каждой великой нации имеется своя глубокая культура, и всякое современное государство рассматривает культуру как важную силу социального развития и прогресса. Ранее и Цзян Цзэминь говорил, что комплексная мощь охватывает, главным образом, экономику и технику, ее основой выступает материальная сила, однако духовная сила также является важной частью комплексной мощи государства.

Новизна предложенной на съезде трактовки состоит в том, что культура во все большей степени становится важным фактором соперничества в совокупной государственной мощи. Кто занял ключевые позиции в развитии культуры, у кого мощная “мягкая сила” культуры, тот сможет взять инициативу в острой международной конкуренции. Китай как социалистическая развивающаяся страна должен быстрее создавать культурные преимущества, соответствующие его социально-экономическому развитию и международному положению.

В публикации Лю Юньшаня отмечалось, что китайская культура имеет яркие национальные особенности. Надо придерживаться культурных традиций как основы, в качестве дополнения брать полезную здоровую внешнюю культуру, развивать культуру, имеющую китайскую специфику, постоянно повышать ее привлекательность. В духе указаний съезда необходимо познавать исторический смысл и современную ценность китайской традиционной культуры, использовать принцип “древности на службе у современности”, “брать квинтэссенцию, отбрасывая шелуху”. Следует расширять образование в области традиционной китайской культуры и добиваться, чтобы все больше людей понимали и любили ее, становились ее носителями.

Если развитие данной отрасли внутри Китая требует прежде всего решения проблем на низовом уровне, особенно в деревне, то для повышения международной конкурентоспособности нужно продвигать китайскую культуру на международный рынок в рамках стратегии “выхода вовне”. Для этого требуется в полной мере использовать международные выставки, кинофестивали, книжные ярмарки и другие площадки, где можно продвигать и продавать культуру. При этом ставится задача “расширять рамки передачи культуры”, экспортировать продукцию с “яркой китайской спецификой” (кино, печатные издания, национальную музыку и танцы, цирк).

В других комментариях подчеркивается прозвучавший на съезде призыв к строительству общего духовного дома (*цзиншэнь цзяюань*) китайской нации, нацеливающий на использование культурного фактора для сплочения китайцев.

Хотя в докладе Ху Цзиньтао “мягкая сила” была упомянута лишь в контексте развития культуры, китайские комментаторы указали на взаимосвязь выдвижения этой концепции с официальным внешнеполитическим лозунгом “гармоничного мира”. По словам профессора Чэн Маньли, китайское правительство стало придавать большее значение повышению “мягкой силы”, что проявилось в выдвижении новых концепций “мирного развития” и создания “гармоничного мира”.

В подтверждение этой мысли китайские эксперты ссылаются на интервью Джозефа Ная, в котором американский ученый сказал, что “конфликт цивилизаций” не является неизбежным, а “гармоничный мир” уже обрисовал человечеству живую оптимистичную картину будущего. Со ссылкой на мнение американца китайские авторы отмечают, что Китай в состоянии осуществить мирный подъем, но при этом ему следует с помощью “мягкой силы” и ответст-

венного поведения устранять существующую во внешнем мире тревогу по поводу возвышения Китая.

Профессор университета Цинхуа Лю Цзяньюн также указал на взаимосвязь культурных и внешнеполитических лозунгов съезда. КПК провозгласила цель создания “гармоничного мира”, связанную с долгосрочной стратегией “мирного развития”. При этом в докладе сказано о поиске общего и сохранении различий, уважении к многообразию культур, совместном содействии процветанию и прогрессу человеческой цивилизации. Лю Цзяньюн отметил, что культура — это составная часть комплексной мощи государства и важное звено посредничества в международных контактах. Пропаганда собственной культуры и взаимная учеба друг у друга представляют собой вклад мирно развивающихся великих держав в международное общественное развитие и построение “гармоничного мира”.

Примечательно, что концепция Джозефа Ная в изначальном виде была нацелена на укрепление глобальной мощи США и их влияния на другие страны. Китай пошел по пути заимствования и ассимиляции концепции “мягкой силы” для того, чтобы проецировать свои культурные ценности вовне, тем самым ограничивая устремления Америки. Вместе с тем стоит отметить, что китайская трактовка “мягкой силы” носит усеченный характер. У Ная мягкая сила государства состоит из трех компонентов — привлекательной культуры, набора политических ценностей и внешней политики, подкрепленной моральным авторитетом. Китайская трактовка национальной “мягкой силы” не копирует американскую, поскольку КНР не ставит цели проекции вовне собственных политических ценностей.

Связь “мягкой силы” культуры с внешнеполитическими целями Китая не была заявлена на съезде открыто, однако она достаточно четко просматривается из китайских комментариев, разъясняющих итоги партийного форума.

Юридический базис национальной автономии. Ассигнования для нацменьшинств. Без права на самоопределение

Лазарева Т.В. (к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ)

В последние годы наблюдается смещение приоритетов в развитии национальных районов страны — с политико-экономических направлений на социально-экономические. Об этом красноречиво говорят публикации китайской печати. Социальная направленность национальной политики в целом созвучна с общим социальным курсом китайского руководства.

На законодательном уровне свидетельство тому — принятие “Установлений Госсовета о проведении в жизнь “Закона КНР о районной национальной автономии” (2005 г.). Налицо беспрецедентный факт в китайской законодательстве — подобного документа, охватывающего все стороны жизни национальных районов, еще не было.

Включение в документ положений об ускоренном развитии систем здравоохранения, образования и физической культуры, формирование системы социального обслуживания, включающей водо- и электроснабжение, сельскую инфраструктуру, радио- и телеобслуживание, медико-санитарную сферу, производственно-бытовые условия, программу по экологии — все это предстает крайне важным. В документе достаточно подробно сформулированы программа ликвидации неграмотности среди неханьского населения, программа создания и улучшения уже имеющейся системы здравоохранения. Планируется “распространять обязательное 9-летнее школьное образование, искоренять неграмотность у молодежи и взрослых, постоянно улучшать условия работы школ, всемерно поддерживать создание в районах национальной автономии системы начального обучения”, “обеспечивать всем национальностям свободу употребления и развития собственных языков и письменностей”, “поощрять постепенное рас-

пространение в районах национальной автономии “двуязычного обучения” на языках неханьских национальностей и ханьском языке, оказывать финансовую поддержку бедным слоям населения для продолжения учебы в вузах, обеспечивать их бесплатными учебными пособиями и т.д. Для охвата медицинским обслуживанием всего населения национальных районов планируется создание в них системы общественного здравоохранения, принятие эффективных мер по профилактике инфекционных заболеваний, создание и совершенствование сельского медицинского обслуживания, снижение расходов на медицину у бедных слоев, повышение уровня здоровья всех национальностей. Как видно из этого далеко неполного перечня, программа китайского руководства по социальному развитию национальных районов обширна и продуманна.

Дальнейшее развитие и конкретизацию эта программа получила в “Плане развития национальных районов на 11-ю пятилетку (2006—2010 гг.)”, принятом в 2007 г. К концу 2010 г. среднегодовые доходы на душу городского населения в национальных районах должны увеличиться по сравнению с 2005 г. на 6%, что на 1% выше общегосударственных темпов. Планируется охватить девятилетним обязательным образованием свыше 95% детей школьного возраста; снизить смертность новорожденных младенцев на 6%; увеличить общий тираж печатной продукции на национальных языках на 25%; поднять удельный вес специалистов разного профиля из нацменьшинств в рамках страны на 0,5%; увеличить коэффициент урбанизации в национальных районах на 5%.

С целью решения поставленных задач в Плане развития национальных районов делается акцент на 11 основных направлений, 8 из которых носят социальный характер:

- решение вопросов, связанных с бедностью и удовлетворением социальных потребностей народных масс;
- повышение образовательного и научно-технического уровня малых национальностей;
- квалифицированное восстановление и развитие системы здравоохранения;
- усиленное развитие культуры;
- повышение уровня благосостояния;
- более активная и масштабная подготовка кадровых работников и специалистов из числа малых народностей;
- налаживание системы бытовых услуг. (См.: Чжунго миньцзу. 2007. № 4. С. 26).

Усилия китайского руководства, направленные на решение жизненно важных для неханьцев проблем, созвучны с решениями социальных проблем по стране в целом.

Ху Цзиньтао подчеркнул необходимость и впредь “неизменно осуществлять политику национальной автономии”, что означает незыблемость равноправия всех национальностей, гарантированное право национальных автономных районов осуществлять свою автономию на основе закона, стимулирование гармоничного развития отношений между национальностями, укрепление сплоченности, гарантии законных прав и интересов национальных меньшинств.

Положение о “сохранении и совершенствовании института национальной автономии” было зафиксировано и в принятом Уставе КПК. Включение этого положения в основные документы съезда свидетельствует о подтверждении взятого китайским руководством курса на реализацию прежде всего социальных проблем неханьских национальностей.

Важный момент — сохранение концептуально-теоретических основ системы районной национальной автономии. У районной национальной автономии по-прежнему сохраняется административный статус, не допускающий привне-

сения признаков государственности. Неизменными сохраняются и рамки самоуправления, не позволяющие квалифицировать существующую систему как широкую автономию. То есть, принцип районной национальной автономии как автономии административной, исключающей признание права неханьских национальностей КНР на самоопределение, сохранен в прежнем виде.

Включение этого положения косвенно содержит ответ на сепаратистскую деятельность далай-ламы. Напомним, что первоначально требования далай-ламы распространялись на предоставление Тибету независимости. В настоящее время они ограничиваются требованием для Тибета более широкой автономии.

Урбанизация и зерновой дефицит. Пробелы в социальной сфере. Как покончить с обнищанием?

*** Бони Л.Д. (д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ)**

Говоря об *итогах работы КПК в сельском хозяйстве, деревне* за последние 5 лет (2002—2007 гг.), следует выделить следующие основные несомненные успехи:

1. Принята и реализуется новая аграрная стратегия, провозгласившая отказ от политики внеэкономического изъятия внутренних накоплений сельского хозяйства на нужды индустриализации и усиление поддержки сельского хозяйства (курс “возврата долгов промышленностью сельскому хозяйству”, “город поддерживает деревню”, курс “больше давать, меньше брать, оживлять”) и переход к принципу “единого планирования экономического и социального развития деревни и города”. Иначе говоря, сняты институциональные преграды, ставившие деревню в неравные отношения с городом в экономической, социальной и других сферах. Открыт путь для включения аграрной экономики в единый общенациональный воспроизводственный процесс. Разработаны и приняты целевая программа реализации новой аграрной стратегии (“Строительство новой социалистической деревни”) и долгосрочная инновационная политика “развития современного сельского хозяйства”, в качестве “ключевого звена” строительства новой деревни, перехода к новому типу экономического роста. Таким образом, подготовлена теоретическая база и технология последовательного решения основных аспектов аграрной проблемы Китая. XVII съезд полностью подтвердил новую стратегическую линию партии в аграрном вопросе. Ее основные моменты внесены в новый Устав КПК.

2. Развернулись комплексные реформы в деревне (реформа административной структуры волостей и поселков, реформа системы управления финансами уездов, волостей и поселков; реформа по переходу на обязательное девятилетнее образование в деревне). Это реформы системного характера, направленные на создание современной системы и форм управления в деревне. Налицо первые результаты, но продвигаются они трудно, ибо затрагивают интересы многих сторон.

3. Крупный успех — полный переход в 2007 г. к системе бесплатного девятилетнего образования в начальных и средних сельских школах. Таких школ — 49 млн, а число учащихся — 150 млн. До сих пор основные расходы на образование детей несли сами крестьяне, теперь — государство.

4. Важным успехом можно назвать введение в 2007 г. системы социального обеспечения минимального уровня жизни в деревне; положено начало формированию общенациональной системы социального страхования. До сих пор такой системы в китайской деревне не было.

Касаясь трудностей и проблем на пути продвижения вперед, отчетный доклад обозначил среди основных проблему “чрезмерно большой расплаты ресурсами за прирост экономики”. Применительно к деревне это касается уско-

ренных темпов урбанизации в последние годы. В отчетном докладе об этом не сказано, однако данную тему поднимают многие китайские ученые. Признавая курс на урбанизацию стратегически правильным, они в тактическом плане подвергают резкой критике завышенные темпы и методы развертывания урбанизации (чрезмерные масштабы, незаконные зачастую методы реквизиции пашни, административное принуждение, недобровольный характер отторжения земель, недостаточный размер возмещения, обогащение местных властей за счет земельной ренты, нарушение имущественного права крестьян). В научной печати появился ряд статей о так называемых “новых сань нун” (*синь сань нун*), или новых трех сельских проблемах, в которых фактически выразилось обострение социальных последствий урбанизации. Как “новые три сельских проблемы” названы: неустроенность и тяжелое социальное положение крестьян-мигрантов в городах (150—200 млн чел.), резкое возрастание численности обезземеленных крестьян (около 90 млн в 2007 г.), выбитых из колеи и выброшенных за пределы производства; нарушения прав крестьян на подрядную землю, лишение их единственного средства к существованию, продолжающееся сокращение пахотных земель и исчезновение деревень. При этом оказывается, что уход около 200 млн крестьян из деревни в город не повлек расширения масштабов хозяйств, производительность труда в сельском хозяйстве не выросла. Урбанизация земли намного превышает урбанизацию крестьян, что является перегибом. В статье, написанной Лю Ци от имени парткома пров. Аньхой, сказано: “Сегодня урбанизация превратилась в самое тяжкое бремя для “сань нун”. При решении аграрной проблемы, считает он, следует “приложить максимум усилий, чтобы минимизировать “боль”, вызванную у сельского социума процессами индустриализации, урбанизации (Чжунго нунцунь цзинци. 2007. № 4. С.8). Более того, Лю Ци выступает против общепринятой позиции, согласно которой решение аграрной проблемы лежит вне деревни. Он настаивает, что “стратегический плацдарм решения аграрной проблемы долгие годы будет оставаться в деревне”. Доводы в защиту этой позиции: наличие в самой деревне потенциала для решения проблемы, а также неспособность нынешних городов “переварить” излишнее население в силу резкого обострения проблемы занятости (Там же. С. 9). Ученый-аграрник Дан Гоин в статье “Исследуя движение за строительство новой деревни 50 лет назад” пишет, что некогда для строительства новой деревни надо было прикреплять крестьян к земле, ныне же для создания новой деревни надо согнать одну часть крестьян с земли, а другую превратить в наемных рабочих... Мы надеемся, что XVII съезд КПК сможет создать политические условия для последовательного совершенствования политики создания новой деревни, стимулировать здоровое развитие новой деревни” (http://rdi.cass.cn/Show_News.asp?id=17411/2007-10-11). Таким образом, по своим темпам, методам и последствиям для деревни и города проводимый сегодня курс на ускоренную урбанизацию не отвечает требованиям научной концепции развития, интересам стабильности в стране, целям создания гармоничного общества.

Среди проблем в работе партии на экономическом и социальном фронтах Ху Цзинтао назвал *“увеличение трудностей на пути стабильного развития сельского хозяйства и постоянного роста доходов крестьян”*. А это — центральное звено всей аграрной проблемы. Такое признание в последнее время часто встречается в официальных документах, иногда в схожем варианте: *“Все труднее добиваться прироста производства зерна, повышения доходов крестьян”* (см., например, выступление Ху Цзинтао на Совещании ЦК КПК по экономической работе (2007 г.), Документ ЦК КПК № 1, 2007 г. и др.). Несомненно, имеется в виду, прежде всего, серьезность положения в производстве зерна за последние годы, что затрагивает проблему продовольственной безопасности Китая.

Общеизвестно, что одним из главных результатов реформы в деревне стало решение в основном проблемы питания миллиардного населения. За годы реформы производственный зерновой потенциал вырос почти втрое: со 170 млн т в 1978 г. до 512 млн т в 1998 г., а подушевое производство — до 400 кг и более, что позволило впервые в истории КНР обеспечить баланс общественного спроса и предложения зерна, создав солидный резерв. Однако в 1999—2003 гг. произошел спад на 78 млн т (15%). Экстренные меры нового руководства плюс начавшееся повышение рыночных цен позволили переломить тенденцию спада и перейти к восстановительному росту производства, однако пока что не удалось достичь показателей 1998 г., производство зерна остается ниже уровня реального спроса. В эти годы возник серьезный разрыв между уровнями производства зерна и непрерывно растущего спроса (свыше 20 млн т ежегодно); он покрывается за счет резервов и импорта, сильно выросшего за последние годы (в 2001 г. превысил 10 млн т, в 2002 г. — около 14 млн т. в 2003 г. — 23,7 млн т. в 2004 г. — 25,5 млн т., в 2005 г. — 22,2 млн т, 2006 г. — 25,35 млн т). Такой продовольственный баланс называют напряженным, и он сохранится, судя по прогнозам, в ближайшие годы. Значит, проблема продовольственной безопасности страны является острой. Анализ показывает, что все факторы, регулирующие спрос на зерно (рост численности населения, развитие экономики, повышение уровня доходов и изменения в структуре потребления), будут и дальше работать на его рост, ежегодный прирост которого составляет 4—5%. Что касается предложения зерна (тесно связанного с производством), то практически все объективные факторы роста, и прежде всего основные факторы производства (земля, рабочая сила, капитал), не стимулируют нужные темпы, их потенциал в нынешних условиях ограничен. Усиливающийся дефицит пахотных угодий становится главным ограничителем роста, и возможности расширения производства за счет увеличения посевных площадей невелики. Нынешний рост рыночных цен на зерно недостаточен, чтобы поднять материальную заинтересованность производителей. К тому же, опережающие темпы роста цен на сельскохозяйственные средства производства съедают значительную часть дохода. Ограничителями расширения производства зерна являются также растущий дефицит водных ресурсов, снижение плодородия почвы, утечка капитала и прочих ресурсов из отрасли, уход здоровой и грамотной рабочей силы из земледелия, сохранение мелкого распыленного крестьянского хозяйства как основы экстенсивного типа роста, практически исчерпавшего свои возможности; растущие природный и рыночный риски и пр. В этих условиях роль субъективного фактора — государственной политики поддержки агросферы, зернового производства — сегодня исключительно важна.

К резкому спаду производства зерна привела причинно-следственная череда причин: заниженные рыночные цены — падение доходов производителей от затоваривания продукции (на 300—400 млрд юаней в течение этих 5 лет) — широкомасштабное сокращение посевных площадей (по этой и другим причинам) — падение производства зерна. По большому же счету, этот “зерновой обвал” стал еще одним проявлением и предупреждением исчерпанности возможностей экстенсивного роста в ведущей отрасли земледелия, сигналом о насущности перехода к интенсивной модели развития. Соответственно, политика нового руководства должна включать две составляющие: 1) “пожарные” меры по ликвидации спада и восстановлению уже достигнутых уровней производства и предложения зерна; 2) меры долгосрочного характера, обеспечивающие постепенный переход на новую модель развития, в основе их — структурные реформы и инновационная модель модернизации отрасли. Эти меры требовали новой стратегии и тактики решения аграрной проблемы страны. На разработку их ушло 5 лет, и они еще не задействованы. Пока же, с 2004—2005 гг. осуществляется политика срочных мер, или т.н. “4 меры по увеличению доходов крестьян”.

ян”, включая: 1) освобождение от сельскохозяйственного налога, ряда других сельских налогов и сборов; 2) прямые дотации хлеборобам; 3) дотации на покупку элитных семян в части районов; 3) дотации на закупку сельскохозяйственной техники; 4) политику минимальных протекционистских закупочных цен на зерно в части главных зернопроизводящих районов. Эти меры позволили в определенной степени стабилизировать доходы хлеборобов и сыграли важную роль в восстановлении темпов роста доходов крестьян и производства зерна. Но, судя по итогам развития агросферы за последние годы, этих мер не достаточно. *Эффект от отмены сельхозналога и других налогов уже иссяк, возможности увеличения объема дотаций невелики и их размер недостаточен* (в 2004 г. 600 млн крестьян получило из страхового фонда зерна 13,2 млрд юаней, в среднем по 19 юаней на чел.). *Критерии самых низких закупочных цен также трудно повышать.* Соответственно, возможности проводимых мер поддержки зернового производства ограничены и недостаточны для решения задачи развития в агросфере, они в основном уже сыграли свою роль.

Нужны кардинальные меры, чтобы решить проблему стабильного устойчивого наращивания производства зерна, нужен “прорыв”. Это касается и наращивания доходов крестьян. Ведь основной доход крестьяне, занятые в земледелии, все еще получают от растениеводства, где главная составляющая — зерновое производство. Повышение доходов хлеборобов — главный рычаг расширения производства зерна, вторая сторона проблемы продовольственной безопасности страны.

Более того, неотъемлемой составной частью перехода к новой модели экономического роста XVII съезд назвал стимулирование внутреннего спроса, особенно потребительского, как серьезной движущей силы развития экономики. А без существенного повышения доходов крестьян нельзя поднять покупательную способность деревни, составляющей важную долю общественного спроса. Очевидно, что тех средств, которые уже выделяет государство на поддержку агросферы, недостаточно. Об этом тоже говорят китайские экономисты. Нужна реформа системы распределительных отношений, реформа структуры национального дохода, структуры расходов госбюджета, в гораздо большей мере учитывающих интересы сельского хозяйства, деревни, крестьянства. Об этом говорили китайские ученые все пять прошедших лет, об этом вскользь говорится и в отчетном докладе XVII съезду КПК. Произойдет ли чудо ?

**Волкова Л.А. (к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ)*

Итоги развития сельского хозяйства за предшествующее 5-летие в докладе Ху Цзиньтао оценены в целом положительно. Действительно, валовая продукция отрасли ежегодно возрастала, хотя и не слишком высокими темпами. Было отмечено, что стабильному развитию отрасли существенно помогли поддержка аграрной сферы государством по многим направлениям, предоставление льгот сельскому хозяйству, деревне и непосредственно крестьянам, включая отмену сельхозналога, налогов на продукцию животноводства и специфическую продукцию. Это создало хорошие стартовые условия для строительства новой социалистической деревни. Темпы роста доходов крестьян в последние годы (6—7% в год) были выше, чем в предшествовавшие 10 лет. Численность сельского населения, испытывающего трудности в обеспечении самыми необходимыми жизненными средствами, сократилась с 250 млн в начале 1980-х гг. до 21,5 млн в 2006 г. Осуществление бесплатного обязательного образования в деревне чрезвычайно важно для решения задач ее модернизации.

Но достигнутые успехи, как отмечено в докладе, не должны заслонять наличие немалых проблем. В аграрной сфере это — нарастание трудностей на пути стабильного прогресса земледелия и роста доходов крестьян, а также по-прежнему неравномерное развитие города и деревни. Сейчас, когда страна вступила в новый этап полного построения среднезажиточного общества и ускорения

социалистической модернизации, необходимо соответственно постулатам социализма с китайской спецификой продвигать экономическое, политическое, культурное и социальное строительство, стимулировать координацию всех звеньев и аспектов модернизации, соблюдать соответствие производственных отношений производительным силам, а надстройки — экономическому базису. Признана необходимость создания механизма координированного и интерактивного развития города, деревни и регионов, дальнейшего продвижения строительства новой социалистической деревни. От правильного разрешения проблемы сельского хозяйства, деревни и крестьянства зависит дело полного построения среднезажиточного общества, а потому это и впредь есть главнейшая из всех важных задач в работе партии, отметил Ху Цзиньтао. Предстоит усиливать базисное положение аграрного сектора, идти по пути его модернизации, формировать долгосрочный механизм стимулирования земледелия силами промышленности, подъема села при поддержке города, создавать новую схему интеграции социально-экономического развития города и деревни. По-прежнему считая рост современного земледелия и процветание сельской экономики первостепенной задачей, надо усиливать инфраструктурное строительство, совершенствовать рыночную систему и систему обслуживания аграрной сферы, оберегать пахотные земли, стимулировать научно-технический прогресс, повышать совокупную производственную мощь агросектора, обеспечивая продовольственную безопасность страны.

В докладе отмечена необходимость повышения качества и безопасности сельхозпродукции. Ставя в центр внимания увеличение крестьянских доходов, следует обеспечивать развитие поселково-волостных предприятий, наращивать уездную экономику, осуществлять многоканальное трудоустройство крестьян; поднимать уровень освоенческих работ, организуемых в порядке помощи нуждающимся. Надо углублять комплексную реформу в деревне, стимулируя реформу и инновацию сельской финансовой системы и реформируя систему коллективного права на леса. Важной задачей считается стабилизация и совершенствование отношений по земельному подряду, оздоровление рынка передачи прав на подрядное использование земли на основе законности, добровольности и возмездности, развитие многообразного по формам и рационального по масштабам хозяйствования там, где есть на то условия.

В ходе работы по модернизации аграрного сектора рекомендовано нащупывать формы эффективного функционирования коллективного сектора, обеспечивать развитие специализированных крестьянских кооперативов, поддерживать переход сельского хозяйства на индустриальное производство: готовить крестьян нового типа — образованных, технически грамотных и умеющих вести хозяйство.

Бергер Я.М. (д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ)

Приоритетные установки, с одной стороны, на преимущественно инновационное развитие экономики, а с другой — на укрепление чувства справедливости и стабильности в обществе требуют обеспечения равных возможностей доступа к образованию и повышения его качества. Этот мотив в полной мере нашел отражение в материалах XVII съезда КПК.

Для осуществления необходимых и назревших перемен в области образования нужны немалые материальные ресурсы и определенная корректировка образовательной политики государства.

Принятая в 1993 г. ЦК КПК и Госсоветом КНР Программа реформы и развития образования в Китае предусматривала, что бюджетные расходы на образование к 2000 г. должны достичь 4% ВВП. Эта цель, однако, не была достигнута. Реализацию поставленной задачи перенесли на 2005 г. Но и тогда удельный вес бюджетных расходов на образование составил лишь 2,82% ВВП.

По охвату образованием детей школьного возраста КНР — на 108-м месте в мире. Охват особенно низок в некоторых северо-западных и юго-западных

провинциях, где он в ряде случаев не достигает уровня 1953 г. У селян, особенно в экономически отсталых районах, значительно меньше шансов получить качественное образование, чем у горожан. Немалую долю расходов на образование детей приходится нести их семьям, что нередко оказывается непосильным бременем и ведет к отсеву учащихся.

С 2005 г. государство стало постепенно освобождать сельские семьи, испытывающие материальные трудности, от платы за обязательное образование и предоставлять дотации на проживание детей в общежитиях при школах. К 2010 г. правительство намерено добиться полного осуществления бесплатного обязательного образования в сельских районах по всей стране.

Избыток рабочей силы, особенно в сельских районах, с одной стороны, и вытеснение живого труда в результате технического прогресса, с другой, — постоянные источники напряженности в обеспечении трудоспособного населения рабочими местами. Отчетный доклад ЦК КПК XVII съезду предлагает решать вопросы трудоустройства, прежде всего, путем развития самостоятельного предпринимательства. Правительству предстоит активизировать усилия в этой области, используя и совершенствуя рыночные механизмы и расширяя систему профессиональной подготовки.

Важная область, где нужны немалые старания, чтобы устранить или хотя бы смягчить социальную несправедливость, — *распределение доходов*. Имущественная и социальная дифференциации приняли здесь редко встречающиеся в мире масштабы. Коэффициент Джини, показывающий степень расслоения общества, достиг 0,46, что превышает рациональный предел и даже границу безопасности.

В 2000 г. доля 10% городских семей с наиболее высокими доходами превышала долю 10% семей с самыми низкими доходами в 4,6 раза, а в 2005 г. — уже в 9,2 раза. Число долларовых миллионеров в Китае умножилось за 2001—2006 гг. с 124 тыс. до 310 тыс., Китай стал по этому показателю 5-м в мире после таких развитых стран, как США, Япония, Англия, Германия. Эта его верхушка, составляющая менее 0,01% всех семей Китая, обладает 41,4% имущества в стране — почти на треть больше, чем в среднем по миру. 5-я часть всего богатства страны принадлежит еще меньшей по численности группе семей, чьи финансовые ресурсы превышают 5 млн долл. Число таких семей возросло в 2001—2006 гг. с 14 тыс. до 48 тыс. Между тем, в конце 2006 г. в китайской деревне 21 млн чел. пребывало в состоянии абсолютной нищеты и еще 35 млн едва сводило концы с концами, в городах же у 20 млн чел. доходы были ниже прожиточного минимума. Очень велика разница в доходах между городом и селом, между различными регионами, между разными отраслями народного хозяйства.

За последние годы правительство приняло ряд мер для сокращения разрыва в материальном положении отдельных социальных групп. С этой целью снижалось налоговое бремя и увеличивались дотации для сельского населения, повышалось пенсионное обеспечение в городах, стимулировалась повторная занятость уволенных с государственных предприятий работников. С 1 января 2006 г. не облагаемый налогом уровень зарплаты был повышен до 1600 юаней (около 200 долл.), с июля началось урегулирование зарплат служащих и пенсионного обеспечения работников предприятий. Однако до кардинального разрешения проблем социального расслоения еще далеко.

В отчетном докладе ЦК КПК XVII съезду претерпела изменение прежняя установка на то, что при первичном распределении доходов приоритет отдается экономической эффективности, а социальная справедливость принимается в расчет преимущественно при перераспределении доходов — посредством фискальной и иной политики государства. Впервые в столь важном документе прозвучала мысль, что и при первичном распределении надлежит “правильно регулировать отношения между эффективностью и справедливостью”, а при пере-

распределении — “уделять еще больше внимания справедливости”. В первичном распределении доходов, указано в докладе, нужно повышать долю вознаграждения за труд. Все это дает основание полагать, что нынешнее руководство КПК настроено в большей мере, чем прежде, препятствовать усиливающейся тенденции расширения пропасти между богатыми и бедными.

К 2020 г. предполагается сформировать рациональную систему распределения доходов, обеспечить преобладание в обществе слоев со средними доходами, искоренить абсолютное обнищание. Этот путь мог бы не только способствовать решению одной из самых острых социальных проблем, но и изменить модель экономического роста, подведя под его продолжение надежную базу широкого внутреннего потребления.

Предполагается также “создавать условия для получения большим числом людей имущественных доходов”. Ныне на долю этого источника приходится лишь около 2% всех располагаемых доходов, а обладают ценными бумагами примерно 10% населения. По данным Государственного статистического управления КНР, в 2006 г. средний имущественный доход в расчете на одного горожанина составил несколько более 240 юаней (чуть больше 30 долл.). За последние годы фондовый рынок и рынок недвижимости в Китае быстро растут, увеличивается капитализация, но преобладающая часть имущественных доходов оказывается, естественно, в руках наиболее обеспеченных групп населения. Коэффициент Джини в распределении этого вида доходов достигает 0,55. Чтобы он способствовал сокращению социального расслоения, понадобится ряд существенных изменений в фискальной политике.

В материалах XVII съезда говорится и о необходимости скорейшего создания системы *социального обеспечения*, которая охватывала бы как городское, так и сельское население, включив в себя пенсии, базовое медицинское обслуживание, гарантии прожиточного минимума. Пока что во всех этих областях население испытывает серьезный дефицит.

В особо сложном положении — *здравоохранение*. Медицинская статистика свидетельствует, что основные позитивные сдвиги в состоянии здоровья населения были достигнуты в дореформенный период. За годы рыночных экономических реформ существенных перемен к лучшему не произошло. Так, резкое сокращение детской смертности имело место непосредственно после основания КНР, а в 1980 — 1990 гг. этот показатель менялся мало. Согласно социологическим опросам, население КНР ставит дороговизну медицинских услуг на 1-е место среди всех социальных проблем. По затратам они изымают в среднем 11,8% семейного бюджета, уступая лишь питанию. У 25% бедных крестьянских семей траты на лечение превышают их годовой доход.

Доля правительственных расходов на здравоохранение в ВВП составила в 2003 г. всего 0,95%, тогда как в среднеразвитых странах она достигает 3,1%. С начала реформистского курса в 1978 г. и вплоть до 2002 г. доля государства и нанимателей в структуре общих расходов на здравоохранение неизменно снижалась, а доля физических лиц — повышалась. В результате в 2003 г. на государство приходилось только 17% расходов, на предприятия и социальные учреждения — 27%, а остальные 56% расходов на здравоохранение несли сами граждане. Среднедушевые затраты на амбулаторное и стационарное лечение росли значительно быстрее, чем доходы.

Согласно исследованию Академии общественных наук Китая, 80% государственных ассигнований на медицину идет на обслуживание социальной группы, основу которой составляют 8,5 млн правительственных чиновников и партийных функционеров.

Для горожан в Китае существует система медицинского страхования. Однако из этой системы исключены работники частных и иностранных предпри-

ятий, а также безработные и приезжающие на работу в город жители села. В деревне за последние годы в экспериментальном порядке проводится работа по созданию системы медицинского обслуживания на кооперативных началах. К концу 2005 г. она охватила более 180 млн чел., или примерно 20% сельского населения. Однако система серьезно страдает от нехватки средств и не в состоянии оказывать серьезную поддержку населению.

80% государственных ассигнований на здравоохранение направляется в город и только 20% — в деревню. В расчете на душу населения эти ассигнования составляют в городе 38,3, в деревне — только 9,9 юаня. Полная или частичная утрата работоспособности из-за отсутствия своевременной и качественной медицинской помощи часто служит причиной бедственного положения крестьянской семьи. По данным Центра исследований развития при Госсовете КНР, средние расходы на лечение серьезного заболевания тратиться, в среднем, 7 тыс. юаней, что более чем втрое превышает чистый среднегодовой доход крестьянина.

Возможности КНР в развитии социальной сферы определяются в конечном счете объективными материальными условиями, прежде всего величиной ВВП в расчете на душу населения. Но немалую роль играют и субъективные устремления лидеров, их готовность уделять этой сфере необходимое внимание и адекватные ресурсы. Материалы XVII съезда КПК показывают очевидный позитивный сдвиг в данном направлении. Однако серьезное ослабление бремени социальных проблем может быть достигнуто только по мере приближения к дате построения "общества среднего достатка", т.е. к 2020 г.

Чуванкова В.В. (к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ)

Хочу остановиться на двух важных позициях съезда. Первая касается стратегии реформирования структуры собственности, вторая — концепции дальнейшего реформирования системы распределения доходов.

Анализ материалов XVII съезда КПК показывает, что китайское руководство в ходе трансформации форм экономического развития и совершенствования системы социалистической рыночной экономики намерено и дальше придерживаться курса на ускоренное развитие необщественного сектора экономики.

В докладе Ху Цзиньтао акцентировано внимание на следующем:

- необходимо сохранять и совершенствовать основную экономическую систему современного развития разных секторов экономики при доминанте сектора общественной собственности;
- без всяких колебаний поощрять, поддерживать и направлять развитие необщественного сектора экономики;
- создавать новую конфигурацию равноправной конкуренции и взаимного стимулирования различных секторов экономики;
- ширить равноправный допуск на рынок, улучшать условия для аккумуляции средств, снимать институциональные препятствия, способствуя тем самым развитию индивидуального и частного секторов экономики, средних и малых предприятий;
- продвигать реформу финансово-банковской системы, обеспечивая развитие финансовых рынков всех типов и создавая современную финансовую систему, которая охватывает разные формы собственности и хозяйствования;
- на основе современного регулирования имущественных прав развивать смешанный сектор экономики;
- осуществлять стратегию развития при расширении занятости, стимулировать трудоустройство за счет предпринимательства;
- совершенствовать политику поддержки самостоятельного предпринимательства и самостоятельного поиска работы, усиливать воспитание в духе обновления понимания занятости, чтобы все больше тружеников становилось организаторами собственного дела;

— поощрять представителей новых социальных слоев к активному участию в строительстве социализма с китайской спецификой.

Перечисленные установки показывают, сколь важное значение придавал съезд эффективному осуществлению государственной политики поддержки экономического роста общественного сектора, привлечению частного национального капитала к активному участию в экономическом и социальном развитии страны на новом этапе строительства среднезажиточного общества.

Особое место уделено социальным вопросам. В том числе — ослаблению тенденций роста разрыва в распределении доходов и имущественной дифференциации, что обусловлено изменением ориентации общества на развитие частной инициативы и деловой активности, снятием ограничений на рост личных доходов, признанием законности дохода от факторов капитала.

Как подчеркнул Ху Цзиньтао, чтобы “люди со средними доходами составляли большинство и абсолютному обнищанию был положен конец”, необходимо:

— далее проводить и отлаживать систему сосуществования многообразных форм распределения при доминанте распределения по труду;

— совершенствовать систему долевого участия в распределении доходов таких компонентов производства, как внесенный труд, капитал, технологии, управленческая работа и т.д.;

— готовить условия, чтобы еще больше людей получало доходы от имущества;

— создавать механизм нормального роста зарплаты рабочих и служащих предприятий, совершенствуя механизм ее выплаты;

— охранять законные доходы, регулировать завышенные и изымать незаконные доходы;

— усиливать налоговое регулирование, ломать хозяйственную монополию, создавать равенство шансов;

— постепенно увеличивать долю доходов населения в распределении национального дохода.

Таким образом, совершенствование системы распределения доходов всех слоев населения и борьба с нелегальными доходами трактуется как одна из главных задач в деле сохранения социальной стабильности в стране.

Пивоварова Э.П. (д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ)

В первую очередь о XVII съезде КПК можно сказать, что он подтвердил верность нынешнего руководства КНР курсу, определенному третьим поколением китайских руководителей. Этот курс был направлен на решение не только прежних, но и тех новых проблем, которые были порождены проведением, причем достаточно успешным, рыночных реформ и открытой политики в последнюю четверть XX века. Неизбежным итогом допущения частного предпринимательства и рыночных отношений в прежней планово-централизованной экономике стал не только социально-экономический прогресс (рост производства и доходов практически всех категорий населения), но и не полностью гарантированная занятость, рост имущественной дифференциации и коррупции в обществе, которые во все большей степени стали негативно влиять на социально-политическую стабильность.

Китайское руководство на всех последних форумах, начиная с 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва в 2003 г., обращало особое внимание именно на необходимость сдерживания роста имущественной дифференциации в обществе, увеличения доли населения со средними доходами, улучшения материального положения людей с низкими доходами и устранения незаконного получения доходов. Эти темы специально поднимались на 5-м пленуме ЦК КПК в 2005 г., совещаниях в Политбюро ЦК КПК и сессиях ВСНП в 2006 и в 2007 гг.

Как и следовало ожидать, тема социального строительства в соответствии со взятым в последние годы в качестве руководства к действию принципом “человек — основа основ” стала на XVII съезде одной из главных. Именно этой идеей пронизан каждый из 12 разделов доклада Председателя КНР Ху Цзиньтао. Ей отведен специальный раздел доклада, озаглавленный “Ускоренно стимулировать социальное строительство с акцентом на улучшение жизни народа”, где по существу получили развитие идеи, поднятые еще Цзян Цзэмином на XVI съезде КПК.

Вопросы организации распределения доходов городского и сельского населения, наиболее близко стоящие к проблеме роста имущественного расслоения в китайском обществе, еще на XV съезде КПК были поставлены в схему необходимости учета факторов как эффективности, так и справедливости. На XVI съезде в качестве подтверждения верности этому принципу при начальном распределении предлагалось при перераспределении национального дохода делать упор на справедливость, усиливая регулирующие функции правительства.

Ныне КПК, вновь обращаясь к теме правильного регулирования в системе распределения отношений между эффективностью и справедливостью, подчеркивает необходимость при перераспределении национального дохода “уделять еще больше внимания справедливости”, “повышать долю вознаграждения за труд при начальном распределении”, “специально повышать доходы низкооплачиваемых категорий людей, постепенно повышая как норму средств на преодоление бедности, так и норму минимальной заработной платы”. Что касается “чрезмерно высоких” доходов, то вновь, как и на предыдущих форумах, на XVII съезде указано на необходимость не только “регулировать”, но и “изымать” таковые.

То есть, китайское руководство все последние годы провозглашает политику, направленную на то, чтобы растущая имущественная дифференциация не переросла в “поляризацию” общества, когда не только богатеют богатые, но и беднеют бедные. Именно поэтому китайское руководство, реально оценивая возможности страны, сегодня в первую очередь говорит о поддержке наиболее обездоленных слоев населения.

Что касается поставленной в заголовок доклада на съезде задачи “полного построения среднезажиточного общества”, то, как подчеркивает Ху Цзиньтао, для ее осуществления “нужны еще десять с лишним лет усилий”.

Интересно, что именно на XVII съезде КПК, то есть впервые на высшем форуме страны, Ху Цзиньтао решительно высказывается и относительно сроков возможного осуществления поставленных перед народом Китая глобальных задач, причем эти сроки у него оказываются самыми длинными по сравнению с теми, что ранее обозначались как его предшественниками, так и его нынешними соратниками. Так, для осуществления в основном модернизации, по мнению Ху Цзиньтао, необходимы “дальнейшие усилия в течение нескольких десятилетий, а для закрепления и последующего развития социалистического строя — неустанные усилия и борьба нескольких, нет, десяти с лишним и даже нескольких десятков поколений людей”. Для этого, считает он, необходимо “не забывать об опасностях и быть начеку против возможных невзгод, всегда хранить непоколебимую веру в марксизм, в социализм с китайской спецификой, в осуществимость великого возрождения китайской нации”.

Нюансы XVI и XVII съездов. Полный спектр экологических проблем. Сочетаемы ли — “быстрое” с “хорошим”?

Муромцева З. А. (к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ)

Словосочетание “индустриализация нового типа” в материалах XVII съезда КПК встречается реже, чем на XVI. Оно как бы растворяется в широко развернутой проблематике социалистической модернизации. В разделе “Общая

программа" Устава КПК, принятого XVII съездом, после задачи "строить новую социалистическую деревню" фигурирует задача: "идти по пути индустриализации нового типа с китайской спецификой, создавать государство инновационного типа и такое общество, которое бережет ресурсы и дружелюбно относится к окружающей среде". Толкование индустриализации нового типа, определявшейся на XVI съезде КПК как "создание высоконаучоемкого и техноемкого производства с хорошей экономической эффективностью, низкими затратами ресурсов, незначительным загрязнением окружающей среды и возможностью выявления преимуществ в людских ресурсах", изменилось, став несколько размытым. При этом добавился акцент на китайскую специфику.

Пути индустриализации нового типа в материалах XVII съезда КПК сочетаются с высокими технологиями, созданием инновационного государства, с развитием агросферы, социально-экономической инфраструктуры, призванными гармонизировать проблемы окружающей среды и возрастания населения. Сознательное продвижение по пути научного развития, сказано в отчетном докладе XVII съезду, сопряжено с приумножением предсказуемых и непредсказуемых рисков, порождаемых полным включением в экономическую глобализацию, ставит новые задачи при углублении индустриализации, информатизации, урбанизации и маркетизации. Подчеркивается необходимость ускорения трансформации форм экономического развития и производственной структуры. К 2020 г. Китай в основном осуществит индустриализацию. Эта веха в экономическом развитии уже была отмечена пятью годами ранее — на XVI съезде. Проблематика эффективного использования ресурсов и улучшения экологии увязывались не напрямую, а лишь подспудно с индустриализацией нового типа, ставилась задача значительного повышения количественных показателей экономики в 1-м десятилетии XXI в.

На XVII съезде "китайская специфика" индустриализации нового типа особенно акцентирована в 5-м разделе отчетного доклада ("Стимулировать как хорошее, так и быстрое развитие экономики"). Китай, с одной стороны, ставит задачу следовать новому пути индустриализации, осуществлять государственную стратегию инновационного развития, чтобы улучшить качество экономического роста. повысить свой статус в мировой иерархии развития и изменить экстенсивную модель роста. Одновременно продолжится использование преимуществ в дешевой рабочей силе и развитие традиционных трудоинтенсивных отраслей.

Проблемы развития реформы госсектора и системы управления госимуществом, на которые ставился акцент в ходе XVI съезда КПК, ныне обозначены как мешающие развитию институционально-структурные препятствия, которые придется брать "штурмом".

Отмечено усиление самостоятельности, альтернативности, изменчивости и дифференцированности мыслительной деятельности. Значит, китайское общество уже не чистый лист бумаги, на котором можно писать "любые иероглифы". Социальное строительство и управление в стране стоят перед лицом множества новых проблем. Дальнейшее реформирование госсектора и системы управления госимуществом остаются социально взрывоопасными, хотя и не в такой степени, как в аграрной сфере.

Рассматривая пути индустриализации нового типа, обозначенные съездом, следует обратить внимание и на IX раздел отчетного доклада ("Создавать новую обстановку в модернизации национальной обороны и вооруженных сил", где поставлена задача "проторять пути слитного военно-гражданского развития, имеющего китайскую специфику". Такая слитность сулит возможность более успешного распространения высоких технологий в различных отраслях народного хозяйства КНР.

Постулаты XVI съезда о пути индустриализации нового типа, предусматривавшие задачу формировать посредством повышения классности производственных структур такую конфигурацию, в которой главенствуют высокие технологии, опорными являются базовые отрасли и машиностроение, а сервисные отрасли получают полное развитие, ныне как бы остались за кадром. Но это не означает потери их значимости в движении модернизации — скорее, свидетельствует о понимании руководством КПК усиливающейся сложности осуществления индустриализации нового типа. Модель экономического роста, по которой экономика Китая развивалась за время реформ, не является устойчивой. Смена модели роста, сердцевинной которой должна стать индустриализация нового типа, — задача в условиях Китая архитрудная. Как успех, так и провал его усилий в этом направлении в любом случае окажет влияние на мировое развитие. Остерегаясь неудач осуществления индустриализации нового типа, XVII съезд связал ее с китайской спецификой, что одновременно служит и защитой, и орудием нападения на критиков.

На наш взгляд, мнение некоторых экспертов (например, в Японии и России) об изменении приоритетов экономической стратегии (что вместо экономического роста как первостепенной задачи поставлены проблемы борьбы с загрязнением и экономии энергии) оправданно лишь частично. Проблема индустриализации нового типа с китайской спецификой вскрывает серию аргументов, в которой изменение модели роста Китая может происходить на фоне “быстрого”, но не всегда “хорошего” развития.

Ушаков И. В. (*старший научный сотрудник ИДВ*)

На XVII съезде КПК экологическая проблема приобрела новое звучание. Среди требований всестороннего построения общества среднего достатка самостоятельное место отведено в докладе Ху Цзиньтао формированию экологической культуры и ее закреплению в сознании китайского общества. Подобный разворот экологической проблемы в идеологическую плоскость можно расценить как прямое обращение к нации перед лицом нарастающей угрозы экологической безопасности государства. Далее, уже в другом разделе доклада (“Стимулировать “и хорошее, и быстрое”) указано, что дальнейшее проведение базовой политики государства в области экономии ресурсов и охраны окружающей среды затрагивает коренные интересы китайской нации. Более того — ее существование и будущее. Другими словами, эта проблема касается всех и каждого, здесь не может быть сторонних наблюдателей.

Столь заостренное внимание к экологической проблеме и апелляция в этой связи ко всему обществу вполне закономерны. Это продиктовано нарастающей обеспокоенностью по поводу дефицита стратегических природных ресурсов и состояния окружающей среды. Китай является, пожалуй, единственной страной в мире, испытывающей на себе в полной мере и во всем разнообразии весь спектр экологических проблем. На протяжении последних двух десятилетий страна пребывает в состоянии постоянного экологического стресса. Китай уже давно преступил свои “экологические пределы”. Численность его населения почти вдвое превышает максимально допустимый, по мнению китайских специалистов, уровень в 700 млн чел. Выбросы двуокиси серы, этого наиболее характерного и значимого для Китая загрязнителя, сегодня более, чем вдвое превышают способность природной среды к его нейтрализации. Объемы COD (показатель загрязнения водной среды, центральный показатель ее состояния, используемый китайской экологической статистикой) почти вдвое превышают ассимилирующую емкость природной среды. Вплотную к “красной черте” (120 млн га) приблизилась площадь пахотного клина страны — по состоянию на 31 октября 2006 г. она составляла 121,8 млн га (<http://russian.people.com.cn/31521/5613303.html>). К “красной черте” движется и такой стратегический ресурс, как

пресная вода. В 2006 г. объем водных ресурсов в расчете на душу населения в Китае сократился на 9,6%, составив 1945 куб. м (Жэньминь жибао. 2007 г., 28 февр.). Предыдущее сокращение этого показателя до 1856 куб. м на душу населения было зафиксировано в 2004 г. Осталось совсем немного до принятого в международных расчетах показателя в 1700 куб. м на душу населения, характеризующего ситуацию с водными ресурсами как напряженную. Между тем, уже сегодня почти половина административных единиц КНР перешли эту “красную черту”. Более того, почти в трети провинций, автономных районов и городов центрального подчинения на душу населения приходится менее 1000 куб. м водных ресурсов — границы водного дефицита. Причем дефицит обрел острый характер в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, в провинциях Шаньси, Хэбэй, Нинся-Хуэйском автономном районе и т.д. Показатель объема водных ресурсов на душу населения в 4—10 раз ниже границы водного дефицита (Чжунго тунцзи няньцзянь. 2006. С. 412).

В Китае отдают себе отчет в серьезности сложившейся ситуации. Годы, прошедшие после XVI съезда КПК, отмечены заметной активизацией экологической политики. В плане социально-экономического развития страны на 11-ю 5-летку (2006—2010 гг.) экологические показатели заняли одно из центральных мест. Однако высокие темпы экономического роста, значительно превысившие предусмотренные пятилетним планом показатели, затянувшийся “бум” капитального строительства, высокая динамика “грязных” производств, по сути дела, поставили под вопрос выполнение задач 11-й 5-летки — снижение объемов выброса основных видов загрязняющих веществ (диоксида серы и COD) на 10% по сравнению с уровнем 2005 г. (то есть ежегодное сокращение этих объемов примерно на 2%).

В 2006 г. ситуация стала приобретать драматический характер. Выбросы диоксида серы вместо запланированного сокращения на 2% выросли на 1,5%, а показатель COD — на 1%. И это вопреки предпринятым в Китае воистину титаническим усилиям. Так, за один 2006 г. сероочистное оборудование появилось на электрогенераторах с суммарной установленной мощностью в 104 млн кВт.

В 2007 г. интенсивность природоохранной деятельности продолжала нарастать. В итоге был принят “Комплексный рабочий план экономии энергоресурсов и сокращения выбросов загрязняющих веществ”, конкретизировавший задачи 5-летнего плана. Вслед за этим был оглашен “Национальный проект реагирования Китая на климатические изменения”, который органично связан с упомянутым “Планом” и представляет собой, по сути, развернутую экологическую программу. Стоит отметить, что появление этого Проекта было не в последнюю очередь связано с внешним фактором, а именно, с нарастающим вниманием мирового сообщества к феномену глобального потепления и его последствиям. В связи с тем, что Китай является крупным эмитентом диоксида углерода — одного из основных компонентов парниковых газов, он стал объектом критики со стороны ряда государств. Аргументация китайской стороны сводится к тому, что в расчете на душу населения выбросы диоксида углерода в Китае составляют лишь 87% от среднемирового уровня. Правда, Китай не афиширует того, что удельные выбросы в расчете на единицу ВВП превышают среднемировой уровень в 3,8 раза (Чжунго кэчисюй фачжань чжанлюэ баогао. 2006. С. 339). Как представляется, вся эта “история с диоксидом углерода” не лишена элементов “климатической дипломатии”. Нужно признать: как это следует из содержания Проекта, КНР в рамках реально имеющихся у нее сил и возможностей, остро ощущая на себе все негативные последствия климатических изменений, демонстрирует готовность к поиску конструктивных решений и сотрудничеству с мировым сообществом.

Обратимся вновь к самому Китаю. После принятия вышеупомянутых Плана и Проекта на решение экологической проблемы была мобилизована вся мощь государства. Уже в июле 2007 г. была создана Национальная руководящая группа по реагированию на изменения климата, сокращению энергозатрат и выбросов загрязняющих веществ. Возглавил ее (что примечательно) Вэнь Цзябао. К экологической проблематике подключился Госкомитет по делам развития и реформ, который пришел на помощь явно не справляющемуся с ситуацией Государственному управлению по охране окружающей среды. Примечательно, что на 29-й сессии ПК ВСНП 10-го созыва, состоявшейся незадолго до XVII съезда, с принципиальным докладом о положении дел с экономией энергоресурсов и охраной окружающей среды выступил Ма Кай, глава Госкомитета по делам развития и реформ.

Каковы же результаты? В первой половине 2007 г. на 0,88% сократились выбросы двуокиси серы, хотя показатель COD все-таки вырос на 0,24%. По предварительным данным, за три квартала 2007 г. наконец удалось достичь снижения по обоим показателям (Чжунго хуаньцзин бао. 25 окт. 2007).

Быть ли 2007 году переломным в выполнении заданий 11-й пятилетки по экологическому блоку? Как скоро Китай выйдет на запланированное ежегодное 2-процентное сокращение выбросов загрязняющих веществ? Ответа на эти вопросы пока нет. Ясно одно: сейчас страна прилагает колоссальные усилия, чтобы выйти из “экологического цейтнота”. Ясно и то, со сколь тяжелым “экологическим грузом” подошла КПК к своему съезду и почему на нем такое внимание было уделено экологической проблеме.

** Кравина Е. И. (к.э.н., старший научный сотрудник ИДВ)*

В XXI веке задачи устойчивого развития приобрели глобальную значимость, обернувшись проблемой выживания человечества. По оценкам Всемирного банка, для устойчивого развития необходимо, чтобы не менее 30% территории суши находились в состоянии близком к естественному. В мире в среднем этот показатель составляет 40%, в России — 60%, в Китае — 20%.

Переход к устойчивому развитию — одно из приоритетных направлений работы правительства КНР в 11-й пятилетке (2006—2010 гг.). На XVII съезде особое внимание было уделено научной концепции “обеспечения всестороннего, гармоничного и устойчивого развития”, она внесена в Устав КПК. Ее главные цели — превращение Китая в мощную передовую мировую державу, повышение благополучия населения, увеличение производства экологически безопасной продукции и улучшение состояния природного базиса.

Принципы и методы устойчивого развития определяются путем интегрального использования природно-экологических, технико-экономических, социально-демографических, организационно-хозяйственных и информационных ресурсов страны. На первое место выдвигаются новые задачи: получение научных знаний об основах гармоничного развития; выявление экологических рисков, порождаемых современным производством, а также глобальными природными процессами и явлениями; повышение научного потенциала; охрана генетических ресурсов биосферы. Рациональное их использование и воспроизводство, улучшение качества и способности к саморегулированию — гарантия единого, сбалансированного развития общества.

В настоящее время по 30-ти критериям, включая среднедушевой объем выброса двуокиси серы, коэффициент обработки бытовых сточных вод, долю лесного покрова, удельный вес “зеленых” продуктов сельского хозяйства, безопасность питьевого водоснабжения, долю возобновляемых энергоресурсов, должностей в составе населения, КНР — на 100-м месте в мире. По подсчетам китайских ученых, без принятия срочных конкретных мер в ближайшие 20 лет может произойти углубление земельного, водного и энергетического кризисов, воз-

растет объем бытовых и промышленных отходов, загрязнение атмосферы, обезлесение, разрушение генетического фонда живой природы. При значительном росте населения за тот же период может реально оформиться угроза продовольственной безопасности.

Один из важнейших ее показателей (согласно категориям ФАО) — «динамика среднечеловеческого производства зерна». Наиболее общим нижним его пределом считается производство 600 кг на человека в год. В Китае этот показатель практически не увеличивается с 1990-х гг. Достигнув максимума (400 кг) в середине 1980-х гг., он снизился к 2006 г. до 378 кг.

На XVII съезде прозвучала новая для эпохи реформ и открытий формулировка «обеспечение как хорошего, так и быстрого развития». Прежнюю модель, строившуюся на количественных показателях, сменяет новая — поступательного, сбалансированного и стабильного развития.

Ху Цзиньтао отметил: «Коммунистическая партия Китая призвана вести народ на создание гармоничного социалистического государства. Неуклонно идти по пути цивилизованного развития, который гарантирует рост производства, зажиточную жизнь и поддержание экологии в хорошем состоянии; формировать такое общество, которое бережет ресурсы. Необходимо приводить темпы в единство со структурой, качеством и эффективностью, а экономическое развитие — в гармонию с демографией, ресурсами и экосферой при акценте на предупреждение и устранение загрязнений.

Важные задачи — совершенствование законов и установок, нацеленных на экономию энергетических и других ресурсов; ускорение создания механизма устойчивого развития; проведение в жизнь системы ответственности за уменьшение выбросов; распространение передовых и практически применимых технологий по ресурсоэкономии, ресурсозамене, рециркуляционному ресурсопользованию; обеспечение вложения средств в экоохранную индустрию, в благоустройство города и села, гидромелиоративное строительство, лесоводство, облагораживание степей. В настоящее время государство принимает особые меры против опустынивания и петрификации; стимулирует экологическую рекультивацию земель; совершенствует механизм, отражающий дефицитность ресурсов и себестоимость урона, нанесенного окружающей среде.

Взаимосвязь глобальных процессов и локальных экологических проблем негативно повлияет на аграрное производство Китая, ведет к сокращению осадков, снижению урожайности культур, особенно риса, сои и кукурузы, ускоряет процессы деградации степей и опустынивания. Глобальные климатические изменения, наблюдаемые в последние десятилетия, выдвигают в число приоритетных проблему мониторинга биоклиматического потенциала. Ее реализация с помощью современных технических и технологических средств позволяет получить серьезное информационное обоснование при разработке мероприятий по обеспечению устойчивого и оптимального развития агропроизводства, поднятию на новый уровень решения проблемы продовольственной безопасности. В докладе Ху Цзиньтао прозвучал призыв внести новый вклад в охрану климата на планете.

Новая экологическая стратегия ориентирует китайский народ на соединение материальной цивилизации Запада с социалистической духовной цивилизацией Китая, ее целью провозглашено рождение отлаженного, устойчивого и могучего организма Средней процветающей страны, настроенной на единый ритм с природой. В качестве механизма достижения этой цели выбран синтез нравственного совершенства и социальной активности, традиционализма и модернизации.

Деидеологизация внешних связей. Треугольник КНР — РФ — США. Плюсы и минусы “открытости”.

Барышников В.Н. (к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ)

Внешнеполитическая тематика в отчетном докладе ЦК КПК XVII съезду отмечена краткостью и общим характером. В нем без подробной детализации фиксируются прежние установки о проведении Китаем мирной внешней политики независимости и самостоятельности. Констатируется рост его важной конструктивной роли в международных делах, расширение и укрепление обменов и сотрудничества с зарубежными государствами. Подчеркивается, что все это помогло создать благоприятную международную среду для полного построения среднезажиточного общества.

Именно эта, фактически служебная роль внешней политики в решении главной для Китая задачи — постоянного подъема экономики, наращивания совокупной национальной мощи и мирного возвышения проходит красной нитью через весь внешнеполитический раздел.

Особо акцентируется важнейшее значение политики внешней открытости, которая позволила стране совершить исторический переход от частичной или полной замкнутости к “открытости по всему пеленгу”. В докладе ставится задача к 2020 г. сделать Китай еще более открытым и привлекательным для внешнего мира. Расширение сферы открытости и одновременное повышение уровня развития китайской экономики открытого типа обещают создание новых преимуществ участия Китая в международном экономическом сотрудничестве и конкуренции в условиях экономической глобализации.

Среди общих положений, обосновывающих интенсификацию Китаем международных торгово-экономических связей в качестве особо актуальной задачи подчеркивается необходимость расширения международного сотрудничества в сфере энергетических ресурсов. В этом усматривается возможность смягчения обостряющегося дефицита энергии, угрожающего стать тормозом в осуществлении планов строительства.

Развитие страны носит исключительно мирный характер, говорится в докладе Ху Цзиньтао, и потому Китай нуждается в мирной обстановке, которая, хотя и сталкивается с множеством вызовов, однако “в целом стабильна”. В докладе нет даже упоминаний и оценок “горячих проблем” (ситуации в Ираке, Иране, на Ближнем Востоке и т.д.) как нет и намека на критику “гегемонизма” в связи с обострением положения в этих районах. Постоянное подчеркивание “мирного развития” и “мирного возвышения” Китая призвано успокоить страхи в мире в связи с неуклонным наращиванием китайской мощи, вместе с тем создавая необходимую международную среду для продолжения высоких темпов развития. Доклад ратует за то, чтобы общими усилиями всех народов “продвигать создание гармоничного мира с прочным миром и общим процветанием”. Содержание внешнеполитического раздела деидеологизировано, в нем не фигурируют ни империалистические, ни социалистические страны, а лишь развитые и развивающиеся, а также сопредельные страны.

В отношении развитых стран в докладе говорится о намерении Китая и дальше усиливать стратегический диалог, укреплять взаимодействие и углублять сотрудничество, стимулировать “длительное, стабильное и здоровое развитие взаимных отношений с ними”.

В адрес развивающихся стран выражается намерение крепить сплоченность и деловое сотрудничество, оказывать им посильную помощь, поддерживать международное сообщество в оказании им поддержки в самостоятельном

развитии. Вместе с тем отсутствует привычное причисление самого Китая к развивающимся странам.

Одновременно делается упор на заметное повышение международного статуса и влияния Китая, на огромный вклад его развития в дело прогресса мировой экономики и человеческой цивилизации.

Важное позитивное значение имеет отмеченное в докладе Ху Цзиньтао неприятие Китаем терроризма во всех его формах, выступление против любого гегемонизма и силовой политики. Вновь озвучен тезис, что КНР никогда не будет претендовать на гегемонию и заниматься экспансией.

Чувствуется некое стремление как бы отгородиться от наиболее острых международных проблем, которые непосредственно не затрагивают насущных китайских интересов, не осложнять отношений ни с какими странами. Прагматизм будет главным критерием при подходе Китая к международным делам. Создается уверенность, что в Китае намерены твердо следовать внешнеполитическому завещанию Дэн Сяопина, сформулированному в начале 90-х гг. — хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, не терять самообладания, скрывать свои возможности и дожидаться благоприятного момента, стоять на своем, не высовываться, но быть готовым к действиям.

Давыдов А.С. (к.и.н., зам. главного редактора ПДВ, ведущий научный сотрудник ИДВ)

В дополнение к предыдущему выступлению хотелось бы высказать ряд соображений по поводу внешнеполитического раздела доклада и остановиться на отношениях Китая с США и Россией. Предварительно считаю целесообразным заметить, что в документах китайских партийных форумов, созываемых раз в 5 лет, в отличие от отчетов о работе правительства КНР на ежегодных сессиях ВСНП, речь, как правило, идет не столько о конкретных итогах деятельности и задачах на текущий период, сколько о стратегических направлениях и целях установочного характера в ключевых областях внутренней и внешней политики страны. Не исключение и нынешний отчетный доклад ЦК КПК.

Как хорошо известно специалистам, чтобы глубоко проникнуть не просто в содержание, а в суть любого китайского текста, необходимо обращать внимание непосредственно на форму подачи материала. Именно в таком аспекте анализ текста порою дает ключ к осмыслению того, что “зашифровано” между строк. В этом смысле нынешний отчетный доклад весьма показателен: за внешней оболочкой кажущейся общей фразеологии просматривается не просто “стержневая” структура, состоящая из 12-ти разделов, а некая установленная очередность стратегических задач, перечисляемых в порядке их приоритетности и важности.

Однако то, что международный раздел занимает в их ряду предпоследнюю 11-ю позицию, совсем не означает, что внешняя политика и международные отношения для Китая второстепенны. Из структуры доклада вытекает лишь, что на предстоящие 5 лет приоритет отдается решению внутренних задач, а необходимая для этого благоприятная международная среда есть сопутствующая, но очень важная функция их успешной реализации.

Характерно, что международной части предшествуют разделы о модернизации вооруженных сил КНР и осуществлении Китаем курса на возвращение Тайваня в “лоно Родины”. Это очень симптоматичное, знаковое соседство. Смысл его можно увидеть в том, что, ратуя за исключительно мирный путь развития международных отношений и процесс воссоединения острова с материком, Китай, тем не менее, не только предпочитает “держат порох сухим”, но и продол-

жает наращивание своего военно-стратегического (причем, не только оборонного) потенциала.

Пока по военным показателям способность КНР к осуществлению долговременного силового воздействия за границами своей периферии является ограниченной, но продолжение военной модернизации может существенно усилить эту способность. И хотя на 99% Китай ориентируется на мирное объединение, он, очевидно, не исключает полностью возможности прибегнуть в самом крайнем случае к использованию для этого силового варианта. Склонить чашу весов в пользу такого решения, по-видимому, могут следующие обстоятельства: 1) сохранение у власти на острове сил, которые последовательно продолжают линию Чэнь Шуйбяня; 2) явная обструкция со стороны тайваньской администрации, нацеленная на бесконечное затягивание процесса и замедление любых шагов на пути к объединению; 3) преобладание внутри руководства КНР линии "ястребов", ратующих за "реальное ускорение" процесса, катализатором которого вполне может стать общенациональная эйфория на почве подъема патриотических чувств в результате любых крупных прорывов или достижений (например, громкий космический успех или общекомандная победа команды КНР на Олимпиаде-2008 в Пекине).

Тайваньский вопрос, как известно, является существенной и самой болевой частью отношений между Китаем и США. Хотя завершающийся год признается обеими сторонами "одним из наиболее благоприятных" в плане состояния и развития этих отношений, в них отнюдь не все так безоблачно, как кажется на первый взгляд. И хотя в международном разделе доклада не названа ни одна страна, которой адресно инкриминировались бы те или иные обвинения или действия, с которыми не согласен Китай, тезис о необратимости многополярности в сочетании с критикой гегемонизма и силовой политики, требования соблюдения Устава ООН, норм и принципов международного права и демократизации международных отношений не оставляют сомнений в том, что главной мишенью и глобальным антагонистом КНР остаются США. Причем акцент на антиамериканизм по сравнению с документами предыдущего партийного форума заметно усилился: раньше критиковались лишь американские попытки "усиления однополярности". Такая тенденция усиления вполне естественна, поскольку за прошедшие 5 лет Китай набрал силу и ощущает себя все более способным и состоятельным бросить США серьезный вызов. Однако пока все происходит в завуалированной форме. КНР не педалирует открыто антагонизм и соперничество и готова отделять актуальные для нее проблемы от возможно более значимых в международном плане задач, но не входящих на сегодняшнем этапе в круг ее первоочередных интересов, даже если вмешательство Китая в их решение создавало бы трудности для США как потенциального соперника. На нынешнем этапе Китай "затаился", заняв выжидательную позицию и сохраняя широкие возможности внешнеполитического маневрирования. Это вполне в духе наставлений Дэн Сяопина, призывавшего "скрывать возможности, ожидая благоприятного момента, пытаться воспользоваться своими преимуществами, извлекая выгоду из текущей ситуации".

Опыт последних десятилетий свидетельствует, что Китай, как правило, не бросает слов на ветер. Декларируя определенную цель, он так или иначе добивается ее рано или поздно. Пекин нацелен на построение многополярного мира и сделает все, чтобы этого достигнуть. Хотя на этом пути предстоит сделать еще очень многое, контуры такого построения уже сейчас прорисовываются более или менее четко: США, Евросоюз, Китай, Япония и, возможно, Россия. Последующее развитие ситуации при определенных условиях может опять вылиться в появ-

ление биполярной системы. Нынешние США вряд ли согласятся с таким вариантом мироустройства "по-пекински". Значит, потенциальный антагонизм, вытекающий из разновекторности устремлений Америки и Китая, может трансформироваться в реальный.

Другим пунктом расхождений может стать экономическое соперничество и конкуренция за обеспечение доступа к ресурсам. КНР стремительно сокращает разрыв с США по общему объему ВВП, хотя в расчете на душу населения китайский показатель еще очень долго будет отставать. В то же время сохранение Китая в качестве основы развития той ресурсозатратной и "ресурсоистребительной" модели, которую он пока практикует, может создать опасные проблемы в его отношениях с США. На исключительную серьезность энергетических и экологических проблем для самого Китая и китайско-американских отношений не случайно указывал совсем недавно Г. Киссинджер, подчеркнувший, что их нерешенность "может привести к возникновению войны, аналогичной войне в начале XX века" ("Жэньминь жибао" он-лайн, 04.04.07). США начали реально опасаться экономического роста и усиления Китая. Недавнее сообщение, что китайская корпорация "Петро-Чайна" с объемом активов свыше 1 трлн долл. вышла по капитализации на 1-е место среди мировых нефтяных компаний, а в их первой пятёрке числятся 3 компании из КНР и только 2 американские, вряд ли прибавит США оптимизма.

Тем не менее, на сегодняшний день относительная стабильность американо-китайских отношений опирается на прочный фундамент двусторонней торговли на уровне 300 млрд долл., солидную "подушку" американских инвестиций в Китае и заинтересованность последнего в экономических и технологических дивидендах, которые он получает в Америке и использует для собственного развития.

Такого основательного экономического фундамента, к сожалению, пока нет у отношений КНР с Россией. Объем их взаимной торговли практически в 10 раз уступает китайско-американской. Ее наполнение для Китая остается по преимуществу сырьевым. По итогам 2006 г. Россия среди торговых партнеров КНР занимала лишь 9-е место. В экономике в целом стороны пока не стабилизировались на уровне стратегически значимых партнеров. В определенной степени достижению этого уровня препятствуют как расширяющиеся и выходящие за рамки российско-китайских отношений геополитические интересы Китая, так и отсутствие у российского руководства четкой стратегии в отношении китайского бизнеса, разворачивающего свою деятельность, в частности, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Однако было бы неправомерно утверждать, как это делают некоторые аналитики, что потенциал китайско-российских отношений исчерпал себя, и они уже прошли в своем развитии верхнюю точку, погружаясь в состояние застоя. Такие заявления легко опровергаются, во-первых, прочной юридической основой, которая под ними заложена. Ею, как известно, являются двусторонний Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, а также окончательное урегулирование пограничной проблемы. Во-вторых, происходит постоянное укрепление и развитие политических контактов, усиливается сотрудничество в международных делах, активизируется взаимодействие в поисках решений таких актуальных и злободневных проблем, как корейская, иранская, борьба с терроризмом, реформирование ООН и т.п. В-третьих, КНР и Россия плодотворно взаимодействуют на региональном уровне. Заметно активизировалась деятельность ШОС, где обе стороны выступают в качестве ее учредителей. КНР и РФ являются твердыми приверженцами многополярного мира. Все это означает, что при внесении надлежащих коррективов в экономическую составляющую китайско-российских отношений их будущее может выглядеть перспективным и многообещающим.

Крушинский А.С. (зав. отделом ПДВ).

Фоном XVII съезда КПК и 5-летнего пребывания Ху Цзиньтао на высшем посту был гипертрофированный рост Валового внутреннего продукта. *“Экономика, — отметил он в докладе, — сохраняла ровные и быстрые темпы развития, среднегодовой рост ВВП превысил 10%”*. “Между строк” осталось нечто, хорошо известное всем, кто в зале внимал докладчику, а именно: 10-процентный прирост был, так сказать, “нелегитимным”, ибо противоречил директивам высшего органа государственной власти.

В марте 2003 г. наказ сессии ВСНП гласил: ВВП надлежит поднять за год на 7,0%, но прирост составил 10%. Для 2004 г. законодатели повторно назначили прибавку в 7% , но ВВП вновь “не подчинился”, скакнув на 10,1%. Для следующего, 2005 г. назначили прирост в 8%, а вышло 10,4%. Для 2006 и 2007 гг. опять устанавливали планку в 8%, но в 2006 г. прибавка составила 11,1%, а в 2007 г., судя по прогнозам, 11,6%. Темпы роста вырвались из-под власти человека, скачут по собственным законам. Чем не аргумент в пользу Адама Смита с его кредо о “невидимой руке рынка”! Впрочем, пружины нынешних скачков китайской экономики на поверку оказываются зримыми.

Не далее, как 7 ноября служба Би-би-си сообщила: *“Китай становится крупнейшим потребителем энергии”*. Со ссылкой на доклад Международного энергетического агентства (IEA) она предупредила: около 2010 г. Китай по расходу энергии превзойдет США, а заодно... станет главным в мире загрязнителем. В статье есть такой пассаж: *“Китайские власти многократно отказывались предпринимать действия в связи с изменением климата, ссылаясь, что их приоритет — экономика... По их мнению, критика КНР за ее энергопотребление со стороны Запада некорректна, поскольку значительная часть товаров китайской индустрии предназначена для рынков Запада”*.

Некоторые из экспертов Запада с этим соглашаются. Чиновник, курирующий в британском Форин офис проблематику изменения климата, признает: *“Рост выбросов в Китае стимулируется потребителями Запада, покупающими китайские товары”*. Еще откровеннее — шеф тамошнего “Гринпис” Дж. Сауен: *“Ответственность за быстрый рост выбросов в Китае лежит не только на Пекине, но и на Вашингтоне, Брюсселе, Токио. Перемещая производственную базу в Китай, Запад знал, что там процессы загрязнения — интенсивней, чем в Японии, Европе или США. Экология при перемещении во внимание не бралась, интерес проявлялся лишь к цене труда, что помогало удешевлять продукцию, но ценой ускорения выброса парниковых газов”*.

Итак, развитым странам такое “перемещение” давало шансы удешевить потребляемые товары, избавиться от производств, ущербных для их экологии. Китай же воспринял это как шанс ускорить свою индустриализацию и модернизацию, облегчить проблему занятости, активизировать связи с внешним миром. Обоюднo подстегиваемый процесс пошел столь интенсивно, что в 1980-х гг. о Китае заговорили как о “мировой фабрике”, снабжающей товарами рынки множества стран на всех континентах, он стал выходить на первые места в мире по производству одежды и обуви, стали и цемента, картонных упаковок и мобильных телефонов, детских игрушек и даже скрипок. Значительная часть товаров предназначена для экспорта, причем более половины его приходится на толлинговую (“давальческую”) торговлю, или, как ее там называют, “торговлю переработкой” (“*цзягун маоу*”), суть которой — в том, что товар производится из материалов, ввозимых специально для него без импортных пошлин, принадлежит иностранным компаниям и ими же продается вне КНР. Китайские в данном случае — место производства, да рабочие руки. Китай же должен обеспечивать

энергоресурсы, а это — нелегкое бремя. Так, только за 2006 г. там было введено энерго мощностей более чем на 100 млн кВт (объем всей сегодняшней Франция). Но электроэнергии Китаю не хватает. Более того, по нефтяному импорту он вышел на 2-е после США место в мире. Определил Японию (где собственной нефти вообще нет), хотя Китай ею не беден — 6-й в мире по добыче (опережая большинство стран-членов ОПЕК). По углю он — абсолютный лидер в мире (и по запасам, и по добыче), но все-таки стал “нетто-импортером”.

Не меньшую роль играет и курс на поощрение внутреннего потребления (также привнесенный извне). Он особо акцентируется с 1998 г., когда экстренно потребовались контр-меры против азиатского валютно-финансового кризиса (снизившего в тот момент реализацию китайских товаров на внешнем рынке). Кризис утихомирился, а в Китае утвердилась логичная, казалось бы, формула экономического развития: потребление стимулирует производство, оно в свою очередь стимулирует занятость, которая способствует потреблению и т.д. Как ни низки там доходы крестьянства, потребление бурно нарастает, побуждая промышленность производить не только нужные, но и массу излишних товаров. Фаворит рынка — автомобиль. Первые частные лимузины там появились в 1980-х гг., в 2003 г. таковых было уже 12,2 млн, сейчас — не менее 26 млн. Китай стал третьим в мире по производству автомобилей, вторым — по числу продаж. *“Подобно тому, как в экономике США в начале XX в. опорными отраслями долгосрочного развития были автомобилестроение, строительство и металлургия, у нас недвижимость и автомобилестроение обеспечат текущий цикл экономического роста по крайней мере на 10 лет”*, — такую оценку высокопоставленного чиновника Госсовета КНР огласил веб-сайт “Жэньминь жибао”.

Но есть и другие воззрения. 2 года назад на симпозиуме Научно-технического общества КНР выдающийся физик Чжоу Гуанчжао (в прошлом — президент Китайской академии наук) заявил: *“Построение экономического и социального общества нового типа — наш единственный выбор”*, что подкрепил таким аргументом: население США, составляя менее 5% рода людского, расходует 25% мировых энергоресурсов; Китаю — при его населенности — для столь интенсивного потребления потребовались бы все энергоресурсы Земли, вместе взятые...

Идея рационального (научно обоснованного, как говорили у нас в советские времена) потребления пронизывает *“Повестку дня Китая на XXI век”* — правительственный документ, принятый в марте 1994 г. в качестве ориентира на устойчивое, продолжительное развитие. *“Китай не может воспроизводить модель развития экономики и модель богатого потребления за счет огромных затрат природных ресурсов и загрязнения окружающей среды, — гласил документ. — Лишь опираясь на собственные ресурсы, Китай может постепенно формировать низкокзатратную систему производства и соответствующую систему потребления”*. Перипетии мировой политики и прессинг глобализации, привнесение промышленных мощностей с Запада и заимствование модели “общества потребления” — все это вымарало из теории и практики Китая критерий научно обоснованных потребностей. Оправдано ли это с точки зрения перспективных интересов страны? В мире уже зреют гипотезы, что в обозримом будущем главным объектом завоеваний могут стать источники не сырья, а питьевой воды. На фоне акселерации ВВП в Китае множатся экологические катастрофы (одна из которых аукнулась год назад в нашем Приамурье). Уже сегодня две трети городов Китая испытывают дефицит воды. Перенасытив свою страну и заграницу ширпотребом, не введет ли Китай карточки... на питьевую воду?

В Китае задумано (как уже отмечалось по ходу нашего “круглого стола”) сокращать на 2% в год энергоемкость ВВП. Но не окажется ли это всего лишь

“косметической” мерой на фоне “больших скачков” ВВП, который к 2020 г. решено приумножить (в расчете на душу населения) четырехкратно. А что если ВВП вновь “не послушается” и, подталкиваемый потребительским бумом извне и изнутри, вырастет более чем вчетверо — с соответствующим шлейфом двуокиси углерода и прочих загрязнителей?

Законы природы — выше людских волеизъявлений. Опасность диктуемых рынком фетишей выразил почти в духе советских концепций один из лидеров Фонда новой экономики (NEF), Э. Симмс: *“Ортодоксальная экономическая наука утверждает, что ничто не должно мешать экономическому росту и конкурентоспособности. Но, следуя ей, мы, сами того не желая, ведем войну с окружающей средой, забывая, что победа неминуемо обернется для нас поражением”*.

Может быть, Китаю, чтобы продвинуться к гармоничному обществу, стоило бы вспомнить о своей “Повестке дня на XXI век”?

Подводя итоги дискуссии

Портяков В. Я.

В заключение я хотел бы высказаться по нескольким вопросам. Возможно, персональные изменения в руководстве КПК, произведенные на XVII съезде и сразу после него, заслуживают более детального обсуждения, чем получилось у нас. Правда, нас отчасти извиняет то обстоятельство, что общая картина существенно прояснится в марте 2008 г., когда на сессии ВСНП будет обновлено руководство государства и правительства КНР. Поэтому ограничусь тремя моментами.

Во-первых, в новом составе политбюро ЦК КПК по традиции оказались неплохо представлены руководители ведущих регионов Китая, в том числе всех городов центрального подчинения. От Пекина сразу двое: секретарь парткома Лю Ци и мэр Ван Цишань, от Шанхая — Си Цзиньпин и Юй Чжэншэн, сменивший его на посту секретаря парткома уже после съезда. От Тяньцзиня — Чжан Гаоли, переброшенный на пост секретаря парткома с аналогичного поста в Шаньдуне только в этом году, а ранее широко известный по работе в специальной экономической зоне Шаньчжэнь. От Чунцина — Ван Ян, недавно возглавивший местный партком. Сохранили членство в политбюро секретари парткомов провинции Гуандун Чжан Дэцзян и Синьцзян-Уйгурского автономного района Ван Лэцоань.

Во-вторых, единственной женщиной в составе политбюро стала Лю Яньдун — руководитель Отдела Единого фронта ЦК КПК. Она известна как давняя сподвижница Ху Цзиньтао. Занимаемая ею должность носит далеко не формальный характер с учетом того значения, которое в Пекине придают институту консультаций с беспартийными общественными деятелями и членами так называемых демократических партий, входящими в Народный политический консультативный совет Китая. (Уже после XVII съезда КПК в декабре 2007 г. в руководстве ряда регионов и ведомств были произведены персональные перестановки. В частности, Отдел Единого фронта ЦК КПК вместо Лю Яньдун возглавил Ду Цинлинь. Мэром Пекина стал Го Цзиньлун, секретарем парткома Гуандуна — Ван Ян, вместо которого партком Чунцима возглавил Бо Силай. Прим. ред.)

В-третьих, наряду с Си Цзиньпином и Ли Кэцяном претендентами на высшие партийные и государственные посты в перспективе можно, на мой взгляд, считать также Ли Юаньчао и Бо Силая, которые составили своего рода тандем “дублеров”. Ли Юаньчао, возглавлявший партком провинции Цзянсу — одной из ведущих провинций Китая по объему валового регионального продукта (в 2006 г. — 3-е место вслед за Гуандуном и Шаньдуном), ныне избран не только членом политбюро ЦК КПК, но и членом секретариата ЦК. Он также возглавил Орготдел ЦК КПК вместо Хэ Гоцяна. Бо Силай, получивший широкую известность еще в период работы в г. Даляне, хорошо знаком многим российским руко-

водителям по переговорам с нашими делегациями в качестве министра коммерции КНР. На него может “сработать” то очень важное для китайских условий обстоятельство, что именно его отец Бо Ибо, входивший в группу влиятельных ветеранов, сыграл решающую роль в избрании Ху Цзиньтао в ПК ПБ ЦК КПК в начале 1990-х гг. Как следует из китайских материалов, опубликованных вскоре после XVI съезда КПК, в 1991 г. в качестве кандидатов на продвижение из числа “молодых” были отобраны четверо: У Банго, Вэнь Цзябао, Ли Чанчунь и Ху Цзиньтао. Когда было решено строго соблюсти возрастной лимит, остались Ли и Ху, не достигшие на тот момент полных 50-ти лет. Чаша весов по многим показателям склонялась в пользу Ли Чанчуна. Однако случилось следующее. В это время были затеяны крупные перестановки в руководстве провинции Сычуань, но ее губернатор Чжан Хаожо отказался от перевода в канцелярию ЦК КПК по вопросам производства (возглавлявшуюся на тот момент Чжу Жунцзи). Неподчинение партийной дисциплине вызвало крайнее возмущение Бо Ибо, который в связи с этим высказался в пользу продвижения того из двух кандидатов в Постоянный комитет политбюро ЦК КПК, который гарантированно будет неуклонно и твердо следовать линии партии. Так выбор пал на Ху Цзиньтао. Впрочем, до 2012 г., т.е. до возможной смены руководства КПК, еще много воды утечет, так что окончательные выводы делать рано.

Следующий сюжет, который я хотел бы затронуть, связан с показателем ВВП на душу населения. Он привлекательнее показателя абсолютного размера ВВП уже тем, что допускает возможность использования разных акцентов в зависимости от адресата. То есть в ряде случаев Китай как бы говорит: что вы от нас требуете того-то и того-то, ведь мы еще вон какие отсталые, или: что вы нас боитесь, у нас вообще-то и всего ничего. Конкретно первый вариант активно используется при обсуждении проблемы выброса CO₂ при огромной абсолютной доле Китая (более 14% от мировых выбросов) показатель на душу населения получается скромный. Второй вариант — это апелляция к тому факту, что по ВВП на душу населения (по официальному курсу) КНР находится примерно на 125-м месте в мире, и поэтому требования к тем или иным формам самоограничения Китая (в наращивании экспорта, в темпах роста) выглядят, дескать, неуместными. В то же время, для внутренней аудитории данный показатель может скорее играть не успокаивающую, а напротив, мобилизующую роль: мол, останавливаться время не пришло, нам еще расти и расти. Но по большому счету какой-то большой концептуальной новации в нынешнем обращении Китая к показателю производства ВВП на душу населения нет: ведь, по сути дела, весь обсчет желаемых параметров модернизации начался с высказанного Дэн Сяопином в 1979 году предположения о возможности увеличения среднедушевого ВВП к концу XX в. в четыре раза — с тогдашних 250 долл. до тысячи.

Что касается задачи увеличения ВВП Китая на душу населения в 2020 г. вчетверо по сравнению с 2000 г., то она, на первый взгляд, действительно выглядит как противоречащая научной концепции развития. Однако, с учетом прироста, уже достигнутого за 2001—2007 гг., за оставшиеся 13 лет КНР предстоит увеличить среднедушевой ВВП в 2,15 раза, т.е. примерно на 6,1% в год. Для справки: соответствующий среднегодовой прирост за период 1979—2000 гг. составил около 8,3%. То есть цель, по крайней мере формально, вполне достижима.

Уточнение “количественной” цели развития изменит расчетные общие параметры экономики КНР в 2020 г. не слишком значительно — в юаневом выражении примерно с 40 трлн до 44,6 трлн юаней. Это эквивалентно 5,4 трлн долл. по курсу 2000-го г. (8,28 юаня за доллар) и около 6 трлн долл. по курсу 2007 г. (7,5 юаня за доллар).

В любом случае следует ожидать дальнейшего усиления позиции Китая в мировой экономике. Напомню, что в 2006 г., исходя из оценок МВФ, доля КНР в мировом ВВП составила примерно 5,5% по официальному курсу и 15% по паритету покупательной способности национальных валют.

Наверное, именно перспектива дальнейшего возвышения Китая послужила причиной достаточно нервной реакции на съезд и его итоги у ряда российских СМИ, предрекавших негативные для России последствия дальнейшего быстрого экономического роста КНР в виде усиления экспансии китайских компаний на российский рынок, дополнительного экологического и миграционного давления на российский Дальний Восток и т.п. (См., например, статью "Планы Китая могут обернуться для России новыми проблемами" на сайте <http://top.rbc.ru> от 19 октября 2007г.). Хотя в целом, надо сказать, в российских СМИ преобладало вполне объективное освещение хода XVII съезда КПК и его итогов.

Разумеется, нельзя закрывать глаза на то обстоятельство, что за последние 15 лет соотношение экономической мощи двух стран существенно изменилось в пользу Китая. Об этом наглядно свидетельствует следующая составленная мной таблица.

Соотношение некоторых экономических показателей России и Китая

Наименование	Ед. изм.	1992			2006		
		Россия	Китай	Соотношение	Россия	Китай	Соотношение
Нефть	млн т	399	142,1	2,8	480	183,7	2,6
Газ	млрд м ³	641	15,8	40,57	656	58,5	11,21
Уголь	млн т	337	1116	0,3	309	2382	0,13
Электроэнергия	млрд кВт-час	1008	753,9	1,33	991	2834,4	0,35
Сталь	млн т	67,0	80,94	0,83	70,8	422,66	0,17
Металлорежущие станки	тыс. шт.	53,4	229,0	0,23	5,0	511*	0,01
Цемент	млн т	61,7	308,2	0,20	54,7	1235	0,044
Автомобили грузовые	тыс.шт.	583	905	0,64	245	3410	0,07
Автомобили легковые	тыс.шт.	963	162	5,94	1175	3869	0,30
Зерно	млн т	106,9	401,7**	0,266	78,6	442,4**	0,178
Мясо	млн т	4,686	29,4	0,16	2,1	80,5	0,026
Экспорт	млрд долл.	63,7***	148,78***	0,43	260,0	969,07	0,27
Импорт	млрд долл.	46,7***	132,08***	0,35	137,0	791,61	0,17

Составлено по данным официальной статистики РФ и КНР.

Примечания: * 2005 г.

** Данные о производстве зерна в Китае — без бобовых, батата и картофеля.

*** 1995 г.

Однако, во-первых, сам Китай в тех сложностях, с которыми столкнулась экономика России в переходный период, никак не повинен. Во-вторых, если сравнить Россию по экономическим показателям, например, с Германией и Японией, то мы и здесь обнаружим и значительный разрыв не в пользу России, и то же преобладание энергоносителей и сырья в структуре российского экспорта в эти страны, однако их никто не спешит объявлять “смертельной угрозой для России”, как это сделал применительно к Китаю Александр Храмчихин в статье “Вызов “Поднебесной” в сентябрьском номере журнала “Свободная мысль” за 2007 г. Хочу со всей определенностью заявить: на путях конфронтации с Китаем, к которой ее подчас пытаются подтолкнуть, Россия, прибегая к китайскому выражению, не только не найдет ни 300, ни 30 лянов серебра, но даже рискует потерять собственную самостоятельность, превратившись в инструмент реализации чужих планов по сдерживанию или отбрасыванию Китая. Давайте не забывать и уроки двадцатилетнего советско-китайского противостояния в 1960—1980-е гг. Думаю, этот фактор если не прямо, то косвенно внес свою лепту в развал СССР. Что касается постсоветской России, то для нее выход на стратегическое партнерство с КНР стал одним из немногих серьезных внешнеполитических успехов. Этот курс отвечает базовым национальным интересам нашей страны и не имеет разумной альтернативы, хотя, конечно же, и требует постоянной адаптации к меняющимся условиям, в том числе и к продолжающемуся возвышению Китая.

Конечно, нарастающий разрыв в экономической мощи, идущая смена ролей в российско-китайском обмене продукцией новых и высоких технологий не только достаточно больно бьет по российскому самолюбию, но и представляет собой определенный вызов если не России в целом, то многим отечественным производителям. Вот только отвечать на этот вызов следует не разглагольствованиями о “китайской угрозе”, а практической работой по подъему национального машиностроения, прорывом в освоении Восточной Сибири и Дальнего Востока, реализацией пока еще сохранившегося научного потенциала страны.

**Выступления Л.Д. Бони, Л.А. Волковой, Е.И. Краниной подготовлены при содействии РГНФ, грант № 07-02-02003а*

Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы

© 2008

В. Ларин

В России одно центральное правительство, но более восьми десятков субъектов федерации, обладающих значительными полномочиями и ресурсами для международной деятельности. Две трети из них имеют те или иные отношения с Китаем. В КНР, правительство которой три десятилетия назад провозгласило политику "внешней открытости" и максимально побуждает административные структуры различного уровня взаимодействовать с окружающим миром, российское направление, может, и не пользуется столь значительной популярностью, как американское, японское и западноевропейское, но находится в числе объекта внимания большинства провинциальных правительств. Даже если это направление рассматривается в качестве стратегического резерва на относительно отдаленную перспективу.

Чисто формальные данные свидетельствуют о масштабах этого явления. В 2006 г. в процессе реализации программы "Года России в Китае" более 40 субъектов РФ организовали презентации своих территорий в КНР. В Китае побывали пять из семи полпредов Президента РФ и 65 губернаторов. В России только в течение 2007 г. были проведены презентации 10 провинций, двух городов центрального подчинения и двух автономных районов КНР¹.

За последние четверть века интенсивного развития российско-китайских связей сформировались тысячи каналов, по которым осуществляются контакты между государствами. Контакты разной глубины, интенсивности, значения. Большая часть из них — негосударственные и межрегиональные. Формы и проявления их исключительно многообразны. Взаимные визиты руководителей приграничных территорий и побратимские связи, торговля и инвестиции, туризм и "челночный" бизнес, научный и образовательный обмен. Наконец, совме-

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

стные заплывы китайцев и россиян через Амур и китайские торговцы на Черкизовском рынке в Москве — это тоже межрегиональные отношения.

Большое значение этих связей неоспоримо, как неоспоримо и их влияние на нынешнее состояние и будущее развития российско-китайских отношений в целом. Уже только поэтому их опыт и проблемы заслуживают внимательнейшего изучения.

Наполнение, результаты, значение

Что такое “межрегиональное взаимодействие” между Россией и Китаем? Необходимо определить его координаты и характерные особенности, чтобы отделить от отношений межгосударственных и централизованных? В чистом виде субстанцию “региональные взаимоотношения” выделить трудно, но главную определяющую их черту сформулировать можно: это все то, что не подпадает под понятие “межгосударственные связи” и формируется вне Москвы и Пекина, хотя при этом у каждой из столиц (как самостоятельных административных единиц) есть свои зарубежные партнеры и собственные отношения с ними.

Первое. Межрегиональные связи привнесли в российско-китайские отношения высокую степень динамизма. Во многом эти связи стихийны, не упорядочены, порождают немало проблем. Центральные правительства обоих государств вынуждены решать эти проблемы, что само по себе выводит отношения на более высокий уровень и не позволяет считать их замкнутыми и обособленными.

Основная тяжесть в межрегиональных связях падает на географически близкие территории. Максимальная интенсивность характерна для приграничных контактов между краями и областями Восточной Сибири Забайкалья, Приамурья и Приморья по российскую сторону границы и административными единицами Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии.

Второе. Эти отношения являются чрезвычайно массовыми по количеству их участников. В них вовлечены миллионы людей — от губернаторов и мэров городов до маленьких детей, пересекающих границу на руках своих родителей. Благодаря этому (в значительной степени неформальному) формату двусторонних связей российско-китайские отношения вышли далеко за пределы политики и экономики, переросли из межгосударственных в межцивилизационные.

В 2005—2007 гг. в Китае ежегодно бывали более двух миллионов россиян (в 2006 г. — 2,3 млн, в 2007 г. — около 2,8 млн). Россию посещали в эти годы от 700 до 750 тыс. китайцев. Две трети из них перемещались в пределах тысячекилометровой зоны вдоль линии границы: юга Дальнего Востока и Забайкалья с российской стороны, провинций Хэйлуцзян, Цзилинь и автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) — с китайской. Большинство россиян не покидали пределы провинций Северо-Восточного Китая. Подавляющая часть граждан КНР — территорию Приморского края, Амурской и Читинской областей².

Сегодня жителю Владивостока или Читы выбраться на выходные в Китай так же просто, как москвичу на дачу. Не говоря уже о жителях Благовещенска, который отделяют от Китая лишь 800 м водной глади р. Амур. Дорога в соседний г. Хэйхэ, даже с учетом прохождения всех процедур на границе, занимает час-полтора.

В 2005 г. 362,5 тыс. российских граждан выехали в КНР только через Благовещенский пограничный переход, причем 213 тыс. из них — в качестве туристов³. В 2007 г., по сведениям руководства пункта пропуска Хэйхэ, через него в

Россию проследовали свыше 110 тыс. граждан КНР, а более 500 тыс. иностранцев (преимущественно россиян) посетили Китай⁴. И это при том, что численность населения Амурской обл. составляла (на 1.01.2006 г.) 880 тыс. чел. Около 700 тыс. чел. пересекли в том же году российско-китайскую границу в зоне ответственности КПП Суйфэньхэ⁵. Жители Приамурья, Приморья и Забайкалья ездят в Китай за одеждой и бытовой техникой, сделать массаж и покататься на лыжах, встретить Новый год и просто развеяться.

А некоторые вообще перебираются в Китай на постоянное жительство. В последние два года обнаружилась новая, весьма любопытная тенденция в жизни российского приграничья: переселение благовещенских пенсионеров на жительство в соседний г. Хэйхэ. Учитывая дешевизну жилья (аналогичная квартира в Хэйхэ в 3—4 раза дешевле, чем в Благовещенске), мизерные коммунальные расходы, низкие стоимость жизни и уровень инфляции в соседнем Китае, а также поощрительную политику китайских властей, которые активно предлагают россиянам покупать квартиры в приграничных городах Дуннин, Суйфэньхэ, Хэйхэ (отнюдь не опасаясь при этом усугубить проблему перенаселенности Китая)⁶, можно предположить увеличение этого потока в будущем.

Сегодня Китай для дальневосточников намного ближе, чем Москва и Санкт-Петербург. Опрос, проведенный в 2006 г. среди молодежи Приморского края, показал, что 60% молодых людей хотя бы раз побывали в Китае. Только один из ста опрошенных молодых людей признался, что ему ни разу не приходилось общаться с китайцами. А сколько из них видели столицу России?

Что это означает? Как минимум то, что в российско-китайском приграничье формируется новая этно-культурная среда, подрастает поколение с иным взглядом на мир, на Россию. Последствия этих процессов нам еще предстоит увидеть. Но прогнозировать их желательно сегодня.

Третье. Региональные связи сложны и многомерны. В межгосударственных отношениях почти все понятно и предсказуемо. В межрегиональных элемент стихийности по-прежнему доминирует. Он обусловлен рядом факторов. Одним из важнейших является персонификация отношений. Они значительно сильнее, чем на межгосударственном уровне, зависят от тех личностей, которые эти связи поддерживают и развивают (или тормозят их развитие).

Четвертое. Международные связи регионов России со странами Восточной Азии, прежде всего с Китаем, уже создали реальную платформу для вхождения России в СВА, превращения ее в подлинно восточно-азиатское государство.

Если о самой России как азиатско-тихоокеанской или восточно-азиатской державе ведется немало дискуссий как в нашей стране, так и за ее пределами, то о Дальнем Востоке как части восточно-азиатского экономического пространства уже никто не спорит. Это свершившийся факт.

Для Сибири и Дальнего Востока приграничные и региональные связи с Китаем играли и продолжают играть исключительно большую роль. В 90-е годы XX в. они предотвратили экономический крах немалого числа регионов России, прежде всего приграничных, а сегодня являются важным условием обеспечения их социальной и политической стабильности. Серьезными факторами, влияющими на эту стабильность, являются:

— Импорт из КНР продуктов питания и товаров широкого потребления. Зависимость приграничных территорий России от китайского импорта уже достигла того уровня, когда объективно — даже вне учета каких-либо намерений самих китайцев — угрожает национальной безопасности России. Лето 2007 г. на-

глядно показало, что случится, если российско-китайская граница будет по каким-либо причинам закрыта. В августе руководство КНР, развернув борьбу против низкокачественной и контрафактной продукции, идущей на экспорт, закрыло границы для вывоза своих фруктов. С прилавков дальневосточных рынков исчезли персики, нектарин, манго. А цены на яблоки, груши, виноград моментально выросли в 2 раза. В том числе и на местные ранетки.

- Дешевая рабочая сила. В 2006 г. законным образом в Приморском крае, Амурской и Читинской областях работали по трудовым контрактам 54,3 тыс. граждан КНР, что в 6 раз больше, чем в 2000 г. Только в Приморском крае в 2006 г. на законных основаниях трудились 37,9 тыс. китайских и 24,4 тыс. корейских рабочих.

- Доходы в бюджеты территорий.

- Рабочие места и возможность получения дохода десятками и сотнями тысяч россиян, вовлеченными в различные сферы бизнеса, ориентированного на Китай. Только "помогаечным" бизнесом сегодня подрабатывают и даже зарабатывают на жизнь десятки тысяч жителей российского приграничья.

Эти условия являются критическими не только для таких депрессивных территорий, как Амурская, Читинская, Еврейская автономная области и Бурятия, но и для более благополучных Приморского и Хабаровского краев, Иркутской области. Фактически, это обстоятельство признают и центральные власти России. Так, заместитель министра экономического развития и торговли РФ В.Г. Савельев заявил, что "степень взаимодополняемости и взаимозависимости сопредельных регионов двух стран достаточно высока. Связи между ними без преувеличения можно считать одним из важнейших факторов, во многом определяющим экономическое развитие по обе стороны границы"⁷.

Во многом по этим причинам с 1999 г. торговля восточных районов России с Китаем стабильно растет. С 2000 по 2005 г. объем экономических связей Дальневосточного федерального округа и Забайкалья с КНР увеличился в 6,5 раз — с 515 млн до 3,2 млрд долл.

В 2001—2006 гг. доля китайских товаров в импорте Амурской области колебалась в пределах от 70 до 80%. Китайская продукция составляла до 98% ввозившихся Амурской областью из-за рубежа овощей и фруктов, от 80% до 95% одежды, трикотажных изделий, тканей и обуви. В общем объеме внешней торговли Хабаровского края в 2006 г. доля Китая составляла 45,5%, том числе в импорте 57%, в экспорте 43%. Во внешних связях Приморского края Китай играет не менее важную роль: 32% в его импорте и 51% — в экспорте⁸.

В том, что население Дальнего Востока сократилось за период постсоветских реформ только на 19, а не на 30%, немалое значение имели региональные связи с Китаем.

Не меньшее значение Китай имеет и для Забайкалья. Объем торговли Читинской области с КНР вырос с 1998 по 2006 г. в 9,7 раза, в результате чего доля этой страны во внешнеторговом обороте области увеличилась с 38 до 96%. Во внешнеторговом обороте Бурятии на Китай в 2006 г. пришлось 59%.

С начала XXI в. расширение экономических связей с Китаем было характерно также для территорий Сибири и Урала. Во внешнеторговом обороте Сибирского федерального округа доля Китая выросла с 17% в 2002 г. до 23% в 2006 г. В наибольшей степени с Китаем была связана Иркутская область (28—29% объема внешнеторговых связей в 2005—2006 гг.).

Для Урала экономические связи с Китаем играли не столь значимую роль. Тем не менее, в 2005 г. в экспорте Уральского федерального округа на долю Китая пришлось 9,7%, импорте — 5,2% объема торговли⁹.

В целом на территории Сибири и Дальнего Востока в 2006 г. пришлось 49,7% всего объема российско-китайской торговли¹⁰.

Связи с Россией имеют большое значение и для некоторых китайских провинций. С 1999 по 2006 г. объем торговли пров. Хэйлуцзян с Россией увеличился в 7,3 раза (с 917 млн до 6,7 млрд долл.). В 2006 г. на Россию пришлось 52% объема внешней торговли этой провинции (20% всей российско-китайской торговли). 39% объема внешней торговли Внутренней Монголии также падает на Россию (2,2 млрд долл.). На сегодняшний день в приграничных районах Хэйлуцзяна функционируют 96 торговых баз, ориентированных на российский рынок. Бюджет и благосостояние приграничных городов во многом зависят от результатов приграничной торговли. В частности, свыше 80% бюджетных доходов приграничного с Россией уезда Дуннин обеспечивается за счет торгово-экономического сотрудничества с Россией¹¹.

Хотя в экономике таких технологически развитых провинций, как Гуандун и Чжэцзян, роль связей с Россией малозаметна, тем не менее они также уделяют им внимание. Объем торговли каждой из них с Россией перевалил за 3 млрд долл., причем ведется она в основном на уровне малых и средних предприятий. Особенностью этих провинций является заметное положительное saldo в торговле с Россией¹².

Пятое. Развитие региональных связей с Китаем — один из важнейших факторов предотвращения конфликтности. Известная формула “лучше торговать, чем воевать” находит здесь реальное воплощение. Уровень взаимозависимости населения вдоль линии границы достаточно высок, и это уже оказывает свое воздействие на его настроения.

По результатам опроса молодежи Приморья, проведенного в 2006 г., выяснилось, что лишь 13% молодых людей воспринимают политику Пекина как источник угроз интересам России на Тихом океане. А вот неправильная политика Москвы заняла безоговорочное первое место среди перечня потенциальных угроз, оттеснив на вторые роли и борьбу США за гегемонию, и спор с Японией из-за Курильских островов, и конфликт на Корейском полуострове.

Лишь 5% опрошенных оценили перспективы российско-китайских отношений как “плохие”, а две трети считают их “хорошими” и “очень хорошими”. Остальные — “удовлетворительными”. Такие оценки — конкретная реакция населения приграничья на продолжающиеся в части российской прессы стенания по поводу “китайской экспансии” и “китайской угрозы”.

Упомянутый опрос показал, что молодежь Приморья привыкла жить рядом с Китаем, не боится его, осознавая при этом различие культур и разницу менталитетов между Китаем и Россией. Но Китай воспринимается как реальность, как данность, с которой надо жить рядом и, по возможности, дружить.

Шестое. Многие глобальные проблемы современности — экология, нелегальная миграция, наркотрафик — оказывают воздействие на российско-китайские отношения через региональные связи. Авария на химическом заводе в г. Цзилинь в ноябре 2005 г., сопровождавшаяся выбросом большого объема бензола в р. Сунгари, а затем в Амур, не только привела к серьезному загрязнению водных артерий, но и вновь поставила на повестку дня вопрос об угрозах экологии Приамурья, создаваемых вследствие недостаточного внимания охране окружающей среды

в КНР. Решение этих проблем завязано на государствах, и борьбу с такими угрозами могут и должны вести прежде всего центральные власти России и КНР.

Проблемы

Если региональному формату российско-китайские отношения обязаны массовостью, высокой степенью динамизма, то в той же степени они обязаны ему и количеством специфических проблем. В этих связях обнаружилось немало узких мест, которые негативно влияют на межгосударственные отношения.

Многие проблемы, которые на ранних стадиях осложняли приграничные связи (демаркация границы, бартерная торговля, неконтролируемая китайская миграция и др.), к сегодняшнему дню в той или иной степени уже решены. Другие барьеры, напротив, стали более осязаемыми и требуют для их устранения “хирургического вмешательства”, прежде всего со стороны центральных органов власти.

Первая в комплексе критических для российско-китайских отношений проблем — отсутствие должной координации региональных связей с межгосударственными, а также синхронизации самих межрегиональных связей. Фактически эти связи развиваются стихийно, без координирующей и направляющей роли центра. С одной стороны, в этом их сила, они не забюрократизированы и имеют большой потенциал саморазвития. С другой — в этом их слабость. Ряд проблем межрегиональных связей, особенно на законодательном уровне, может быть решен только в столицах. Российская столица зачастую не хочет (или не может) понимать и принимать нужды регионов. Порой возникает ощущение, что Москва просто боится развития этих связей, возможно, потому что не в состоянии ими управлять. Или потому, что это ей экономически не слишком выгодно, а интересы регионов ее не очень волнуют. Более того, она с завидным постоянством тормозит выполнение давно принятых на самом высоком уровне решений. Достаточно привести несколько примеров.

Первый. Состояние погранпереходов на российской стороне границы. Если “театр начинается с вешалки”, то российская “вешалка” — гардероб захудалого провинциального театра, перестроенного из сельского клуба.

Всего на восточном участке российско-китайской границы на регулярной основе функционируют 19 переходов. Разговоры об их обустройстве ведутся 15 лет, однако пропускная способность и техническое состояние большинства из них с российской стороны до сегодняшнего дня не соответствуют даже временным требованиям, в то время как китайские части переходов полностью обустроены. В январе-феврале 2005 г. комиссия из представителей администрации Приморского края, пограничного и таможенного управлений, санитарно-карантинной службы констатировала, что из пяти автомобильных пунктов пропуска в крае в соответствии с законодательством функционировал только один — “Пограничный”¹³. Вторым исключением стал новый автомобильный переход с комплексом прилегающих автодорог Забайкальск — Маньчжоули, открытый 1 марта 1998 г. Остальные продолжали работать “по временной схеме” — без соответствующей инфраструктуры и технического оснащения. Между тем только через автомобильные пункты пропуска в Приморье в 2006 г. было перевезено 1,47 млн пассажиров и 659 тыс. грузов, границу пересекли 48,5 тыс. автобусов и 63,3 тыс. т грузовых автомобилей¹⁴.

Второй — строительство моста через Амур в районе Благовещенска. Межправительственное российско-китайское соглашение по этому вопросу было подписано 26 июня 1995 г. во время визита Ли Пэна в Москву. Утвержденная

правительством РФ в ноябре 1997 г. “Стратегия экономического сотрудничества РФ с КНР”, в частности, предусматривала “изыскание средств для совместного строительства моста через р. Амур вблизи Благовещенска и Хэйхэ”. Заявления о начале строительства звучат последние пять лет. Моста как не было, так и нет.

Третий — строительство торгово-промышленного комплекса (ТПК) “Пограничный — Суйфэньхэ”. Идея создания приграничных торговых комплексов была призвана способствовать упорядочению “челночного бизнеса” и установлению над ним контроля со стороны властей. Китайская сторона видела в этих комплексах возможность создания на своей территории крупных торговых баз, работающих на российский рынок и обеспечивающих высокий уровень доходов и занятости населения приграничья. Руководство приграничных российских территорий рассматривало строительство таких комплексов как средство ограничения коммерческой деятельности китайских предпринимателей в крае, альтернативу нынешним “китайским рынкам” и предполагало тем самым способствовать улучшению криминогенной обстановки в крае.

Созданию таких комплексов должно было содействовать специальное межправительственное соглашение, подписанное 17 февраля 1998 г. Однако в реальности ни один из трех запланированных к созданию комплексов (Забайкальск-Маньчжоули, Благовещенск-Хэйхэ, Пограничный-Суйфэньхэ) в полной мере не заработал. Действовали только их китайские части, в создание которых китайский бизнес вложил миллионы долларов. 16 августа 2006 г. состоялось официальное открытие комплекса “Пограничный — Суйфэньхэ”. В его китайской части выстроены пятизвездочная гостиница и большой торговый центр. В российской — церковь и общежитие. Нормативная база для функционирования комплекса в России так и не появилась. До сих пор Москва не может решить вопрос об упрощенном допуске китайских граждан в российскую часть ТПК. Результат — миллионные убытки китайского и приморского бизнеса.

Вторая проблема — скудная финансовая база межрегионального взаимодействия. В нем слабо участвует крупный региональный бизнес. Очевидно отсутствие интереса к региональным проектам со стороны московского и крупного китайского капиталов. Если вторая голова российского политического орла уже повернута на восток, то обе головы орла финансово-экономического упрямо смотрят только на Запад.

Третья проблема — мизерная роль региональных политиков и общественных организаций в создании и поддержании благоприятной атмосферы российско-китайского сотрудничества. Те же региональные отделения Общества российско-китайской дружбы отмечают в основном лишь юбилейные мероприятия.

Четвертая — социально-психологическая среда взаимодействия. Приходится констатировать очень низкий уровень знаний россиян и китайцев друг о друге, и не только, к примеру, в Сычуани или Подмосковье, но и в соседних Приморье и Хэйлунцзяне. В России атмосфера серьезно заражена стенаниями по поводу “китайской угрозы” и периодически отравляется выступлениями на эту тему “силовиков” и падких до жареного газетчиков.

От действий скинхедов и обыкновенных бандитов в российских регионах пострадали уже немало китайских студентов, преподавателей, торговцев и рабочих. Китайским студентам советуют не выходить на улицу в темное время суток.

С другой стороны, в Китае мало кто знает об окончательном установлении границы с Россией, но все — об агрессивной политике русских царей в отношении Китая. А рост преступности в приграничных городах Китая привел к то-

му, что в гостиницах Хэйхэ и Суйфэньхэ висят объявления, где российским туристам не рекомендуют выходить в вечернее время на улицу в одиночку.

Поэтому интеллектуальная составляющая единого приграничного пространства требует особого внимания. Взаимное недоверие и предрассудки достаточно глубоки. Они по-прежнему сдерживают попытки обеих сторон поднять их отношения на новый уровень. В Китае они подпитываются въевшимися в сознание десятков поколений жителей Поднебесной страхами перед “угрозой с севера”. В России — синдромом “желтой опасности”, усвоенным значительной частью россиян. Низкий уровень культурной и психологической адаптации местных властей, деловых кругов и населения соседних территорий в целом особенно заметен на фоне значительно разросшихся индивидуальных связей.

Проведение “Года России в Китае” и “Года Китая в России” оказало серьезное положительное воздействие на исправление этого образа. Хотя бы в том, что средства массовой информации, даже “желтая пресса”, вынужденные в той или иной степени ориентироваться на позицию российского правительства, стали значительно больше писать и показывать сюжетов о стране и ее жителях и меньше предлагать негативных материалов о Китае и китайцах в России. Но сохранится ли тенденция? Главным источником распространения подобной информации остается Интернет, где на тему “китайской угрозы” с одинаковым пылом упражняются сотрудники Института политического и военного анализа и полуграмотные (если исходить только из стилистики их русского языка) пользователи сети.

Хотя и здесь есть положительные сдвиги. Настроения местного населения постепенно меняются. Посеянный в начале 1990-х гг. страх перед “китайской демографической экспансией” еще остается, но реалии последних десятилетий все более наглядно демонстрируют ущербность и деструктивность ориентации на подобные страхи и фобии.

Проведенный летом 2006 г. опрос общественного мнения населения Приморского края показал, что приоритетными направлениями развития отношений территории жители края считают Китай и Японию. Каждый третий из опрошенных поставил их на первое место (34% — КНР и 33% — Японию). Четвертая часть (24%) высказалась за первостепенное развитие отношений с сибирскими и дальневосточными территориями, 17% — за европейскую Россию, 15, 14 и 13% — соответственно за США, Южную Корею и Западную Европу.

Самое интересное, что среди опрошенных молодых людей в возрасте до 20 лет Китай пользуется безусловным приоритетом: 46% от числа опрошенных лиц этого возраста заявили, что в первую очередь край должен развивать отношения с КНР, а на второе место поставили европейскую часть России (33%).

В числе проблем остаются контрабанда и “серый импорт”, низкая инвестиционная активность обеих сторон и уклонение от налогов, разница в культуре делового общения, нарушения миграционного законодательства и др.

Немало проблем продолжает доставлять и “челночный” бизнес, причем природа его сегодня несколько иная, чем в 1990-е гг. Сегодня в нем задействованы в основном россияне, работающие преимущественно на китайский мелкий и средний бизнес, по сути, к выгоде Китая и в ущерб российской казне.

На протяжении десятилетия Москва активно и безуспешно боролась против челночной торговли. Каждый новый барьер, создававшийся ею на пути “народной торговли”, “челноки” успешно преодолевали. Как предположил почти 10 лет назад один китайский экономист, “ее основой являются бедные слои и безработное население, и пока они существуют, российское правительство не сможет

уничтожить эту форму торговли”¹⁵. На рубеже XX—XXI вв. только из пров. Хэйлуунцзян “челноки” ежегодно вывозили товаров на сумму 500—700 млн долл., что превышало официальный импорт из КНР всеми территориями Дальнего Востока. В 2006 г., по оценке руководителя департамента международного сотрудничества и туризма администрации Приморского края Г. Зверева, из направленных в Китай по линии приморских туристических компаний 632 тыс. российских туристов 195 тыс. (30%) выезжали исключительно для доставки в Россию китайских товаров¹⁶.

И последние акции российского правительства против “челночной торговли” имели похожие последствия. С 26 февраля 2006 г. постановлением правительства РФ вес багажа, ввозимого для личного пользования без уплаты таможенной пошлины, был снижен с 50 до 35 кг, а воспользоваться такой льготой гражданин РФ мог не чаще одного раза в месяц (до этого постановления — один раз в неделю). Второй акцией стал запрет иностранцам торговать на российских рынках (с 1 апреля 2007 г.).

Конечные результаты таковы. Количество россиян, посетивших Китай, выросло за два года на полмиллиона человек (с 2,3 млн в 2005 до 2,8 млн чел. в 2007 г.). Только в 2006 г. число российских “туристов” в КНР выросло на 13% (с 1,28 до 1,45 млн чел.), детей в возрасте до 14 лет — на 31% (с 60,7 до 79,7 тыс. чел.). Детей стали возить в Китай как “единицу” для оформления багажа.

В то же время количество китайцев, в том числе туристов, посещающих Россию, и особенно ее приграничные районы, неуклонно сокращается. За 9 месяцев 2007 г. китайских туристов приехало в Россию на 24 тыс. меньше, чем за аналогичный период 2006 г.)¹⁷.

Ввоз не облагаемых пошлиной китайских товаров в Россию увеличивается. По китайским оценкам, за первые 10 месяцев 2007 г. через пункт пропуска Суйфэньхэ по линии “шоп-туризма” в Россию было вывезено китайской продукции на сумму в 1,8 раза большую, чем за аналогичный период 2006 г. В результате только мимо Гродековской таможни прошли товары на сумму в 726 млн долл. США¹⁸.

Как говорил один известный юморист, “это — не борьба и это — не результат”.

Перспективы

В целом, перспективы региональных связей между Россией и Китаем представляются достаточно благоприятными. Главным основанием для оптимизма является объективная заинтересованность обеих сторон в их обогащении и развитии.

При этом шансы Китая влиять на направления и характер развития этих отношений кажутся более предпочтительными. Прежде всего потому, что его интересы достаточно очевидны, они четко сформулированы, объявлены и активно проводятся в жизнь всеми участниками межрегиональных связей. Интересы эти сосредоточены в следующих сферах:

- расширение товарной экспансии на российском рынке потребительских товаров, от детских игрушек до компьютеров и автомобилей;
- разработка сырьевых запасов Сибири и Дальнего Востока с последующим вывозом их в КНР;

- развитие транспортной инфраструктуры на территории России для облегчения доставки продукции провинций Северо-восточного Китая на европейские и азиатские рынки;

- перенос части производства на российскую территорию;

- расширение политического и культурного влияния на соседние территории России.

Принятое в 2003 г. руководством КНР решение о модернизации старой промышленной базы Северо-Востока стимулировало активность провинций региона по расширению и укреплению экономического плацдарма на территории России. Руководство провинций возглавило действия на этом направлении. Уже в августе 2004 г. губернатор пров. Хэйлунцзян Чжан Цзоцзи потребовал от местных чиновников "поднять на новый уровень нашу стратегию развития торгово-экономических связей с Россией... пробиваться на российский рынок, вести торговлю товарами и комплектующими, развивать инвестиционное сотрудничество, строить переходы, создавать структуры для торговли с Россией, готовить кадры и др."¹⁹ Тогда же на конференции по освоению российского рынка губернатор другой северо-восточной провинции Ляонин Сюй Вэйго заявил, что "открытие российского рынка имеет стратегическое значение"²⁰.

Годом позднее в разработанных группой ведущих китайских ученых и представленных на суд Госсовета КНР "Предложениях по возрождению и последовательному развитию Северо-восточного района"²¹ взаимодействие с дальневосточными территориями России рассматривалось как одно из важных условий успешного развития региона.

Экономические аспекты интересов Китая четко обозначены в *Плане возрождения Северо-Востока КНР*, разработанном под эгидой Госкомитета по реформе и развитию и обнародованном в августе 2007 г.²² Прагматичный Китай намеревается привлечь все возможные ресурсы из Сибири и Дальнего Востока прежде всего для реализации программы возрождения старой промышленной базы региона. Следствие этого — активная пропаганда в КНР идеи координации этой программы с российскими планами по развитию Дальнего Востока. "Китай придает особое значение сотрудничеству с сибирскими и дальневосточными территориями в деле активной реализации Программы возрождения старой промышленной базы Северо-Востока, — уверяют китайские ученые. — Преимущества от территориальной близости трех северо-восточных провинций, особенно Хэйлунцзяна, к России очевидны, их производственная структура сопоставима, экономическая взаимодополняемость сильна"²³.

У России же по-прежнему нет внятных стратегии и планов регионального развития. Задача создания стратегии развития ее восточных районов, выдвинутая президентом РФ В. Путиным в декабре 2006 г., похоже, тихо похоронена московской бюрократией. Предполагавшиеся под ее реализацию средства растащены по министерским программам. А это означает, что в России как и прежде ведомственные интересы будут доминировать над национальными и региональными.

У Москвы по-прежнему отсутствует понимание роли и места Китая в современной истории России, алгоритма использования потенциала и интереса Китая для собственного развития. Тем более отсутствует там понимание того, насколько важным для многих территорий Сибири и Дальнего Востока является взаимодействие с Китаем. Несмотря на то, что идея координации российской программы развития ДВ и Забайкалья и китайской программы восстановления

старой промышленной базы Северо-Востока (то, о чем китайцы говорят с момента начала реализации собственной программы) вроде бы становится популярной в России и звучит сегодня с самых разных трибун, реальных шагов в этом направлении пока не замечено.

В то же время на востоке страны, который, как было показано выше, все в большей степени зависит от результатов взаимодействия с Китаем, постепенно приходят к осознанию необходимости и неизбежности тесного взаимодействия со своим южным соседом в реализации планов и программ собственного развития. Происходит это и на административном уровне, и в бытовом сознании населения. Учитывая характер настроений по эту сторону границы в 1990-е гг., можно отметить большой прогресс в этой сфере.

С одной стороны, окончательное решение пограничной проблемы освободило местных чиновников и политиков от необходимости демонстрации своего “патриотизма” в отношениях с Китаем. Политическая стабилизация и экономический подъем увеличили заинтересованность местного бизнеса в связях с КНР. Мощный толчок филологическим упражнениям чиновников на тему такого взаимодействия дали последние инициативы президента Путина по развитию Дальнего Востока: реализовать грандиозные задачи и освоить гигантские (по меркам Дальнего Востока) деньги он самостоятельно не сможет. По некоторым оценкам, только для освоения 100 млрд руб., обещанных правительством РФ для развития инфраструктуры Владивостока к 2012 г., потребуется рабочих рук в десять раз больше, чем имеется сейчас в Приморском крае, а для обслуживания построенных объектов население Владивостока придется увеличить на 800—850 тыс. чел.²⁴

Это означает отсутствие единой скоординированной политики российских регионов в отношении Китая и региональных с ним отношений, что позволит, в свою очередь, провинциям КНР более успешно претворять в жизнь свою политику, отстаивать и навязывать свои интересы и добиваться поставленных целей, даже если они идут вразрез с интересами российских территорий.

Пока Россия раскачивалась, китайская сторона в своих планах и проектах ушла далеко вперед. Представители органов власти северо-восточных провинций уже говорят о переходе от простой пограничной торговли к “всестороннему, многообластному сотрудничеству глубинного характера”, о единой “пограничной экономической зоне”, составленной из провинции Хэйлуцзян, с одной стороны, и Читинской области, Еврейской автономной области, Хабаровского и Приморского краев, с другой, как “одной из важнейших составных частей в стратегическом партнерстве и дружественных добрососедских отношениях между Китаем и Россией”²⁵.

Китайская сторона приступила к реализации “единой открытой пограничной зоны” вдоль российско-китайской границы, протянувшейся от Хэйхэ до Суйфэньхэ. Летом 2007 г. мэр г. Муданьцзяна Ли Яосинь сообщил участникам конференции в Харбине о строительстве зоны международного торгово-экономического сотрудничества по линии Харбин—Муданьцзян—Суйфэньхэ—Дуннин, которая рассматривается не просто как зона российско-китайского взаимодействия, а как составная часть “евроазиатского континентального моста”. Целью Китая является не более не менее как “создать самую большую зону торговли между Китаем и Россией”, “самую большую зону обработки китайско-российских экспортно-импортных товаров”, “самую большую зону торговли и туризма в СВА” и в конечном итоге — превратить эту зону в “центральную зону международной торговли в Северо-Восточной Азии”²⁶.

Мэрия соседнего с Благовещенском г. Хэйхэ при участии ряда ученых Хэйлуңцзяна с 2005 г. активно разрабатывает и пропагандирует концепцию “два государства — один город” (*лян го и чэн*). Как утверждает мэрг. Хэйхэ Чжан Цзинчуань, “обе стороны уже понимают, что развитие г. Хэйхэ не может происходить без развития Благовещенска, развитие Благовещенска также зависит от развития Хэйхэ”²⁷. В конце сентября 2007 г. заведующий канцелярией г. Хэйхэ Ван Фэн в докладе на конференции в Благовещенске представлял уже этот проект как нашедший полное понимание и поддержку в Амурской области, как способный поставить Хэйхэ — Благовещенск в центр экономической зоны СВА²⁸.

Поэтому в течение ближайших двух-трех лет для российско-китайских межрегиональных и приграничных отношений будут характерны следующие тенденции:

Изменение характера и структуры межрегиональной торговли. Потенциал для экспорта в Китай во многих регионах иссяк: конкурентоспособное на китайском рынке производство практически не развивается, а доступ Китая к сырьевым ресурсам Сибири и Дальнего Востока по-прежнему всячески ограничивается. В то же время растет покупательная способность населения региона, которая удовлетворяется прежде всего за счет импорта из Китая. Вероятен допуск Китая к участию в реализации программ развития Дальнего Востока России. В результате быстрыми темпами будет расти торговый дефицит регионов России в экономических связях с Китаем.

Сворачивание “челночного” бизнеса.

Увеличение объема китайских инвестиций в сырьевые отрасли Сибири и Дальнего Востока.

Сохранение экономического влияния Китая на приграничные территории России.

Повышение внимания к трансграничным проектам, особенно в сфере экологии.

Переход территорий Сибири и Дальнего Востока к адресному использованию китайской рабочей силы: акцент на привлечение обученных, подготовленных для нужд регионов рабочих.

Повышение значения межрегиональных и приграничных связей в российско-китайских отношениях в целом. Превращение этих связей в одну из важных движущих сил восточноазиатского регионализма.

Для более эффективного использования потенциала межрегиональных связей необходимы действия как центрального правительства, так и местных властей. Прежде всего требуются:

- Преодоление у российского правительства синдрома “Московской кольцевой”. Для многих столичных чиновников Россия заканчивается именно там.

- Более высокий уровень координации межрегиональных связей. МИД России, призванный этим заниматься, как свидетельствуют помещаемые им в Интернете справки о региональном и приграничном сотрудничестве с Китаем, имеет об этих отношениях очень смутное представление²⁹. Между тем, роль региональных связей в российско-китайских отношениях и в развитии восточных районов России достаточно велика, чтобы пренебрегать этим обстоятельством.

- Ревизия и корректировка административной и нормативно-правовой базы взаимодействия: анализ и совершенствование заключенных договоров, корректировка российского законодательства, заключение новых соглашений с Китаем по вопросам приграничного сотрудничества и др.

- Расширение масштабов культурного обмена. Существует насущная необходимость повышения уровня знаний друг о друге.

Предложенный сценарий достаточно пессимистичен для России, но исходит из ее сегодняшних реалий. Если что-то из обозначенного не сбудется, тенденции изменятся — значит, предприняты попытки изменить негативные условия и факторы, и эта статья подготовлена не зря.

1. Внукос К. Российский медведь и китайская панда: два года вместе // Россия — Китай. XXI век. 2007. Окт. С. 11—13.
2. 779 тыс. российских туристов въехали в 2006 г. в КНР через погранпереходы Приморского края, почти 185 тыс. — Читинской области, 74,8 тыс. — Амурской и 13,2 тыс. — Еврейской автономной области. По данным миграционной службы, в Приморском крае побывали в 2005 г. 241 тыс., а в 2006 г. — 218,2 тыс. граждан КНР, из них 77 тыс. в качестве туристов (Аналитический отчет о миграционной ситуации в Приморском крае за январь-декабрь 2006 г. С. 3).
3. Амурская область — Китай: сферы сотрудничества. Благовещенск: Амурстат, 2006. С. 51.
4. Всего на этом пункте пропуска зафиксированы 224 755 пересечений границы гражданами КНР и 1 044 469 — иностранцами. — <http://heilongjiang.mofcom.gov.cn/aarticle/sjdixiansw/200801/20080105327603.html>.
5. На КПП зарегистрированы 1,39 млн пересечений границы. — <http://unp.people.com.cn/GB/14776/21672/6774460.html>.
6. Климов Д. На пенсию в Китай. — <http://www.burocrats.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r653r070608210709>; Котов Ф. Амурская область переезжает в Китай? // Амурское утро. 2007. 3 янв.; Харченко Д. На пенсию в Китай // Дальневосточные ведомости. 2007. 4—11 июля; Полуятова Е. Меняю однокомнатную квартиру во Владивостоке на апартаменты в Суйфэньхэ // Комсомольская правда. Владивосток, 2007. 17 ноября. С. 14.
7. Выступление заместителя министра экономического развития и торговли Российской Федерации В.Г. Савельева на семинаре по торговле промышленной продукцией — <http://russian.northeast.cn/system/2007/04/20/000011985.shtml>.
8. Амурская область — Китай: сферы сотрудничества. Благовещенск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амурской области, 2006. С. 15—20; Информация о внешнеэкономической деятельности Приморского края за 2006 год. Б.м., б.г. С. 5—8. — http://www.adm.khv.ru/invest2.nsf/pages/fttradechar_ru.htm.
9. См.: Александрова М.В. Российско-китайское приграничное и межрегиональное торгово-экономическое сотрудничество // Развитие и углубление стратегического взаимодействия России и Китая. Материалы 2-го российско-китайского форума по общественным наукам. М.: РАН-АОН КНР, 2007. С. 295—298; Лузянин С. Г. Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // Там же. С. 332—346.
10. См.: Деваева Е., Котова Т. Российское Дальневосточье и АТР: внешнеторговый аспект // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 6. С. 46.
11. <http://www.gain-dragon.ru/news/detail.php?ID=18240>; ID= <http://www.gain-dragon.ru/news/detail.php?ID=18244>.
12. У пров. Чжэцзян в 2006 г. оно составило 1,7 млрд долл. (2,1 млрд долл. экспорт и лишь 0,4 млрд долл. — импорт (Пальтов С. Чжэцзян и российские регионы: укрепление сотрудничества // Россия — Китай. XXI век. 2007. Авг. С. 19).
13. Щетинин А.А. Развитие автомобильных пунктов пропуска через государственную границу РФ в Приморье // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2005. № 1—2. С. 70.
14. <http://www.regnum.ru/news/769908.html>.

15. *Инь Цзяньпин*. Элосы цзиньжун вэйцзи чжихоудэ чжун-э маои синши [Состояние китайско-российской торговли после валютного кризиса в России] // Сиболия яньцзю. 1999. № 1. С. 28—29.
16. *Зверев Г.* Турпоход за здоровым смыслом // Золотой Рог. 2007. № 49. — www.zrpress.ru/zr/2007/49/62.
17. <http://www.ratanews.ru/asp/print.asp?n=1940>.
18. <http://www.gain-dragon.ru/news/detail.php?ID=16214#>.
19. <http://www.e-russia.com.cn/yzy/bmxx/Display.asp?ID=1532>: 2004. 24 авг.
20. Там же. 2004. 19 авг.
21. Работа велась по заданию Госсовета КНР и была представлена правительству страны в апреле 2005 г. Текст опубликован в созданной на основе этой работы коллективной монографии. См.: *Цзинь Фэнцзюнь, Чжан Пинъю и др.* Дунбэй дищой чжэньсин юй кэчиской фачжань чжаньлюэ яньцзю [Изучение стратегии возрождения и последовательного развития Северо-восточных районов]. Пекин: Шаньту иньшугуань, 2006. С. 1—12.
22. http://chinaneast.xinhuanet.com/2007-08/20/content_10905015.htm.
23. *Го Ляньчэн*. Чжун-э цюйюй цзинцзи хэцзо юй дунбэй лаогунъе циди чжэньсин дэ хундун фачжань [Китайско-российское региональное экономическое сотрудничество и связанное с этим восстановление старой промышленной базы Северо-Востока] // Элосы чжунъя дунъоу шичан. 2007. № 2. С. 2. Много на эту тему и в таком же русле говорили китайские ученые на конференции “Региональное сотрудничество между Китаем и Россией”, проведенной в ноябре 2006 г. в Пекине. См.: *Чжун-э цюйюй хэцзо: сяньчжуан хэ цянцзин* [Региональное сотрудничество между Китаем и Россией: состояние и перспективы]. Пекин: Ин-т России, Вост. Европы и Центр. Азии КАОН КНР, 2006.
24. *Авдеев Ю.А.* Анализ источников рабочей силы при подготовке к форуму АТЭС 2012 во Владивостоке // Укрепление экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии: Материалы международного семинара. 8—9 сентября 2007 г. Владивосток. 2007. С. 67.
25. *Е Сяофэн*. Дацзао яньбянь кайфандай, цуцзинь цюйюй цзинцзи фачжань [Создать открытую зону в пограничных районах, способствовать развитию районной экономики] // Сборник IV Международного форума по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией. Харбин. 2006. С. 80.
26. *Ли Яосинь*. Создание Харбин—Муданьцзян—Суйфэньхэ—Дуннинской экономической зоны китайско-российского сотрудничества для всестороннего сотрудничества и совместного развития: Рукопись: доклада. Харбин. 2007. 14 июня.
27. *Чжан Цзинчуань*. Гоуцзянь “лян го и чэн” шисянь гунтун фаньжун [Создание концепции “два государства — один город” и достижение совместного процветания] // Сборник сочинений Международной конференции о развитии российско-китайского сотрудничества по крупным проектам. Харбин, 2007. С. 59—63.
28. *Ван Фэн*. Цицзи гоуцзянь “Лян го и чэн” цээнцян Хэйхэ юй Буши дэ цзинчжэнли юй бусин [Активное строительство “Одного города двух государств” усилит конкурентоспособность и взаимодополняемость Хэйхэ и Благовещенска]: Рукопись доклада. Благовещенск. 2007. 27 сент.
29. Достаточно сказать, что объем торговли пров. Хэйлунцзян с Россией в 2006 г. в этой справке оценивается (при чем со ссылкой на ГТУ КНР) в 9,13 млрд долл. США, что на 2,44 млрд больше реальной цифры [См.: О российско-китайском межрегиональном и приграничном сотрудничестве. — <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e704199c2/e8d26afd64e...>].

Евразия: ближайшие 10-15 лет

© 2008

Л. Бадалян, В. Криворотов

Введение. Не замеченная никем социальная революция XXI в.

На наших глазах межрегиональный демографический дисбаланс вырастает в основную проблему современности. На Западе, включая Россию, идет падение рождаемости и старение, в то время как на Востоке налицо противоположные тренды¹. Улучшение выживаемости новорожденных и возрастание экономической ценности ребенка в условиях трущоб города, где непонятны перспективы заработка родителей, привели к росту населения на фоне резкого омоложения популяции². В то же самое время в условиях индустриализированного мира дороговизна обучения и выхаживания детей на фоне исчезновения традиции социального "страхования" в рамках семьи³ превращает их в экономическое бремя, стимулируя падение рождаемости. Нетто-эффектом этих двух противоположных процессов является общий рост глобального населения, прежде всего в быстро урбанизирующемся третьем мире, выплескивающимся миграциями на обезлюдивший Запад. Распространение западного образа жизни и урбанизации на фоне развала традиционных укладов приводят к резкому увеличению антропогенного давления на среду вообще и на природные ресурсы в частности⁴.

Разрушением окружающей среды дело, однако, не ограничивается. Исторически такие дисбалансы — признак конца старого ценоза, точки катастрофического разрыва⁵. Новое приходит после периода длительных катаклизмов, голологических первой мировой войне, связанных с полным "списанием" старого образа жизни. Старое ломается не потому, что оно не нравится — оно вполне нравится, особенно низам, которым его "не дают" — а потому, что оно перестает работать в новой демографической ситуации. Это соответствует классическому определению революционной ситуации: "Верхи не могут, а низы не хотят". То, что приходит потом, как правило, никак не напоминает то, что было нормой еще совсем недавно. В самом деле, что можно найти общего между важными дамами и господами, празднующими приход XX века велеречивыми тостами за прогресс, и угрюмыми "хмырями" в серых шинелях 1920-х? Будущие угрюмые "хмыри", продукт назревающей мировой борьбы за перераспределение ресурсов XXI в., могут отличаться от старых цветом кожи, языком и религией, что вряд ли улучшит их толерантность по отношению к сметённым теперешним верхам западного бизнес-истэблишмента. Уже сегодня антропогенное давление вкупе с нарастанием географических дисбалансов распределения производственных мощностей, ресурсов и популяции, порождает колоссальные миграционные потоки на фоне общей неустроенности. Это исторический пэттерн, характерный для начала нового ценоза⁶. После нарастания напряженности, кончающегося социальным взрывом, преемственность, как правило, прерывается. То,

что рождается потом, до неузнаваемости отличается от, казалось бы, непосредственно предваряющего его общества, включая образ жизни, технологии, ценности и все прочие значительные и не очень детали.

Растущая ценность натуральных ресурсов и демографический дисбаланс на фоне перенапряжения сил и ослабления доминирующей супердержавы (США) приводят к вакууму власти, акселерации напряженности и ужесточению схватки за контроль над ресурсами.

Тем временем события, освещаемые мировой прессой, кажутся достаточно хаотическими и мало связанными между собой. В самом деле, что можно найти общего между политическими движениями автохтонных индейцев (Моралес, Чавес), т.н. шиитской революцией (Хомейни, Ахмадинежад), религиозно-политических сектантов (Садр или Аль-Каида) и усилением поляризации внутри США? Спектр современных групп и их кредо настолько широк, что многие воспринимают их как случайные и разрозненные. Видимость, однако, обманчива, ибо изначальная природа у них одна. На наших глазах аналогично началу XX в., почти не замеченная никем, идет социальная революция низов, прежде всего в Евразии, но далеко не ограничиваясь ею, и принимающая всевозможные формы, от чисто секулярных до агрессивно религиозных. Напомним, что в начале XX в. формы различались тоже: от нигилисто-анархистов до союзов взаимопомощи, включая религиозные (Ирландия), тред-юнионов и рабочих партий. Сегодня, как в 1900-1910-х гг., старые идеологические этикетки тоже вдруг стали обманчивы, применяясь к драматически изменившемуся контексту. На одном конце секулярно-религиозного спектра “левый” латино-американский блок — защитник прав обездоленных из коренного индейского населения. Параллельно идет объединение люмпенизированных горожан, недавних выходцев из села, в полумафиозные организации по месту жительства в этнических гетто, типа Мары Сальватруча⁷. Чуть дальше — Китай с колоссальным населением, скученным на узкой полосе пахотной земли, тающей под напором индустриализации — основная задача компартии сегодня не провоцирование, как когда-то, а скорее предотвращение социальных конфликтов быстро поляризующегося населения⁸. Еще дальше — Индо-Пакистанский регион, где страны с антагонистическими религиями нашли возможным начать переговоры, ибо разделяют острейшую проблему огромной социальной неустроенности⁹. На фоне этих в целом секулярных движений, повторяя сценарий формирования современных европейских наций в пожаре религиозных войн¹⁰, социальные движения Востока и люмпенизирующихся регионов Запада, особенно “красной глубинки” США¹¹ приобретают все более религиозную окраску¹².

Социальная революция XXI в. вызвана размыванием классического массового производства и исчезновением связанных с ним массовых профессий XX в. в США, Европе и далее по всему миру. Люди объединяются не по месту работы, в рабочие партии, как недавно, а по месту жительства — в религиозно-этнические движения типа Европы XVI в.

На глазах меняется мировой баланс сил, особенно, на Востоке — на фоне ослабления США набирает силу периферия, включая Иран. Показывая текучесть и неактуальность содержания старых религиозных этикеток, последний субсидирует не только своих традиционных клиентов-шиитов, но также и суннитов Хамаса, наследников представителей низов египетского Мусульманского Братства. Хамас тем временем схватился с Фатхом, казалось бы, родственным суннитским движением. Эта всеядность, элегантно прикрытая “рясой” момента, до боли напоминает религиозные войны Европы XVI в. — католический кардинал Ришелье охотно финансировал “еретиков”-протестантов, включая воинственную Швецию, направляя их против заядлого врага, всекатолических авст-

ро-испанских Габсбургов. Сегодня нарастание давления со стороны низших классов, демократически избранных в правительство Ирана и не менее демократически рвущихся в правительство Ливана, до икоты пугает традиционные верхи Ближнего Востока. Пока текут богатые нефтяные реки, общую нестабильность “нефтяных эмиратов”, в широком смысле слова, включая Египет, можно еще укрепить за счет подачек “вниз” неустроенной молодежи. Нагнетание страха такими событиями, как казнь Садама мстительно торжествующими шиитами, порождает недавно немыслимые сочетания типа сближения Израиля с суннитскими арабскими государствами. Особняком стоит перенаселенная Средняя Азия — мягкое подбрюшье хрупкого региона и традиционная зона влияния России.

Социальная революция XXI в. ведет к коренному изменению баланса сил в мире по мере размывания экономического и военного превосходства Запада, основанного на индустриальных экономиках и связанных с ними дорогих и тяжелых в поддержании массовых армиях и типах оружия.

Социальная революция XXI в. начинает разворачиваться в настоящее время на Ближнем и Среднем Востоке¹³ с перспективой втянуть в себя социальные низы индийского субконтинента, со значительным числом мусульман (до 15% населения). Особая уязвимость индийской экономики, в отличие от экономики Китая, основанной на хардвер-технологиях, которые можно переориентировать на другие рынки, связана со значительным весом сервисного сектора, оплачиваемого в долларах, и наметившейся тенденцией к дефициту платежного баланса¹⁴. Китай также не застрахован от социальных потрясений как побочного эффекта комбинации форсированной индустриализации, экспроприации пахотной земли для индустриальных объектов, социальной поляризации и опасности спада на Западе по мере нарастания экономической напряженности, связанной с отказом от ведущего энергоносителя¹⁵. В Европе, особенно во Франции, потенциал социальной революции связан с социальными низами мусульман-иммигрантов, слабо интегрированных в западное общество¹⁶. Напомним, что этническая, религиозная и языковая гомогенность современных европейских наций была достигнута в результате кровавых конвульсий массовых этнических чисток эпохи религиозных войн XVI в., призраки которых оживают сегодня снова по мере нарастания этно-религиозной напряженности и размывания политкорректности в Европейском сообществе¹⁷.

Изменение характера войны, порождаемое социальной революцией XXI в., связанной с “воюющим” населением, становится все более мощным фактором развития новых портативных технологий, начиная с военных. На передний план выходят роботика, дроны, военные роботы и другие потенциально дешевые виды оружия контролируемого массового уничтожения, типа лучевого и микроволнового, активно внедряемые сейчас в практику на Западе.

На глазах разворачивается сложный шахматный гамбит с большим количеством фигур, каждая со своими особыми интересами. Отметим, что это типично для начала эпохи, когда меняется самое критичное у общества — его экономика как способ занять и прокормить население. В XIX в. ушел ранний индустриализм, сегодня уходит массовое производство и общество. Нефтяная экономика стандартных продуктов с длительной жизнью “на полке” основана на четко оркестрированной логистике массовых перевозок взаимозаменяемых компонентов на большие расстояния и предполагает низкие цены на нефть. Она возникла в США как адаптация под специфические условия обширной слабонаселенной страны, где ресурс неограничен, а сбережения получались от экономии труда за счет механизации. В экономическом смысле суть сегодняшнего кризиса состоит в том, что при выходе на глобальный уровень вдруг стало ясно, что ситуация на самом деле диаметрально противоположна — населения в мире много, а

ресурсов мало. В этом суть кризиса неолиберальной модели, активно распространяемой с конца 1980-х гг. за пределами США. Преследуется цель стабилизации мировой торговли за счет поддержания доллара как универсальной валюты нефтяной экономики. Стандарты экономической "дисциплины" силовым образом продвигаются по миру через систему крупнейших частных банков и международных институтов, прежде всего Валютного фонда и Мирового банка. Тем временем, сегодня уже стала очевидной невозможность переноса модели не только в условия развивающегося мира, но даже Европы. Последняя все более активно ставит на ресурсосберегающие технологии, пожертвовав ради этого даже "святая святых" неолиберальных экономистов, темпами роста. В условиях глобализации, проверенные, казалось бы, рецепты стимулирования темпов роста начали приводить к непредсказуемым результатам. Если раньше снижение налогов на богатых надежно увеличивало вложения в национальный бизнес, стимулируя создание рабочих мест, то сейчас рабочие места имеют тенденцию создаваться скорее в Китае, чем в стране, которая срезала налоги. То же относится к стимулированию научно-технического прогресса. Совершенно неясно, кому в конечном итоге помогают затраченные государством ли, компанией ли средства на НИОКР. Становится все яснее, что выживание в новой ситуации требует не только новых объяснений и рецептов со стороны экономистов, но и перехода на принципиально другую экономику, со своим энергоносителем, способом производства, властными институтами и т.п., предполагая пересмотр всех существующих норм и ценностей.

Социальная революция XXI в. набирает силу под воздействием массивного внедрения неолиберальной экономической модели США в практику стран третьего мира. Нарастающий кризис этой модели приводит к росту социально-политических конфликтов на фоне драматической радикализации на Западе и в третьем мире.

Исторические прецеденты показывают трудность переориентировки на новый энергоноситель, что предполагает отработку новой экономики, со своими технологиями, властными институтами и т.п., оптимизирующими освоение новой зоны. Например, в 1900–1910-х гг. на фоне формирования антагонистических военных блоков шел экономический рост, сопровождаемый взлетом Кондратьевской ценовой кривой. Как известно, он оборвался инфляционным пиком 1913 г. и последующим массивным списанием (write-off) 1914–1945 гг. Известный историк Робертс¹⁸ объяснил последний переходом от угольной к нефтяной экономике. Именно вокруг трактора и автомобиля оказалось возможным построить нефтяную экономику XX в. В полном варианте, включающем инфраструктуру автодорог, она была развернута в США, а частичном – в СССР и Европе, где значительную роль продолжала играть инфраструктура железных дорог, остаток эпохи индустриализации. Расцвели супердержавы – США и СССР, сумевшие распахать ранее недоступные территории Великих Прерий и целины. Сегодня совершенно аналогичным образом становление новой экономики вызывается нуждами в новых источниках питания. Следуя установившемуся историческому пэттерну скачкообразного роста размера зон обитания за счет включения новых территорий каждым последующим ценозом, это потребует освоения нового, до того недоступного региона, теперешних "неудобий", типа северных просторов или китайских гор, пустынь и полупустынь. Возникновение необходимости в новых производящих классах позволит утилизировать современных "лишних" людей — аналога беспокойных рабочих начала XX в., которые массами пошли на фабрику и в офис, превратившись в благополучные средние классы, основу потребительского общества нашего времени.

Как показывает этот и многие другие исторические примеры из более ранних ценозов, освоение новой зоны на основе введения в оборот нового, более энергоемкого энергоносителя не является вопросом выбора или чьей-то злой воли. Социальные революции, как и кипение — это термодинамический массовый процесс. Они не являются необходимыми, желательными или контролируруемыми. Дело намного серьезнее — они становятся неизбежными как одно из проявлений перехода в новое фазовое состояние под действием антропогенного давления, при условии отсутствия свободной зоны освоения, куда можно его отвести.

Ситуация, однако, далеко не безнадежна. Исторический опыт сравнительно благополучной истории США в XX в. показывает, что далеко не все обречены взрываться в революциях или идти на безнадежные войны на два фронта, как Германия. Наличие свободного пространства наряду с богатыми запасами адекватного энергоносителя и основанными на нем технологиями освоения зоны¹⁹ — лучший гарант длительного социального мира. Новая богатая экономика исторически возникала на пустом месте как присвоение нового объекта собственности, ранее не представлявшего ценности²⁰. В настоящее время основные оставшиеся регионы для освоения находятся на Крайнем Севере (или “Крайнем Юге”)²¹, включая традиционные зоны России и Китая. Есть, однако, одно существенное “но” — развитие даже счастливых обладателей пустого пространства происходит на фоне глобального конфликта. Обострение экономической и политической напряженности вызывается общей нестабильностью энергетической базы переходного периода. В нашем случае, это синхронно с началом отказа от нефти в нашей среднесрочной перспективе (10–20 лет). Выживание в таком контексте требует продуманных и осторожных акций²².

Превращение продовольствия в стратегический ресурс в кратко-среднесрочной перспективе ближайших 5–10 лет представляется важнейшим проявлением нарастания энергетической нестабильности. Этот процесс уже набирает скорость, стимулируясь резким повышением цен (на маис, сахар), вызванным нарастающей экономической поддержкой производства биодизеля со стороны государств-нетто-производителей продовольствия (Бразилия, США)²³.

Поскольку Россия является одним из ведущих производителей нефти, а также газа — потенциального мостика к следующему энергоносителю (с переходом от метана к водороду), аналогичная смена экономического пейзажа может особо затронуть ее интересы. Очевидна необходимость подготовиться загодя, тем более, что время еще есть. Россия сегодня, аналогично США в начале XX в. — одна из немногих стран, обладающих потенциально бесценным ресурсом — огромным неосвоенным пространством. При наличии адекватного энергоносителя и связанных с ним новых технологий освоения²⁴ — эта территория может превратиться в богатейшую зону, центр процветания будущего ценоза²⁵.

Ниже выделено несколько критических аспектов, от акселерации обострения современной мировой ситуации до технологических трендов, имеющих в перспективе глубокие социальные и экономические последствия для развития России и евразийского региона. Понимание их и принятие соответствующих мер может позволить избежать опасной точки социального кипения.

1. Милитаризация и формирование военных блоков и экономически-торговых регионов. По примеру стареющих доминантов прошлого²⁶ США продемонстрировали готовность идти на войну в порядке компенсации за растущую неэластичность основного ресурса современности — нефти. В настоящее время Ближний Восток в лице Ирака и отчасти Ирана представляют собой последние резервуары дешевой легкой нефти²⁷. Поскольку в США налицо хорошо известная традиция политических провокаций²⁸, нельзя исключить неожиданные во-

енные повороты²⁹. Отметим, что гонка вооружений с регионализацией и формированием антагонистических блоков — типичный пэттерн начала ценоза, когда, под давлением все более стрессованного доминанта, формируются молодые регионы³⁰ со своими особыми интересами. Россия является центром ближнего зарубежья, близкого по языку и культуре. Поскольку его страны в целом уже ощутили неприемлемость западных решений³¹, возможно экономическое стимулирование тяготения в сторону России. Исторически формирование значительного, но ограниченного торгового пространства представляется необходимым этапом создания конкурентоспособных производств на новой территории. С одной стороны, необходимо достаточное торговое пространство, способное потребить произведенные продукты. С другой стороны, в период формирования, когда производства еще хрупки, необходима защита от разрушительного влияния глобального рынка, где могут выжить только сильные установившиеся производства. Примером может служить торговый союз Zollverein, предшественник объединения Германии. Его главный идеолог Фридрих Лист основывал необходимость германского торгового пространства, ссылаясь на благотворность протекционизма для молодых рынков США. Он считал, что А. Смит и связанная с ним идеология свободного рынка являются “надуваловкой”, защищающей интересы доминанта, в данном случае — Великобритании³².

2. Критичность этапа милитаризации с точки зрения прогресса в технологической сфере. Несмотря на кровь и разрушения, связанные с войной, нельзя не отметить важность этапа милитаризации с точки зрения технологического прогресса. Известно, что экономические ограничения мирного времени, прежде всего необходимость получения прибыли в краткосрочной перспективе, ограничивают вложения в революционные технологии, ибо последние требуют долгого периода развития и до поры до времени не приносят отдачи. Даже такие, казалось бы, мирные технологии как Интернет финансировались Пентагоном, а дешевый чип, вставленный в “Стингеры”, явился значительным фактором поражения СССР в Афганской войне. Исторически милитаризация начала ценоза³³ помогала отработать новые технологии вне ограничений, налагаемых экономикой. Так, именно в первую мировую войну была отработана технология работающего двигателя внутреннего сгорания³⁴. Как известно, последнему суждено было стать центром притяжения “стальных” технологий XX в.³⁵, хоть перед войной он уступал по популярности и степени отработанности электрическому, дизельному и прочим портативным моторам. В свою очередь, движение в сторону портативности было вызвано необходимостью удешевления транспорта в эпоху пара, связанного с дорогами железнодорожными путями. Однако выбор одного из многих потенциальных кандидатов можно было произвести только в особых условиях войны, списавшей старые технологии и стимулировавшей развитие новых в отчаянной попытке выжить. В связи с этим, в будущем можно предполагать гонку вооружений в авиа-космической промышленности с долгосрочной перспективой отработки дешевого транспорта вне ограничений автодорог. Россия имеет ценные традиции в данной области, обладая также и экономической зоной для их применения в мирное время. Огромные территории страны, освоение которых с помощью автодорог XX в. оказалось недостаточно успешным, кажутся более подходящими для супердешевой авиации и прочих современных видов транспорта, не требующих прокладки дорог по зоне распутицы, вечной мерзлоты, тундры, высоких гор и пустынь. Как пример этой тенденции, новая модель крайне дешевого авиатранспорта бурно развивается в Европе³⁶. Создана новая компания Tiger Air в Австралии, специально для переноса этой модели бизнеса. Кроме того, в настоящее время уже известны принципы создания новой

нетрадиционной модели самолета, простого, дешевого и предоставляющего значительную экономию топлива. Очевидно, что его доведение до массового использования практически невозможно в рамках современной экономической ситуации – это потребовало бы списать существующие огромные мощности традиционной авиапромышленности одновременно с рисковыми миллиардными вложениями.

3. Дефициты и резкий рост цен на продукты питания в ближайшем будущем. В рамках диверсификации энергоносителей особо сомнительной может оказаться растущая популярность биодизеля³⁷. Видные экономисты³⁸ убедительно показали, что переход на биодизель не в состоянии привести к энергетической независимости США, цели провозглашенной, но вряд ли всерьез преследуемой правительством Буша. Упор на биодизель может, однако, произвести намного более важные последствия. Стимулирование производства биодизеля в потенциале резко уменьшит количество продуктов питания на мировом рынке, одновременно драматически увеличив их стоимость³⁹. Это крайне выгодно странам нетто-производителям зерна, но может стать катастрофой для стран нетто-покупателей. Первые, как правило, более благополучны социально, последние чаще находятся в третьем мире, что создает потенциал для дальнейшего социального обострения между бедными и богатыми как географически, так и в границах отдельных стран, включая Запад. Как показывают кондратьевские кривые цен, исторически рост цен на энергоноситель, как правило, сопровождался ростом цен на продовольствие. Хорошо известно, что две мировые войны XX в. развернулись вокруг Украины, к обладанию которой рвались немцы, зажатые в зоне Европы и страдающие от нехватки жиров и протеинов⁴⁰. Аналогично хлебные бунты послужили запалом французской 1789 г. и русской 1917 г. революций⁴¹. Рост цен на маис уже вызвал политические пертурбации, например, в Мексике, где тортилья играет роль хлеба, а собственное процветающее производство кукурузы было подорвано свободным притоком субсидируемого американского зерна в рамках NAFTA⁴². Ожидаемое обострение ситуации с питанием важно и со стратегической точки зрения. Как показывает пример США, в начале XX в. аграрная революция предвещает начало роста — размер сельскохозяйственного производства становится основным фактором, выделяющим будущего лидера из плотной толпы претендентов. Именно аграрная революция начала ценноза⁴³ позволяет произвести начальные накопления, определяя будущую мощь и богатство страны, благодаря появлению средств на долгосрочные инвестиции в критическую инфраструктуру. С этой точки зрения, основной задачей такой страны, как Россия, обладающей практически неосвоенными сельскохозяйственными угодьями, должно стать освоение “глубинки”, потенциально “хлебной корзины” для евразийского региона.

4. Социальные сдвиги и рождение новых институтов. Идущее разрушение традиционных укладов и урбанизация уже вызвали активизацию “май-дана”, традиционно связываемую с люмпенизацией общества. Это пэттерн. Исторически начальная форма новых институтов идет от доминанта, преследующего свои специфические цели с помощью самых современных технологий. Низы привлекались в качестве исполнителей, “таскать каштаны из огня”, постепенно перенимая формы и технологии, адаптируя их для своих целей и порой изменяя до неузнаваемости. Хорошо известно, что сегодняшняя Аль-Каида — наследник муджахеддинов, обученных США в процессе борьбы с СССР⁴⁴. Значительно менее известны вне страны новые элементы политического ландшафта США, от MoveOn.org до facebook.com и им подобных форм активизации электората, вырастающие в важный фактор политики. Тем временем распространение демократии западного образца и ее инструментов становится одной из основных

угроз доминированию США (см. серию выборов, принесших победу ряду антиамериканских политиков, от Чавеса до Моралеса, Ортега, Ахмадинежада и Хамаса). Выборы становятся орудием люмпенизированных низов, почувствовавших свою силу после того, как они скопились в чуждых им ранее городах. Первой попыткой мощных движений “снизу” можно считать Вьетнам — с минимальной помощью второй супердержавы партизанская форма войны позволила отбиться от США. Следующим шагом, с подачи США и их секретных служб, муджахедини получили могущественное орудие организации и пространственно-временной логистики — Интернет. Появился и новый источник финансирования неортодоксальных политических движений и фигур — мелкие жертвователи в Интернете. Используя новые суперпортативные средства коммуникации, стало возможно поддерживать и рост рассредоточенных групп и движений и координировать их через океаны.

5. Новые формы собственности и освоение российской “глубинки”. Изменения, принесенные техническим прогрессом, не ограничиваются финансированием групп, направленных против доминанта. Миниатюризация и удешевление технологий, от создания дешевых мобильных телефонов до локальных систем генерации энергии⁴⁵, позволяют в перспективе отказаться от дорогостоящих и разрушительных, с точки зрения экологии, крупных электро-, телефоно- и прочих сетей, для построения и поддержания которых было необходимо участие государства. Уже начались глубинные сдвиги с переходом инициативы из рук крупных государств в руки муниципалитетов и прочих малых групп и объединений, имеющих кровную заинтересованность в благополучии своего региона. На Западе растут новые формы общественно-частной собственности (public-private partnerships), дающие простор для мотивации частной деятельности, но в условиях кооперации с муниципалитетом или схожей общественной организацией, держателем прав собственности⁴⁶. Последние, по определению, имеют долгосрочный горизонт пользования. Потенциально они менее хищнические, поскольку заинтересованы в увеличении ценности своей территории в среднесрочной и дальней перспективе, даже при условии разумных краткосрочных потерь и необходимости массивных инвестиций. Отметим, что горизонт инвестиций в рамках традиционных public companies сегодня имеет тенденцию сокращаться с повышением уровня отчетности последних перед вкладчиками, которые требуют получения прибыли ежеквартально. Нами показано, что новые, только зарождающиеся формы общественно-частной кооперации являются противоядием растущему хищничеству неоллиберальной модели экономики. Это естественный институт социализации широких слоев населения, включая низы, на основе долгосрочного освоения территории проживания и интеграции их в ткань общества⁴⁷. Россия идеально подготовлена к такому развитию. Страна имеет хорошую базу в виде общественной собственности на недра и активности населения, обеспокоенного загрязнением окружающей среды. При этом очевидно, что ключом к успеху освоения территории России является социальное благополучие мелкого собственника в “глубинке”, прежде всего в сельском хозяйстве, который мотивируется личным интересом. Освоение территории России сегодня может быть значительно облегчено за счет активизации такого собственника в рамках муниципальных объединений. Поддержание компактных методов коммуникации и инфраструктуры, доступных на уровне муниципалитета, в перспективе может привести к децентрализации и даже может снять необходимость построения и содержания дорогостоящих и трудноподдерживаемых электрических, телефонных и прочих сетей.

6. Роль государства в создании и охране правового пространства и систем поддержки для бизнеса. Очень важна роль государства в стимулировании

финансовых, правовых и научно-исследовательских систем поддержки освоения новой территории. Это включает: льготные кредиты; охрану рыночного пространства от мафиозно-монополистических групп; агрономические станции, разрабатывающие сочетания культур, нацеленные на более полное использование местных особенностей и отвечающие требованиям рынка; современные системы качественного здравоохранения и образования, работающие на расстоянии, с использованием коммунальных центров, базирующихся в деревнях и т.п. Интернет может использоваться в различных целях – от телемедицины и обучения на расстоянии до передачи передового опыта и обеспечения прямого доступа к потребителю. Особо важна отработка новых правовых норм и регулирования. Для применения форм технологии, основанных на Интернете, необходимы институты контроля и стимулирования новых рынков. При наличии разумных легальных форм, Интернет потенциально может снять необходимость в дорогих дистрибутивных сетях, взимающих значительную ренту, и ослабить монополию мафиозных групп, закрывающих путь мелким производителям. Важно адаптировать опыт применения инновационных форм коммуникации, от мобильных телефонов до интернет-кафе в селе, уже резко поднявших размер производства и приносящих значительную выгоду мелким производителям в странах третьего мира, от Индии, Китая и до Кении. Для поднятия уровня образования и медицины в “глубинке” особо перспективным представляется стодолларовый ноутбук, рассчитанный на полевые условия применения и нацеленный на массы школьников. Учитывая опыт предыдущих ценозов, получивших многократные прибыли от своевременных инвестиций в освоение своей территории, в России необходимо начинать компьютеризацию, прежде всего, “глубинки”.

7. Необходимость социализации новых групп населения. В новых условиях роста активных низов, сила электората стала реальностью. Однако люмпенизированная часть населения, ввиду отсутствия собственности, зачастую не имеет реальных экономических интересов. Поэтому их голоса с удивительной легкостью поддаются манипуляции. Как показывает пример религиозных войн в Европе XVI в., это чревато политической нестабильностью. Этно-религиозные чистки населения были связаны с дележом новых территорий, не представлявших ценности в рамках экономики предыдущего периода⁴⁸. Однако рост социального антагонизма не является чем-то заданным. В прошлом страны с благополучными тред-юнионами сумели избежать радикализма XX в. — сегодня, хорошо интегрированные и социально благополучные религиозные группы, включая мусульман, могут встать барьером на пути единоверцев-радикалов. Россия имеет значительные мусульманские меньшинства и исторический опыт интеграции разнородных культур. Создание условий для расселения менее радикальных мусульман из Средней Азии на территории России, например в Сибири, может помочь в освоении территории и воспрепятствовать хищническому использованию со стороны временных мигрантских групп. Особо важно по примеру Китая использовать русскоязычную диаспору, разбросанную по всему миру и накопившую богатый опыт, ждущий применения. Пример Израиля также показывает, что вовлечение в экономику высокообразованной диаспоры может служить важнейшим средством привлечения новых технологий и укрепление конкурентных позиций страны на международном рынке.

Основная цель экономики — эффективность или выживание?

При чтении заголовков современной прессы возникает впечатление об эффективности как основном критерии современной экономики и *raison d'être* ее существования. Не будем останавливаться на о методах измерения этой эффективности, в расчеты которой обычно не вводятся затраты на содержание безработных, потерявших работу по причине использования более дешевого труда, или

разрушение окружающей среды в процессе выращивания монокультур, дальних перевозок и прочих необходимых элементов рассредоточенного массового производства современного типа⁴⁹. Это всего лишь частные аспекты общего вопроса — в чем же состоит основная цель экономики. При осознании, что де-факто “экономика” — это не более чем термин для основного способа занять и прокормить население, ответ становится достаточно очевидным.

Человек — биологический вид, принципиально не отличающийся от всех прочих животных. Поэтому, законы биологии справедливы и для нас, независимо от мудреных названий наших способов добывать пищу и кормить подрастающее поколение и стариков. Биологически же критерий успеха вида достаточно очевиден и однозначен — его выживание и размножение. С этой точки зрения, как ни парадоксально, жители Востока, чье население увеличивается, демонстрируют больший биологический успех, чем, например, более благополучные жители Запада, включая Россию. У первых наблюдается процесс ювенализации⁵⁰ вида как адаптации к меняющейся экологической ситуации. Рост популяции несет в себе потенциал экспансии вида на новые территории, с перспективой создания там нового доминантного ценоза. Это относится к регионам, освобождаемым благодаря коллапсу стареющих популяций, уже переживших высшую точку своей экономики и связанного с ней производства. Что же касается эффективности, то тут нас тоже ожидает некий сюрприз. В биологии эффективность — черта специализированного стареющего вида или организма. Не удивительно, что она присуща западному способу производства, который уже вышел на свои пределы. В противоположность этому, юность неэффективна по определению. Как показывает пример здорового ребенка, она характеризуется, казалось бы, хаотической активностью. Юный организм растратен, ибо он универсален и тратит огромную энергию на самоопределение и специализацию. Как бы сказали экономисты, производятся колоссальные начальные инвестиции в непроизводящую инфраструктуру. Намного позже, когда организм созреет, он окажется способен (или нет) прокормить следующее поколение.

На перепутье, перед становлением нового ценоза, вопрос эффективности встает особо остро. Нет сомнения, что узкая страновая специализация периода глобализации — суперэффективна с точки зрения скорости обращения мировых торговых потоков. Она помогает развитию т.н. рикардрианского странового преимущества, источника начальных накоплений и передачи ноу-хау от стареющего доминанта в страны с более дешевой структурой труда⁵¹. Еще меньше может быть сомнения в том, что классическая структура глобализации, с одним центром в виде доминанта и многих сателлитов, обеспечивающих его разнообразные нужды, крайне неустойчива. В конечном итоге она обречена, в частности, из-за бремени сеньориальной ренты, взимаемой стареющим доминантом за пользование его валютой и систем поддержания мировых потоков, включая военные. Переориентировавшись на поддержание мирового торгового пространства, доминант платит утерей своего бывшего технологического преимущества в условиях вымывания производства за пределы страны⁵². Очевидно, что в перспективе это чревато потерей военной мощи и вакуумом власти. Система мировой торговли с единым центром ломается не потому, что она неэффективна, а потому, что эта “эффективность” становится неподдерживаемо дорогой. В конечном итоге она просто разрушается под давлением растущего разнообразия и числа пользователей. Иными словами, инфраструктуре не хватает мощности для того, чтоб тянуть растущий размер Ойкумены в условиях идущего размывания стандартов, понижающих эффективность. По существу, в рамках старой инфраструктуры в регионах вырастают новые варианты, основанные на своих энергоносителях⁵³. Поскольку по смыс-

лу инфраструктура — это экономия размера за счет стандартизации⁵⁴, начиная с критического объема, две инфраструктуры начинают конфликтовать друг с другом, пока не выиграет только один вариант — по принципу Winner takes all. С этой точки зрения, эффективность — это адаптация производства к глобальной экономике, где все уже стандартизовано, нет дефицитов, поставки идут вовремя и все работает. Возникновение неустойчивости означает разрушение внутренних балансов системы и, в конечном итоге, ее коллапс — эффективность резко понижается вследствие роста дефицитов и нарушения режима поставок.

К этому моменту страны набирают достаточный багаж ноу-хау, получая возможность отказаться от уплаты разорительной синьориальной ренты. Параллельно быстрорастущая глобализованная Ойкумена перерастает возможности контроля со стороны стареющего лидера, на глазах теряющего военную мощь на фоне роста его агрессивности. Поэтому этап глобализации возможен только как момент в цикле развития ценоза. Он приобретает характер регионализации, как несколько более устойчивой и дешевой конфигурации, распространение которой в настоящее время уже идет полным ходом и вполне осознается в рамках известной концепции “многополярного мира”. Между тем регионализация является результатом и, одновременно, дальнейшим усилителем экономического и политического соперничества, связанного с разделением потоков критических ресурсов, прежде всего энергетических. Идет формирование региональных рынков, каждый из которых приобретает свое особое, хорошо узнаваемое лицо⁵⁵. Именно в рамках регионализации происходил экономический рост перед первой мировой войной. При наличии единого доминанта, Великобритании, страны разделились по блокам, функционирующим в рамках нескольких конкурирующих валют. Зона марки (электричество и заменители) и доллара (нефть) выделились наряду с основной зоной фунта (уголь).

Зоны валют помогли отгородить ограниченное торговое пространство для выпестовывания собственных производств. Ограниченные региональные рынки были менее подвержены напору мировых бурь, связанных с неконтролируемыми потоками инвестиций извне (то внутрь страны, то вдруг, моментально, наружу). Это благоприятствовало развитию молодых критических индустрий. Первая мировая война, которая произошла на пике регионализации, разрушила общемировую инфраструктуру угля и углезаправочных станций, поддерживаемых Великобританией, и привела к полной фрагментации мирового торгового пространства. В период между двумя мировыми войнами, в отсутствие сильной мировой валюты, способной оплатить спрос на их специализированные товары, страны были вынуждены перейти к прямому бартеру. Невозможность удовлетворения внутреннего спроса за счет импорта извне привела к массивной перестройке внутристрановых экономик, ибо страны должны были обеспечивать все свои потребности изнутри, строя, при необходимости, целые индустрии “с нуля”. С этой точки зрения, в отличие от глобализации, ориентирующейся на эффективность, построение полного набора стратегических индустрий в условиях бартера и коллапса мировой экономики между двумя мировыми войнами можно считать этапом самодостаточного, хоть достаточно примитивного универсализма.

Универсализация производства возникла от бедности, как новая адаптация к условиям фрагментации мирового торгового пространства. Это новая стратегия эволюции, работающая в противофазе к специализации и потому неэффективная по определению: все ставится на рост новых производств и диверсификацию⁵⁶. Универсализация и специализация сменяют друг друга как две альтернативные стратегии эволюции⁵⁷. Реализуется общая тенденция — построение все более высокоэнергетических и производительных инфраструктур, способных

прокормить растущие размеры популяции. Фрагментация — это временный откат, перерыв постепенности и переориентация инвестиций в рост новых производств. Это этап формирования новых экономических организмов, только один из которых тиражируется на этапе глобализации. В этом смысле глобализация и фрагментация не более чем характеристики специфических временных моментов цикла развития ценоза. Универсализация в грязи и разрухе войн и коллапса сетей обмена мировой экономики — это примета юности ценоза, обеспечивающая разрыв с прошлым. Такой перерыв постепенности является условием радикальной рекомбинации старых технологий в экстремальных условиях. После перевода на новый энергетический носитель, появляется принципиально новый контекст и орудия освоения новой богатой зоны⁵⁸.

В 1930-х гг. выросли четыре конкурирующих варианта автаркических экономик, основной задачей которых стало выживание путем построения стратегических инфраструктур внутри своих стран — нацистская Германия, США времен New Deal Ф.Д. Рузвельта, коммунистический Советский Союз и милитаризующаяся Япония. Показательно, что когда СССР закупил тракторный завод у Форда (будущий Сталинградский тракторный), правительство значительно меньше интересовалось ценой покупки или стоимостью запчастей, чем стратегической возможностью производить все на месте без поставок со стороны. С целью избежать стратегической зависимости от поставщика, страна согласилась уплатить в два-три раза дороже исходной контрактной стоимости. Этим четырем экономикам в дальнейшем суждено было столкнуться в боях второй мировой войны. Война решила, которая из предложенных инфраструктур наиболее жизнеспособна и заслуживает дальнейшего тиражирования. Модель США была принята в Европе, вовлеченной в экономическое пространство США, начиная с плана Маршалла. Почти одновременно начался внутренний процесс европейской интеграции, который на наших глазах привел к появлению нового экономического региона в условиях глобализации. В свою очередь, модель СССР распостранилась в значительно более трудном для освоения регионе Восточной Европы и Евразии. Неадекватность технологий того времени условиям экстремальной среды региона закрепила командную экономику как приспособление к ситуации постоянных перебоев и дефицитов. Общая адаптация к условиям командной экономики сопровождалась развитием идеологии полной централизации общества. Модель не выдержала давления двойного инфляционного пика кондратьевской кривой (1973–1981 гг.) и развалилась вскоре после Афганской войны под воздействием, в частности, конкурентного развития новой экономики глобализации, связанной с компьютерным чипом и инфраструктурой Интернета.

Заключение.

Как показывает анализ, формирование региональных экономик, которые в будущем станут альтернативой стареющему доминанту, является эволюционно неизбежным. Вместе с тем, это ведет к обострению мировой ситуации, поскольку усиление особых интересов регионов приводит к росту противоречий и трений, рано или поздно завершаясь разрушением устаревшей инфраструктуры. Мы находимся в самом начале этого процесса, и вопрос о его формах становится все более критичным, ибо исторически он всегда сопровождался разрушительными и кровавыми мировыми войнами, характерными для начала ценозов⁵⁹. Иного прецедента до сих пор не было. Сегодня ситуация изменилась. Институты ООН и мирового содружества потенциально содержат зародыш новых форм и механизмов перехода к следующей инфраструктуре — разрушительная энергия противоречий между доминантом и растущими региональными лидерами

может быть направлена на мирное освоение богатств экстремальной зоны Африки, юга Евразии, Севера, включая Арктику, пустынь и полупустынь. На это же толкает развивающийся экологический кризис глобального потепления и связанные с ним дислокации и миграции населения, которые могут использоваться как рычаг давления на производителей энергии. Назрела пора ставить все эти вопросы на самом высоком уровне для обсуждения мировой общественностью.

Сегодня Россия и весь материк Евразии находятся на пороге взлета в неведанное. Впереди трудности и опасности переходного периода, но также и перспективы входа в новый ценоз. Впервые за историю развития, когда рост технологий часто оправдывался соображениями обороноспособности, возникает мощный пласт технологий, способных обеспечить реальное освоение необъятных просторов, в противовес выжиманию из них средств для обороны от очередного врага. В этой ситуации важно трезво оценивать ситуацию, привлекая весь арсенал современной науки для четкого понимания опасностей и возможностей, чтоб стать наконец полноправным хозяином потенциально супербогатой территории, которая, с точки зрения технологий уходящего ценоза, считается неудобьями и зоной экстремального климата.

1. Следует отметить, что, в нестабильных условиях резко меняющегося переходного периода, скажем, при наступлении или отступлении ледниковых периодов (аналогичная ситуация хорошо известна в биологии) и согласно наблюдениям, приводила к диверсификации вида на фоне его резкой "ювенализации" — ровно то, что наблюдается в третьем мире.
2. Аналогичный рост и омоложение популяции характеризовали также переходный период ранней индустриализации. В Англии зарплата детей была намного меньше, потому их легче брали на работу. Кроме того, на детей полагались пособия по бедности. Зачастую, оптимальным способом выжить для взрослого мужика было завести побольше детей.
3. В известной русской сказке крестьянин делил урожай на три части: одну, чтобы дать в долг, другую, чтобы вернуть долг и только третью себе. Первая предназначалась детям, вторая престарелым родителям в системе взаимозависимой трехпоколенной семьи.
4. Статистические данные начали "ловить" эти процессы достаточно давно, задолго до тревоги, поднятой вокруг глобального потепления. Где-то в районе 1970–1980-х вдруг "хором" пошел каскад, казалось бы, не связанных событий, затрагивающих все стороны жизни: от падения поголовья рыбы в океанах и начала отмирания коралловых рифов, до обострения демографического дисбаланса и роста безработицы в маргинальных группах старше 55 и моложе 25. Одним из многих эффектов, непосредственно примыкая к концу этого промежутка двойного инфляционного "нефтяного шока" 1973–1981 гг. второй кондратьевской волны XX в., отрыжкой эпохи Вьетнамской и Афганской войн, распался Советский Союз. Хоть эти процессы были достаточно выражены на статистическом уровне, разрушительная сила антропогенного давления начала превосходить амортизационные возможности среды только сравнительно недавно. Сегодня она стала ощутима на уровне рядового обывателя и глобальное потепление принято как печальная реальность, а не как академическое мудрствование, как еще несколько лет назад. Стала популярна концепция "экологического следа" (ecological footprint) популяции. Этот термин, предложенный в 1992 канадским ученым Вильямом Рисом (Rees), отражает гипотетический размер территории, необходимой для поддержания определенного уровня жизни. Резкий рост с уровнем индустриализации и благосостояния населения страны предполагает, что развитые страны могут потреблять только за счет недопотребления всех остальных, включая Россию.
5. Последний раз аналогичный демографический дисбаланс наблюдался в начале XX в., в виде т.н. аграрного перенаселения.
6. Аналогичные процессы были характерны для начала XX в. — аграрное перенаселение выплескивало людей в города.

7. Мара Сальватруча — одна из нескольких соперничающих латино-американских банд, оперирующих в Америке. Удивительно, но факт — это объединение сальвадорцев возникло не в Сальвадоре, а в США, как форма самообороны эмигрантов в чуждом городе. Мэр Лос Анджелеса Вилларайгоза связывает воедино бедность, низкий уровень образования, безработицу и участие в банде. Как и прочие аналогичные современные этнические банды, раз возникнув, Мара Сальватруча не ограничилась Лос Анджелесом или даже Северной Америкой — сегодня это интернациональная организация, промышленяющая рэккетом и наркотиками. Однако в отличие от Коза Ностры старых дней, ее члены продолжают жить в бедности и не интегрируются, поэтому она на манер Аль-Каиды остается непроницаемой для внешних наблюдателей, включая полицию и секретные службы. См.: Mr Villaraigosa said there was a connection between poverty, low education levels, lack of job opportunities and gang membership. — <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/6338609.stm>.
8. Ради этого Китай до поры до времени даже согласен поддерживать американский доллар, ибо внезапный его коллапс подорвал бы американский рынок, вызвав катастрофическую безработицу и социальные беспорядки в самом Китае.
9. Узкие изолированные элиты обеих стран (этнические элиты Пакистана хорошо помнят свое происхождение из высших индийских каст, например, раджпуты военной касты, перешедшие в ислам при Великих Моголах), имеют между собой гораздо больше общего, чем со своими же иноэтничными низшими классами, язык которых они зачастую не понимают.
10. Как и сегодня, благодаря росту торговли, в одночасье выросла ценность новой зоны. Территория атлантического побережья, не слишком до того привлекательного с точки зрения традиционного сельского хозяйства, быстро выросла в центр молодой индустрии, став объектом вожделения и дележа в кровавых войнах.
11. На электоральных картах США центральные районы, голосующие за республиканцев, принято окрашивать красным.
12. Рост новых маргинальных социальных групп совпадает с исчезновением массовых профессий XX в. США представляют яркую иллюстрацию этого явления. Страна поларизована географически, что показано традиционной раскраской электоральных карт: с “синими” демократическими побережьями и “красной” республиканской глубиной. Не удивительно, что быстро люмпенизирующаяся глубинка, у которой исчезает традиционная занятость за счет массовых профессий, чувствует угрозу от марша технологий, в которые, наоборот, влюблены жители побережий, чей рост благополучия идет от дирижирования современными сетями мировой торговли. Люмпенизирующаяся часть становится все более консервативной, зачастую голосуя против своих коренных интересов — за политиков, что срезают налоги богачам, одновременно урезая социальное страхование. В этом климате Буш не считает странным аргументировать свои решения прямой “наводкой” от Бога. Кандидаты, особенно республиканские, активно ищут одобрения от религиозных лидеров, которые, в свою очередь, используют свою способность мобилизовать электорат как меру давления на политического противника. Политизируются частные вопросы типа сексуальной ориентации, гомосексуалов и целенаправленно поднимаются во время важных выборов с узкой целью активизации электората.
13. Прежде всего шииты, но также и группы, представляющие суннитские низы, такие как Хамас и Мусульманское Братство. Суннитская самооборона и теракты в Ираке также связаны с утерей социального и имущественного статуса.
14. Дефицит платежного баланса в Индии, показывающий часть спроса, не покрываемого производством в стране, за три месяца до сентября 2006 г. превысил 3% GDP, а без учета переводов от индийцев за рубежом — 5%. Сравните это с положительным балансом в 4%, который Индия имела еще в первой половине 2004 г. Как отмечается в журнале “Экономист”: The reason for concern about India's widening current-account deficit is not that it heralds a financial crisis, but that it is a signal of how supply cannot keep pace with red-hot demand. Furthermore, unlike China and most other Asian emerging economies, India is heavily dependent on short-term portfolio capital inflows, rather than foreign direct investment, which is longer-term. Short-term capital accounted for four-

- fifths of capital inflows into India over the past three-and-a-half years (India on Fire // *The Economist*. 2007. 3—9 Febr. P. 70).
15. Как отмечено в других работах авторов, нефть является основным содержанием и способом поддержки универсальной валюты мировой торговли — доллара. В рамках режима трехсторонней мировой торговли, Китай продает товары в США за доллары, на которые покупает ресурсы, прежде всего нефть, и технологии в других странах мира.
 16. Теракты в Лондоне, волнения в Париже были связаны с иммигрантами во втором поколении.
 17. Массовый характер этих войн был связан, как и в настоящее время, с появлением оружия для пехотинца. На манер современных партизан, рядовой бюргер получил способность воевать с технологизированными окованными армиями предыдущего периода. Массовое внедрение огнестрельного оружия привело к колоссальной демократизации войны, с армиями простых горожан, способными противостоять дорогостоящим армиям государства. См., например, победу партизанов-гезов под предводительством Вильяма Оранжского над испанцами в 80-летней войне, приведшей в 1648 г. к независимости семи провинций. Вильям III Оранжский, как известно, стал королем Англии и Шотландии в 1689 г., приглашенный править после Славной революции в Англии 1688 г., свергнувшей его католического тестя, Джеймса II.
 18. *Roberts J.M. Europe, 1880—1945: A General History of Europe. Longman Group UK Limited. 1989. P. 379.*
 19. Для XX в. такой зоной были бескрайние просторы США, освоенные в рамках нефтяной экономики, построенной вокруг автомобиля и тяжелых землеустроительных машин с двигателем внутреннего сгорания. В XIX в. лидером являлась Великобритания — место рождения угольной экономики раннего индустриализма. Железные дороги помогли освоить внутреннюю территорию страны, лишенной традиционной сети коммуникации в виде рек. Последними, в свою очередь, был богат предыдущий лидер, Франция, чья экономика была основана на водяном колесе и каналах.
 20. По поводу фаз развития и перспектив новой формы общественной собственности как основной для освоения особо трудных территорий следующего ценноза см.: *Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. Россия и Китай: перспективы взаимодействия в новых энергетических условиях // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 2.*
 21. Как сказано выше, все больше внимания привлекает Африка — континент экологического бедствия с огромными энергетическими и иными ресурсами. К участию в ее освоении, как известно, активно стремятся ведущие экономические супердержавы мира, включая Америку, Европу и Китай.
 22. При всем своем благополучии США не избежали Великой депрессии. Внедрение трактора в 1920-х гг. привело к экологической катастрофе т.н. Dust Bowl и выселению целых популяций мелких фермеров, разоренных механизацией и приходом крупной фермы. New Deal Рузвельта был этапом реорганизации экономики перед второй мировой. Основными его компонентами были сельская электрификация и начало построения сетей автодорог, прежде всего сельских, ведущих из фермы в город, на рынок. Это привело к резкому увеличению сельхозпроизводства в стране, оказавшейся способной взять на себя мировые поставки продуктов питания, сперва в рамках лендлиза, потом Плана Маршалла, обеспечившего лидирующую роль США и т.н. евродоллара в послевоенной Европе (Бреттон-Вудское соглашение 1944 г.).
 23. Бразилия и США, ведущие мировые производители биоэтанола, договорились о сотрудничестве. Этанол в Бразилии уже заменил 40% потребности в бензине, 70% автомобилей выпускаются со способностью использовать бензин или этанол. США уже превзошли Бразилию по производству этанола, с 4,9 млрд галлонов, но закупили 1,7 млрд, в основном из Бразилии. Этанол видится как способ ослабления политического влияния таких стран как Иран, Венесуэла и Боливия. — http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/02/07/AR2007020702316.html?nav=most_emailed.
 24. Подробное освещение стадий освоения новой территории в процессе формирования особого ценноза, оптимизирующего использование ее природных ресурсов можно найти в прочих работах авторов, как уже опубликованных, так и планирующихся к публикации.
 25. Согласно министру сельского хозяйства А. Гордееву, Россия имеет 2% населения при 10% мировой пахотной земли и 20% особо дефицитного ресурса современности, кото-

- рым является вовсе не земля и даже не нефть, а пресная вода. Ценность аграрных ресурсов обширной российской зоны подчеркивается фактом, что население мира растет на 50% быстрее, чем производство продовольствия, при современном количестве голодающих в 800 млн и недоедающих в полтора млрд. См.: *Russia Will Be a Major Agricultural Power in the 21st Century Dokuchayev D.* // *The Moscow News.* — <http://english.mn.ru/english/issue.php?2006-43-9>.
26. См., например, Англо-Бурскую войну конца XIX в. и аналогичные события конца предыдущих ценозов с ярким трендом к милитаризации, формированию военных блоков и имперским решениям типа “Берлинского клуба великих держав”.
 27. Утверждается, что в настоящее время идет подписание PSA (production sharing agreements) со значительно более кабальными условиями, чем те, что были подписаны для Сахалина в момент тяжелой депрессии в России. Оставшиеся доступные месторождения нефти и потенциальные места добычи находятся в политически нестабильных регионах и/или требуют дорогостоящих разработок из-за отсутствия инфраструктуры — Африка, Север, Мексиканский залив.
 28. Как принято сегодня историками, испанцы вряд ли имели отношение к гибели американского линкора Мэйн в 1898 г. Последняя, тем не менее, была использована для подготовки общественного мнения и развязывания Испано-американской войны под лозунгом — Remember the Maine. Предпоследней известной провокацией был Тонкинский залив, последняя в ряду — фальшивка с оружием массового поражения в Ираке и сотрудничества Саддама с Аль-Каидой.
 29. В краткосрочной перспективе нельзя недооценивать опасности последней политической инициативы Белого Дома, т.н. “realignment”. Эта инициатива, проводимая через Госсекретаря Райса, нацелена на создание единого “суннитского” фронта против Ирана и отчасти Сирии. В реальности, это может стать фактором в акселерации идущего распространения нестабильности Ирака на весь ближневосточный регион. — <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/01/25/AR2007012501555.html>.
 30. Можно перечислить несколько уже существующих региональных рынков, включая традиционные и нарождающиеся. 1) Северная Америка — США, Канада, Мексика (НАФТА). Это классический регион дорогой валюты и экономики трудосберегающих технологий, максимально глобализированный и зависящий от дешевых массовых ресурсов. 2) Китай – Япония, зона экспортирующей экономики, регион низких валют стран-экспортеров, с избытком населения и недостатком ресурсов. 3) Европейский Союз, дорогая валюта, хай-тек, регион ресурсосберегающей экономики, взявшей глобальное потепление на щит с целью разработки и продажи современных ресурсосберегающих технологий. 4) Россия и ближнее зарубежье находятся в процессе формирования. Потенциально русскоязычный регион обладает всеми необходимыми элементами полноценного региона — богатый ресурсами и технологиями наукоёмкий малонаселенный Север на фоне трудозэкспортирующего и потенциально ресурсно богатого сельскохозяйственного Юга. Развивающаяся экономика новой зоны стимулируется экспортом энергетических ресурсов и производством высокотехнологичных вооружений. 5) В отдельную региональную экономику трудозэкспорта быстро оформляется Индийский субконтинент, где массовые технологии и Интернет применяются для “виртуального” экспорта труда (аутсорсинг) в условиях перенаселения. Экономика сохраняет родовые черты, оформившиеся со времен Британского Раджа, когда индийцы составляли трудовую базу британского глобального доминирования (от кули на строительстве железных дорог в Африке и т.п. и до армии сипаев). Сегодня уровень квалификации труда растет, не изменяя общей тенденции к трудозэкспорту. За счет процессных центров и т.п. Бангалора оплачивается импорт ресурсов и прочих товаров потребления. 6) В стадии оформления находится самостоятельный Ближневосточный регион. Экономика начинается с экспорта энергоресурсов в попытке освободиться от традиционной роли экономического придатка Запада. 7) В стадии оформления также находится регион Южной Америки с смешанным и автохтонным населением. Бразилия в качестве регионального центра балансирует ось Андских стран — Чавес, Моралес плюс Кастро. Экономика растет на энергоресурсах и разработке технологий под специфику местных условий (в Бразилии – авиапромышленность и этанол) 8) Благодаря богатству

- природными ресурсами, несмотря на катастрофическую неустроенность, Африка в настоящее время представляет собой привлекательный объект для освоения извне. Очевидны аппетиты по крайней мере двух претендентов на освоение, бедных собственными ресурсами — Британии и Китая. Аналогично Австралия находится в зоне экологической катастрофы и может породить экономику, ориентированную на разработку нового типа агрикультуры (включая выращивание точно подобранных сообществ культур, с учетом неблагоприятных местных условий, в противовес требовательным монокультурам типа пшеницы), а также связанных с ними технологий.
31. Массовое производство предполагает целый комплекс условий. Помимо специфической политической системы, что уже вызвало противодействие, требуются также неограниченные ресурсы и подвозка стандартных компонентов в режиме реального времени. Последнее предполагает плотную сеть автодорог, что несомненно, не слишком реалистично в условиях сезонной распутицы, пустынь, высоких гор, тундры и тп.
 32. См.: *Kitchen M. The Political Economy of Germany 1815–1914. McGill-Queen's University Press Montreal. 1978. P. 44.*
 33. Исторически гонка вооружений стимулировалась стареющим лидером, обладателем наиболее продвинутых технологий. Так, построение нового флота, основанного на дредноутах перед первой мировой войной, вывело из рассмотрения значительный “предредноутный” британский флот и тем дало шанс новичкам-германцам. Аналогично, сегодня США лидирует по военным расходам — согласно официальным данным сумма расходов Пентагона на новые типы вооружения за последние 5 лет была удвоена, дойдя от 700 миллиардов до 1,4 трлн долл.
 34. Британская армия вошла в войну со 100 грузовиками, кончила с 60,000. В 1914–1918 гг. сменилось 5–6 поколений самолетов, от “этажерки” братьев Райт до истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков вполне современного вида.
 35. Стальные мост и небоскреб как элементы урбанизированного пейзажа в геометрии сетей автодорог.
 36. Это вовсе не миф. В настоящее время Западная Европа связана системой очень дешевых авиалиний. Важность этой системы для интеграции региона, развития новых технологий и форм собственности освещена в работах авторов. До налогов, введенных министром финансов Великобритании Брауном, авторы летали из Лондона в Италию и обратно за 120 долл. на двоих, включая налоги. При этом, Ryanair – лидер в супердешевых воздушных перевозках, вовсе не терпит убытки. В третьем квартале 2006 г., несмотря на высокие цены на топливо, компания рапортовала в росте прибыли на 30% за счет прироста пассажиров. – <http://www.breakingtravelnews.com/article/20070205093018187>. В качестве примера можно также упомянуть, что разработка месторождений в Канаде и Сибири вахтовым методом значительно дешевле уже сегодня, чем содержание таких городов, как Магадан, полностью снабжавшихся извне.
 37. В настоящее время под давлением корпораций правительство США законодательно поощряет его производство, одновременно продолжая старую практику субсидирования сельского хозяйства. Двукратный рост цены на маис в 2006 г. вызван переадресацией одной пятой всего урожая США на биоэтанол. К 2008 г. это количество может достигнуть до половины всего урожая (*Carey J., Carter A. Food vs Fuel // Business Week. 2007. 5 Febr. P. 80.*
 38. *Samuelson R. Seven Tough Choices We Will Not Make // Washington Post. 2007. 17 January. P. A19.*
 39. Только за последний год, еще задолго до построения основных планируемых заводов по переработке, цена на маис уже выросла вдвое, от 2-х долл. за бушель до 4-х. Этот рост вызван переадресацией одной пятой всего урожая США на производство биоэтанола. К 2008 г. это количество может достигнуть до половины всего урожая и вызвать соответствующий прирост цены (*Carey J., Carter A. Food vs Fuel // Business Week. 2007. 5 Febr. P. 80.*
 40. См. классическую сцену из фильма о Второй мировой войне, где “фриц” жадно требует: “Матка, яйца, куры давай”.
 41. Переход Бразилии на производство этанола из сахарного тростника уже привел к более чем двукратному повышению мировых цен на сахар. Страна “убивает двух зайцев одним

- ударом": не снижая общей выручки за проданный сахар, вдобавок обеспечивает себя "домашним" топливом. В США растет "зеленый" ажиотаж и желание перенять опыт.
42. Демонстрации домохозяйек и голодающих вынудили правительство к импорту маиса и продаже муки по льготной цене населению. Отметим, что производство маиса в Мексике, процветавшее еще пару десятилетий назад, было разорено сверхдешевыми поставками американского субсидируемого маиса. См., например, сообщение агентства Рейтерс: *Mexicans protest as tortilla crisis hurts Calderon*, By Gunther Hamm Thu Feb 1, 1:03. — http://news.yahoo.com/s/nm/20070201/wl_nm/mexico_tortillas_dc;_ylt=AvUcLpXby9ThY0ElsCwtzys0NUE;_ylu=X3oDMTA2Z2szazkxBHNlYwN0bQ-
43. В случае США резкое увеличение площади распахов произошло благодаря массовому введению трактора, позволившего так же выжить и молодому СССР, в частности, как база производства танка Второй мировой войны. Однако распахивать залежные земли прерий пытались и до появления трактора, привлекая даже такие экзотические методы, как стационарные паровые двигатели. Аналогично аграрная революция в Британии обычно датируется XVII–XVIII вв., задолго до появления паровой машины, основной технологии ценоза XIX в., когда Британия стала бесспорным лидером.
44. Аналогичный пример угрозы старому доминанту со стороны новых сил, взлелеянных им же, но со своими собственными эгоистическими целями, представляет поражение Наполеона в Ватерлоо, где важную роль играла прусская армия, модернизированная благодаря отмене крепостного права в Пруссии под его прямым давлением. Предположительно, Наполеон пытался ослабить прусскую армию, базирующуюся, как и русская армия того времени, на крепостном крестьянине. Аналогично, фонд Сороса субсидирует "оранжевые" и прочие революции, обладающие способностью активизации "майдана", в том числе, для выражения его антиамериканских настроений.
45. Хотя это далеко еще не основная форма — локальные источники генерации энергии уже используются и далеко не только сторонниками "зеленой" энергии в развитых странах. Прежде всего, это способ электрификации отдаленных аграрных районов, проведение электролиний к которым затруднено или попросту невозможно. Так, в Китае, государство бесплатно выдает небольшие водяные/ветряные турбины дальним деревням. Это значительно активизировало экономическую деятельность. Жители стремятся выращивать торговые культуры с целью заработать на телевизор, стиральную машину и холодильник, всегда в этой последовательности. Для налаживания контакта с рынком используют портативные средства связи, типа мобильных телефонов. Так одно изменение приносит другое.
46. Подробнее об этом см.: *Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. Указ. соч.*
47. Там же.
48. Берега Атлантики, основной центр зарождавшегося протестантизма, приобрели экономическую ценность с развитием атлантической экономики т.н. *bulk trade*, основанной на дешевых перевозках морем продовольственных и промышленных продуктов, включая соленую рыбу, продукты коммерческого животноводства, зерна, что позволило выжить жителям животноводческих регионов и, далее, текстиля, отсосавшего избыточный труд.
49. В обсуждении вопроса эффективности интересна параллель с динозаврами. Последние развили суперэффективную экономику с точки зрения огромной скорости оборота биомассы. Как известно, это сделало их исключительно уязвимыми. "Ядерная" зима после катастрофического изменения климата, результата вулканической деятельности и/или падения метеорита уменьшила количество питания и привела к поголовному вымиранию. Следующим лидером стали млекопитающиеся — значительно более медлительные существа. Скорость метаболизма резко уменьшилась за счет не менее резкого улучшения пережевывания. Более точно подогнанные зубы, большие инвестиции в подрастающее поколение привели к росту мозга. Так что, эффективность эффективности рознь. Как в эпоху динозавров, в наше время упор ставится на скорость оборота, невзирая на количество потребленных ресурсов. Не исключено, что следующий ценоз, по примеру млекопитающихся, переставит акцент на эффективность использования все более ценных ресурсов в условиях глобального потепления.

50. Биологический термин, означающий омоложение вида за счет преобладания молодых особей и сохранения их признаков у более взрослых особей. Так, структура черепа *Homo Sapiens* более похожа на молодяк шимпанзе.
51. Несмотря на все более агрессивный тон германских политиков перед первой мировой войной, британские лорды сохраняли удивительное спокойствие, будучи уверены, что Германия, не обладая британским контролем над источниками нитратов, абсолютно небоеспособна. Нитраты были необходимы для производства пороха, в частности, и взрывчатки вообще. Однако, как водится в истории, сангвинизм лордов был разрушен вследствие научного прогресса. Фриц Хабер изобрел способ получения нитратов из воздуха. В 1913 г. была произведена первая промышленная установка, в 1914 г. началась война, а в 1918 г. Хабер получил нобелевскую премию. Каучук, в свою очередь, был важен для германской электрической промышленности, самой передовой в мире, для изоляции проводов. Он был заменен синтетическим каучуком.
52. Утеря технологического превосходства отмечается в Британии после 1860-х гг. (Hobsbawm) и в США после 1980-х гг.
53. Например, в начале XX в., Германия поставила на электричество, наукоемкие производства с высококвалифицированной рабочей силой и химию. США, в противоположность Германии, развивали нефть и стандартизацию, требующую дешевого, неквалифицированного труда иммигрантов. В случае Германии электричество играло универсальную роль, интегрируя разные заменители, от гидро до дизеля и переработки лигнина. Это определило вилку в развитии страновых экономик и стоящих за ними инфраструктур, по крайней мере, на ближайшие 50 лет. По существу, строились две диаметрально противоположные инфраструктуры, которые столкнулись в процессе второй мировой войны. Так определился победивший вариант, который превратился в господствующий после развала СССР. Пока он существовал, Советский Союз адаптировал наукоемкую линию заменителей, которую можно возвести к Германии.
54. Стандартизованное производство большего масштаба более эффективно.
55. См. примеч. о региональных рынках выше.
56. На бирже принято выделять две категории ценных бумаг: *growth* и *value*. Первые соответствуют этапу универсализации и вознаграждают за высокий риск инвестиций высокими прибылями в случае успеха. Вторые ориентированы на проверенные рынки и товары и нацелены на специализацию и эффективность.
57. В биологии эти стратегии реализуются как диверсификация и затем тиражирование новых видов в рамках победившего стандарта, например, после гибели динозавров открылась дорога для распространения млекопитающих.
58. Как показывает пример Германии, в случае отсутствия зоны, единственным местом отвода накопившегося технологического преимущества зачастую становится военная область, где технологии важны "сами по себе", вне контекста зоны освоения.
59. Среди многих примеров — 1) греко-персидская война V в. до н.э., которая полностью поменяла паттерн доминантности с созданием инфраструктуры торговой экономики оливкового масла и вина античного ценоза (полис, фаланга, трирема) на зерновую экономику Древнего Востока (инфраструктура экономики царапающего плуга, основанной на свободном крестьянине и власти царя); 2) Следующим номером пошли нашествия викингов с конца VIII в., которые стали аристократией по всей Европе и принесли экономику феодализма, как инфраструктуру манориальных крепостей (*motte-and-bailey castle*); 3) Экономика эры географических открытий оформилась в огне религиозных войн, которые выдвинули на ведущие позиции в Европе Францию, проводника инфраструктуры мануфактуры и каналов с водяной турбиной; 4) Победа Британии в наполеоновских войнах укрепила победу индустриальной экономики пара с инфраструктурой железных дорог; 5) Ровно таким же образом, первая мировая война выдвинула США на главные финансово-экономические позиции в мире за счет развития инфраструктуры нефти и в дальнейшем автодорог. Экономическая модель США была построена вокруг автомобиля и предполагала массовое производство стандартизированных деталей и массивные дешевые перевозки на дальние расстояния.

АСЕАН на новом этапе интеграции

© 2008

Г. Локшин

2007 год стал особым для десяти государств Юго-Восточной Азии, которые широко отметили 40-летие своей международной организации — АСЕАН — одного из наиболее успешных проектов региональной интеграции. Главным событием стало подписание всеми лидерами АСЕАН на прошедшем 18—22 ноября 2007 г. в Сингапуре 13-м саммите давно ожидавшейся Хартии — первого в ее истории устава.

На момент своего создания в 1967 г. АСЕАН включала всего пять государств: Индонезию, Малайзию, Сингапур, Таиланд и Филиппины. Обстановка в регионе была крайне напряженной: война во Вьетнаме разгоралась; то в одной, то в другой стране появлялись повстанческие группировки маоистов; в Индонезии произошел военный переворот с массовыми репрессиями и погромами китайского меньшинства. Создание механизма противодействия общим угрозам и согласования политики стало стратегическим императивом для основателей АСЕАН. И хотя в принятой в 1967 г. в Бангкоке Декларации организация была представлена как "субрегиональное объединение", нацеленное на решение задач исключительно в социально-экономической сфере, интересы безопасности были для ее создателей все же определяющими.

За 40 лет АСЕАН прошла большой путь — от довольно скромного механизма периодических (раз в три года) встреч глав государств до постоянно действующего органа консультаций и переговоров для урегулирования проблем региональной безопасности, твердой защиты своих интересов, национальной идентичности и других ценностей в быстро глобализирующемся мире.

На 1-м саммите АСЕАН в феврале 1976 г. на индонезийском острове Бали пять государств-учредителей подписали "Договор о дружбе и сотрудничестве" — некий кодекс поведения, основанный на известных "принципах Бандунга" — отказа от применения силы и мирного сосуществования государств, которые были сформулированы на исторической Бандунгской конференции 1955 г. Балийский договор — один из самых фундаментальных прогрессивных документов современного международного права — на долгие годы стал юридической основой АСЕАН. Присоединение к нему было и остается обязательным условием принятия новых членов и установления отношений диалогового партнерства с АСЕАН для всех других государств мира. Его подписали уже 12 государств, включая Россию. Сделать это намереваются также ЕС, США, Канада и др.

Резкая активизация деятельности АСЕАН началась после окончания "холодной войны". В 1995 г. в организацию вступил Вьетнам, а вслед за ним Лаос, Бирма и Камбоджа. Султанат Бруней Даруссалам был принят еще в 1984 г. Таким образом, впервые все 10 государств региона, весьма различные по своему

политико-социальному устройству и уровню экономического развития, оказались вместе в одной структуре, где сложилась постоянно действующая система консультаций на уровне высшего руководства и политических элит, создавшая “азиатскую культуру политического диалога”, благодаря которой возникавшая иногда напряженность в отношениях между членами АСЕАН ни разу не переросла в вооруженную конфронтацию.

Перестройка и обновление

За прошедшие 40 лет страны-основатели АСЕАН добились действительно выдающихся успехов в своем развитии. Это и быстрые темпы экономического роста, и достаточно высокий уровень жизни. Освободившись от колониальной зависимости, они прошли путь индустриализации и модернизации, а став индустриально развитыми, вплотную подошли к новому этапу — созданию постиндустриальных государств и внедрению развитых информационных технологий. Столь же очевидны достижения и второй группы государств АСЕАН, по ряду причин далеко отставших от первой. Здесь заметные успехи демонстрирует, в частности, Вьетнам, уже 20 лет идущий по пути обновления, открытости и интеграции в региональную и мировую экономику.

В 1997 г., когда в Азии разразился жестокий финансовый кризис, и в начале нынешнего века в связи с беспрецедентным ростом Китая и Индии, страны АСЕАН столкнулись с рядом сложных проблем, которые заставили их пересмотреть стратегию, реорганизовать структуру, изменить организационные формы и методы деятельности организации.

Ассоциация больше не могла эффективно существовать в своем прежнем виде, т.е. как аморфная, плохо управляемая коалиция очень разных государств, опирающаяся исключительно на личные договоренности лидеров. При отсутствии на первоначальном этапе ее деятельности даже Секретариата, процесс принятия решений, основанный на обязательном консенсусе, тоже был долгим и не всегда эффективным. Все это вызывало нарастающую волну критики в большинстве государств АСЕАН, особенно в ходе и после кризиса 1997 г.

В этой связи на саммите в Куала-Лумпуре в 2005 г. была наконец создана “Группа выдающихся деятелей”, которой поручили разработать проект Хартии (Устава) АСЕАН. Он два года тщательно согласовывался и обсуждался на самых разных уровнях, в том числе с широким участием многочисленных академических центров и организаций гражданского общества. 20 ноября 2007 г. состоялось торжественное подписание Хартии всеми лидерами стран Ассоциации.

Отныне АСЕАН стал полностью структурированной межправительственной организацией, построенной на определенных принципах и обязательных для всех правилах. Остались нетронутыми фундаментальные принципы, которые хорошо послужили Ассоциации. Вопреки давлению различных политических сил, как в странах АСЕАН, так и за их пределами, среди них сохранилось непоколебимое “табу” на обсуждение внутривнутриполитических проблем друг друга и на любые формы вмешательства извне в их решение.

Своей целью лидеры АСЕАН провозгласили “строительство региона прочного мира, стабильности, и устойчивого экономического роста”. На этой основе они собираются в 2015 г. завершить создание общего рынка со свободным движением товаров, инвестиций и квалифицированной рабочей силы по образцу ЕЭС с одновременной гармонизацией региональной экономической политики госу-

дарств и укреплением региональных связей. К этому они добавили "содействие миру и стабильности в АСЕАН через активное утверждение демократических ценностей, эффективное управление, отказ от неконституционной и антидемократической смены правительств, верховенство права, включая международное гуманитарное право, уважение прав человека и основных свобод с учетом прав и обязательств государств-членов"¹.

Саммит в Сингапуре сопровождался шумной компанией в местных и зарубежных СМИ, вызванной репрессиями военного режима Мьянмы против оппозиции. Многие местные и зарубежные общественные организации добивались более активного вмешательства лидеров АСЕАН, вплоть до исключения Мьянмы из состава организации. В развернувшейся кампании настойчиво предлагалось включить в Хартию раздел, посвященный защите прав человека, и создать "нечто вроде Европейского Суда в Страсбурге". Однако лидеры АСЕАН (уже далеко не первый раз) не пошли по пути санкций и исключений. Напротив, они заняли позицию поощрения и поддержки диалога с лидерами оппозиции в целях национального примирения при посредничестве специального представителя Генерального секретаря ООН.

Не удалось договориться и по правам человека. Дискуссия застопорилась на определении самого этого понятия. Поэтому в 30-страничном тексте Хартии теме прав человека посвящена одна краткая статья довольно общего характера с обещанием создать в неопределенном будущем некий орган, который будет наблюдать за ситуацией в этой области.

Ежегодный саммит АСЕАН остается высшим органом ассоциации и будет собираться не реже двух раз в год. В помощь ему создается Координационный совет министров иностранных дел, который также собирается два раза в год. На ключевых направлениях интеграции (политика и безопасность, экономика, социально-культурное сотрудничество) создаются три Совета на уровне министров, которые будут докладывать лидерам АСЕАН о ходе строительства общества по своим направлениям.

Значительно повысилась роль Генерального секретаря АСЕАН, который пользуется статусом министра и назначается саммитом в порядке ротации по представлению Координационного совета на один срок продолжительностью в пять лет. Из четырех заместителей Генерального секретаря один курирует внешние связи, а трое остальных координируют деятельность соответствующих Советов сообществ. Под руководством Генерального секретаря работают Секретариат в Джакарте и Исследовательский институт АСЕАН, который должен быть создан в целях развития сотрудничества с академическими центрами государств-членов и неправительственными организациями. Генеральным секретарем АСЕАН был назначен бывший министр иностранных дел Таиланда (1997—2001) Сурин Питсуван (Surin Pitsuwan).

В структуре рабочих органов АСЕАН наряду с Секретариатом, который контролирует выполнение всех программ, важная роль отводится трем отраслевым комитетам, которые и готовят вопросы к заседаниям министерских советов. Всего же в структуре АСЕАН работают 28 межминистерских органов, которые координируют выполнение различных программ. Ежегодно они проводят около 300 мероприятий. Вся эта многоплановая деятельность финансируется за счет равных взносов государств-членов, дополнительных вкладов некоторых из них и частного бизнеса.

Хартия призывает государства-члены Ассоциации более ответственно относиться к взятым на себя обязательствам и к выполнению принятых решений. Однако в окончательный вариант не были включены предлагавшиеся в проекте санкции вплоть до приостановления всех прав и привилегий того или иного члена Ассоциации. Эти меры были значительно смягчены. Соответствующие статьи Хартии говорят лишь о том, что в таких случаях государства-члены могут прибегнуть к консультациям и начать переговоры. В случае грубейших нарушений Хартии, проблемы могут быть вынесены на обсуждение саммитов АСЕАН.

Принятие Хартии — важная веха на историческом пути АСЕАН к интеграции. Она, несомненно, сделает Ассоциацию более эффективной и предсказуемой организацией. Важный элемент этого — создание механизма урегулирования споров, который означает, что в случае возникновения разногласий вокруг выполнения тех или иных договоров и соглашений стороны могут обращаться к независимому органу, который вынесет свое решение. Механизм разрешения споров будет создан во всех сферах сотрудничества АСЕАН.

Большое значение Хартия придает мобилизации ресурсов для выравнивания уровней развития стран-членов. Для этого создан специальный Фонд развития АСЕАН (ADF) с добровольными вкладами государств и частного сектора. На саммите в Сингапуре участники обязались до конца года внести в него по 100 тыс. долл. США, а Сингапур, Малайзия и Таиланд внесли еще по 500 тыс. долл. Немалые средства перечисляют в этот фонд и государства-партнеры, особенно Япония, а также Китай, который внес в 2007 г. 1 млн долл., Австралия — 1,3 млн, Индия — 700 тыс. и т.д.

Большинство наблюдателей в странах АСЕАН, одобряя в целом подписание Хартии, отмечают, что даже интегрированный АСЕАН не превратится в союз, подобный ЕС. Страны АСЕАН гораздо больше отличаются друг от друга в плане исторического прошлого, политического устройства, культуры и экономического развития. Учитывая эти реальности, лидеры АСЕАН все же согласились с тем, что темпы интеграции не должны определяться возможностями тех, кто идет по этому пути медленнее всех. На этом уже давно настаивали политики таких стран, как Сингапур, Таиланд и Филиппины. Те, кто может идти быстрее других, говорили они, пусть будут свободны делать это при условии, что дверь должна всегда оставаться открытой и для других, когда они будут готовы присоединиться.

На этом отныне построен порядок принятия решений в АСЕАН по экономическим вопросам. Каждая страна ангажируется в соответствии со своими возможностями. При рассмотрении вопросов прилагаются все усилия для достижения консенсуса. Но если он окажется невозможным, то действует не воля большинства, а принцип “10 минус X”, что дает возможность воздержаться от принятия невыполнимых обязательств. По всем другим вопросам остался обязательным принцип консультаций и консенсуса.

По сравнению с ЕС странам АСЕАН предстоит еще долгий путь интеграции, но у них уже нет выбора. Эти страны интегрируются чтобы выжить. Китай и Индия изменили весь политический ландшафт и всю динамику развития в Азии. На них обращено все внимание ТНК и инвесторов в экономически развитых странах. Чтобы оставаться в игре, АСЕАН должна была принять решительные меры дабы отстоять свою долю иностранных инвестиций. Насколько успешными они окажутся, покажет время.

Выступая с лекцией в связи с 40-летием АСЕАН 8 августа 2007 г., директор сингапурского Института Юго-Восточной Азии профессор К. Кесавапани, подчеркивал, что “если интеграция АСЕАН будет стагнировать, в то время как другие страны Азии пойдут вперед, мы будем оставлены далеко позади, и с нами вообще перестанут считаться”².

Необходимость интеграции признают все страны АСЕАН, но у каждой свои приоритеты. Самые бедные озабочены сокращением разрыва в уровне развития, другие — внутренними проблемами. Третьи не хотят стоять на месте, когда все вокруг так быстро меняется. Некоторые из стран АСЕАН, например, уже созрели для создания двусторонних зон свободной торговли с такими странами, как США, Канада, Япония и решили делать это, не дожидаясь всех остальных.

Подписанная в Сингапуре Хартия выражает общую политическую волю государств-членов сделать АСЕАН более сильной и сплоченной организацией, в которой уважаются обязательства и соблюдаются принятые правила. Она еще подлежит ратификации парламентами, которая должна завершиться к следующему саммиту в Бангкоке в ноябре 2008 г. При всех возможных затруднениях в отдельных странах большинство наблюдателей не сомневаются в успешном завершении этого процесса.

На пути к сообществу АСЕАН

АСЕАН создавалась не без учета 60-летнего опыта европейской интеграции, но это — не копия ЕС. В ней нет никаких наднациональных органов — ни законодательных, ни исполнительных. Но это не мешает АСЕАН быть одним из успешных примеров региональной интеграции государств, строящих свое сообщество в трех взаимосвязанных областях: безопасность, экономика и социально-культурное сотрудничество.

Сообщество безопасности АСЕАН стало возможным не в последнюю очередь благодаря решительной деидеологизации и обновлению всей внутренней и внешней политики Социалистической Республики Вьетнам, принятой в АСЕАН в 1995 г. и постепенно завоевавшей там высокий авторитет и влияние, подкрепленное внушительными успехами в развитии экономики.

Все члены АСЕАН обязались полагаться только на мирные средства в решении любых региональных разногласий и рассматривать собственную безопасность как неразрывно связанную с безопасностью своих соседей, географическим положением, общим пониманием ситуации и целей. В АСЕАН это называется “взаимозависимостью безопасности”.

Кроме Договора о дружбе и сотрудничестве 1976 г. сообщество безопасности АСЕАН юридически базируется и на таких основах, как Договор 1997 г. о безъядерной зоне в ЮВА и, что особенно важно, на подписанной в Маниле “Декларации АСЕАН о поведении сторон в Южно-Китайском море”, установившей определенный кодекс поведения государств (прежде всего, неприменение силы и невмешательство других стран) при разрешении споров относительно суверенитета на островные территории в данном регионе. Особенно важно то, что после долгих и трудных переговоров к этим обязательствам через 10 лет присоединился Китай.

Политически АСЕАН — это не только 10 государств-членов, охватывающих всю ЮВА и живущих в мире друг с другом. Через широкую систему форумов, особенно таких, как Региональный форум АСЕАН (ARF), АСЕАН+3 (КНР,

РК, Япония), Восточно-Азиатский саммит (EAS) и другие, эти страны тесно связаны с основными державами мира и поддерживают с ними постоянно действующий диалог. При этом сами государства АСЕАН все чаще выступают с единых, заранее согласованных позиций. Это происходит в ООН, ВТО, АТЭС и в других международных организациях. Однако и в АСЕАН случаются серьезные разногласия и даже конфликтные ситуации. К примеру, страны-члены Ассоциации по-разному отнеслись к интервенции США в Ираке: Малайзия и Индонезия выступили резко против, а Филиппины — за.

Главной площадкой обсуждения политических проблем международной и региональной безопасности в этой системе является созданный в 1994 г. постоянно действующий Региональный форум АСЕАН (ARF). Перед ним поставлены три задачи: укрепление доверия, развитие превентивной дипломатии, выработка подходов к решению конфликтов. Сейчас в него входят 24 страны и ЕС. Иногда этот форум именуют “азиатской мини-ООН”. Но АСЕАН никогда не претендовала на подмену ООН. Она имеет в ней статус наблюдателя и неизменно выступает за укрепление и повышение роли ООН в решении глобальных проблем и различных конфликтных ситуаций. Так было, например, с урегулированием конфликта в Камбодже, затем в истории с предоставлением независимости Восточному Тимору, а в последнее время в связи с политическим кризисом военного режима в Мьянме. Каждый раз, оказывая поддержку политическим методам решения проблемы, АСЕАН удавалось избегать прямого вмешательства во внутренние дела государств-членов.

Принято считать, что в ЮВА доминируют три главные угрозы безопасности: сепаратизм, экстремизм и терроризм. Постоянно уделяя внимание традиционным вопросам региональной и международной безопасности, Региональный форум АСЕАН в последние годы все чаще рассматривает также проблемы, связанные с новыми вызовами и угрозами т.н. “человеческой безопасности” (human security). Одна из главнейших забот — предупреждение о стихийных бедствиях и взаимопомощь в ликвидации их последствий. Цунами 26 декабря 2004 г. привело к потере четверти миллиона жизней. К этому надо добавить землетрясения, пандемию птичьего гриппа (SARS), СПИД, случаи “атипичной пневмонии” и др.

В плане борьбы с международным терроризмом территория ЮВА после ударов по режиму талибов в Афганистане рассматривается сегодня как одна из возможных зон укрытия и активности террористических групп. Пока о существующих террористических сетях в ЮВА известно мало. Основной объект их акций — собственные правительства и местные власти. Главные очаги терроризма находятся в Индонезии, но он давно взят на вооружение мусульманскими сепаратистами в южных районах Филиппин и все больше распространяется на юге Таиланда.

В январе 2007 г. в Маниле страны АСЕАН подписали собственную конвенцию по противодействию терроризму, которая предусматривает тесное сотрудничество и взаимодействие, разведывательных и правоохранительных органов. В АСЕАН регулярно проходят встречи министров обороны и высокопоставленных военных. Они выработали свою программу сотрудничества в области безопасности, которая явно выходит за рамки обычных мер доверия. Речь в ней идет, главным образом, об установлении системы оповещения о пиратских нападениях, регулярном обмене информацией, совместных учениях и подготовке кадров.

Ежегодно проводятся совместные учения ВВС и ВМС по противодействию актам терроризма и морского пиратства. Существенную помощь в сфере во-

енного сотрудничества страны АСЕАН получают от США, Японии, Китая, Индии и других стран- партнеров по Региональному форуму.

И все-таки самой трудной проблемой региональной безопасности в последние годы является проблема Парасельских островов и архипелага Спратли, на которые кроме Китая претендуют Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней и Тайвань. Значимость ее особенно возросла в связи с предполагаемым наличием здесь крупных запасов нефти и газа.³

С некоторых пор стало складываться впечатление, что китайское руководство решило действовать по известной формуле Дэн Сяопина: раз не удастся разрешить спор сейчас, то следует отложить его на будущее и заняться совместными исследованиями и постепенным освоением островов. Но в конце 2007 г. ситуация вновь обострилась.

Госсовет КНР неожиданно учредил администрацию нового уездного города Санша на острове Хайнань, которой поручалось управление тремя архипелагами, включая Спратли и Парасельские острова. На последовавшей затем пресс-конференции представитель МИД КНР вновь заявил о “неоспоримом суверенитете” над ними Китая. Ответ Вьетнама не заставил себя ждать, и вскоре перед посольством КНР в Ханое и перед консульством в Хошимине состоялись манифестации протестующих студентов, что во Вьетнаме бывает крайне редко.

Эти и подобные им события, которые пока не выходят из-под контроля властей, говорят о том, что ситуация “отложенного спора” больше не устраивает Китай, и это не предвещает скорого решения проблемы. Заинтересованные страны АСЕАН давно пытаются начать переговоры с Китаем о мерах контроля за выполнением Декларации 2002 г. Китайская дипломатия уклоняется, предпочитая двусторонний формат таких переговоров. Их оппонентам, естественно, легче отстаивать согласованные позиции в формате АСЕАН+1. Китай же показывает, что по-прежнему сохраняет свободу рук для решения проблем энергетической безопасности с помощью таких средств, которые считает для себя приемлемыми.

Создание экономического сообщества АСЕАН — конечная цель всех принимаемых мер по экономической интеграции. Рыночная экономическая интеграция через торговлю и инвестиции остается главной движущей силой экономического роста АСЕАН за прошедшие 40 лет.

Экономически АСЕАН представляет собой комбинированный рынок с населением более 550 млн чел., общей территорией 4,5 млн кв. км и совокупным ВВП (2006 г.) более 1 трлн долл. (третий в Азии) при средних темпах экономического роста в 6% ежегодно. Объем внешней торговли АСЕАН достиг 1,4 трлн долл.⁴

Экономическое интегрирование стран АСЕАН осложняется тем, что разрыв между ними в уровнях развития слишком велик. Подушный валовый доход в Камбодже едва превышает 500 долл., тогда как в Сингапуре он равен почти 30 тыс. долл. Национальная структура производства и экспорта этих стран не столько дополняют друг друга, сколько конкурируют между собой. Объем внутрирегиональной торговли уже многие годы не превышает 20—25% их торгового оборота. Однако она имеет две исключительные особенности: особую роль крупнейших корпораций Японии и этнические сетевые бизнес-структуры Китая, которые опоясывают весь регион. В этой связи показатели формальной интеграции, выраженные цифрами статистики, не отражают фактической интеграции регионального экономического пространства.

В ноябре 2007 г. на саммите в Сингапуре кроме Хартии лидеры АСЕАН подписали еще один основополагающий документ — План создания Экономиче-

ского сообщества АСЕАН к 2015 г. и график мероприятий к нему. Этот план определяет приоритеты и те меры, которые должны быть приняты для превращения АСЕАН к указанному периоду в регион свободного движения товаров, услуг, инвестиций, квалифицированной рабочей силы и капиталов по образцу ЕЭС.

Первая шестерка стран АСЕАН завершила создание Зоны свободной торговли (АФТА) в 2006 г. Ставки тарифов для 98,46% товаров были включены в “преференциальный список”, и 99,77% из них облагались пошлиной 0,5% цены. Более поздние члены АСЕАН (Вьетнам, Лаос и др.) тоже снизили до минимума тарифы на 81% товаров из этого списка⁵. По принятому плану, все таможенные тарифы внутри АСЕАН ликвидируются (за исключением ограниченного списка “особо чувствительных” товаров) в 2010 г. для шести государств и в 2015—2018 гг. для всех остальных.

Кроме отмены пошлин план предусматривает гармонизацию национальных стандартов, взаимное признание сертификатов качества, а также возможность полной отмены других видов нетарифных барьеров. Предполагается также унифицировать и облегчить таможенные процедуры по принципу “одного окна”, либерализовать рынок услуг и перевод капиталов. Первостепенное внимание будет уделено развитию инфраструктуры. В частности намечено завершить строительство железной дороги Сингапур-Кунмин (Китай) и сети автомагистралей АСЕАН. Но ключевой темой дискуссий на саммитах АСЕАН в последние годы остается проблема энергетической безопасности. В этой области решено принять меры для внедрения энергосберегающих технологий, использования альтернативных (биологических) энергоресурсов, а также построить транс-АСЕАНовский газопровод и разработать проект создания единой энергетической системы. При этом ряд стран уже имеют проекты строительства АЭС.

Стороны договорились усилить интеграцию в таких приоритетных секторах, как воздушный транспорт, агропромышленный комплекс, автомобилестроение, логистика, электроника, рыболовство, деревообработка, резинотехническая, текстильная и швейная промышленность, здравоохранение, туризм и торговля по интернету. К этому следует добавить принятую ранее “дорожную карту” дальнейшей финансовой и валютной интеграции в четырех сферах: рынок капиталов; развитие региональной системы конвертации национальных валют, либерализация финансовых услуг и валютного сотрудничества. До 2010 г. все страны АСЕАН должны заключить соглашения об избежании двойного налогообложения.

Одновременно АСЕАН втягивается в серию двусторонних соглашений по созданию зон свободной торговли с другими партнерами. В Сингапуре были подписаны соглашения о создании таких зон с Южной Кореей в 2009 г., Китаем — в 2010 г., Индией — в 2011 г. и с Японией в 2012 г. Продолжаются переговоры на эту тему с ЕС, США, Австралией и Новой Зеландией.

Создание социально-культурного сообщества АСЕАН занимает все более важное место в процессе региональной интеграции. Планы создания экономического сообщества и зоны мира и безопасности тесно увязаны с социально-культурными программами. Они как бы воплощают заявленное стремление стран АСЕАН к повышению качества жизни своих народов и укреплению их культурной идентичности. В этой связи в рамках Ассоциации проходят многочисленные фестивали, соревнования, конкурсы, семинары и другие форумы специалистов в самых разных областях. Особое значение придается контактам общественных и по-

литических деятелей, ученых, деятелей культуры и особенно молодежи, что должно постоянно поддерживать среди населения чувство единения.

Не случайно в политическом лексиконе стран региона появилось понятие “просвещенного регионализма”. Им не без оснований считается практика АСЕАН. Там научились извлекать пользу не только из сотрудничества правительств и бизнеса, но и из сближения народов. Недавно создана и активно работает Межпарламентская ассамблея АСЕАН. Внимание к неправительственным организациям также велико, и на их форумы и публикации спонсоры явно не жалеют средств, как и на многочисленные научно-исследовательские центры, изучающие все процессы в ЮВА и АТР.

Средства массовой информации АСЕАН активно популяризируют идею о том, что усилия властей и общественности должны быть направлены на формирование сообщества государств, связанных не только общими интересами, но и общими ценностями. Принятая в Сингапуре Хартия провозглашает важнейшей задачей АСЕАН “избавление от образа элитарной организации, в которой участвуют одни дипломаты и высшие государственные чиновники”. И это не просто риторика, а реальный опыт, которым не стоило бы пренебрегать в решении подобных проблем в нашем собственном окружении, будь то СНГ, ОДКБ или Шанхайская организация сотрудничества.

АСЕАН и партнеры

Сингапурский саммит, как обычно, завершился серией встреч с партнерами по диалогу в формате АСЕАН+3, АСЕАН+1 и третьим Восточно-Азиатским саммитом. Все они вписываются в сложившийся курс борьбы этой коалиции за свое место в мире. Для этого АСЕАН создает более широкие региональные или межрегиональные структуры сотрудничества на основе принципа концентрических кругов. Логика здесь такова: наращивая интеграционные усилия по сотрудничеству внутри АСЕАН, эта группа стран может эффективно вступать в более широкие региональные объединения (например, Восточно-Азиатское сообщество) а те, в свою очередь, могут содействовать продвижению интересов АСЕАН в АТР и на глобальном многостороннем уровне.

В Сингапуре отмечалось 10-летие сотрудничества в формате АСЕАН+3. В 1997 г. Япония, Китай и Южная Корея помогли АСЕАН выстоять под ударом жестокого кризиса. Отношения с каждой из трех стран имеют особое значение для членов АСЕАН и ценны сами по себе, но их совместное подключение к интеграционным процессам в АСЕАН дало этим отношениям новый мощный импульс. В рамках АСЕАН+3 действует около 50 организаций, координирующих сотрудничество в 16 различных областях. Товарооборот превышает 300 млрд долл. США.

АСЕАН де-факто позиционирует себя как двигатель интеграции во всей Восточной Азии. Активно разрабатывается “План всеобъемлющего экономического партнерства” с целью создания Восточно-Азиатского сообщества (ВАС). Проект, рассчитанный на 10 лет, будет рассмотрен уже на саммите 2008 г. в Бангкоке. Речь при этом идет о выработке далеко идущего “паназиатского видения” региональной интеграции.

Хотя создание ВАС пока рассматривается как проект отдаленного будущего — слишком уж велики различия между его участниками, среди которых к

тому же разворачивается борьба за лидерство, но уже на данном этапе возникает вопрос о месте России в этом процессе.

Формально мы имеем довольно длительную историю дружественных отношений с АСЕАН. Однако российская дипломатия в 1990-е гг. не уделяла должного внимания этому направлению. Переломным событием стал первый саммит Россия — АСЕАН в Куала-Лумпуре в декабре 2005 г. с участием Президента РФ В.В. Путина. Наиболее успешно продвигалось с тех пор политическое сотрудничество на двустороннем и многостороннем уровнях. В экономической сфере по многим объективным и субъективным причинам этого не произошло. Товарооборот с государствами АСЕАН в 2006 г. составил всего 4,4 млрд долл. США, т.е. 0,3%⁶. Еще хуже дело обстоит с инвестициями. Серьезные экономические предпосылки для полновесного участия России в процессах интеграции в Восточной Азии, как и в АТР в целом, как ожидается, должны быть созданы выполнением целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 г. Разумной альтернативы нет ни для нас, ни для наших партнеров. Этому во многом благоприятствует то обстоятельство, что в общественном мнении большинства стран АСЕАН доминирует благожелательное отношение и доверие к России в отличие от сохраняющихся сомнений и даже подозрений в отношении истинных намерений Японии, США, Китая и других важнейших игроков в регионе.

-
1. www.ASEANsec.org // Charter.
 2. www.ASEANsec.org.
 3. См. подробнее: Степанов Е. Южно-Китайское море: острова на материковой отмели // ПДВ. 2006, № 2.
 4. www.ASEANsec.org/Stat/Tabl 5, 6, 17.
 5. Japan Center for International Exchanges/ Symposium on Okinawa. — www.JCIE.com.jp/.
 6. Моск. новости. 2007. 20 февр.

Перемены на Корейском полуострове: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

© 2008

А. Жебин, Ким Ен Ун

1. Ядерная проблема: надежды и разочарования

Главным достижением 2007 г. в урегулировании ядерной проблемы на Корейском полуострове, судя по высказываниям как участников шестисторонних переговоров по этому вопросу, так и большинства экспертов, стало замораживание, а затем и начавшийся вывод из рабочего состояния основных объектов плутониевой ядерной программы КНДР — построенных северокорейцами в атомном центре в Ёнбене газографитового реактора мощностью 5 МВт и двух предприятий: первое, которое часто называют радиохимической лабораторией, занималось переработкой отработанного, а второе — производством нового ядерного топлива.

Согласно совместному документу, согласованному 27–30 сентября 2007 г. по итогам второго заседания шестого раунда шестисторонних переговоров в Пекине, указанные работы должны были быть завершены к 31 декабря 2007 г. К этому же сроку КНДР пообещала предоставить полную и достоверную информацию обо всех своих ядерных программах в соответствии с договоренностью от 13 февраля 2007 г.¹

Некоторые политики и обозреватели поспешили охарактеризовать достигнутые в 2007 г. договоренности и практические шаги по их реализации как "прорыв". Однако события последних месяцев дают основания для более сдержанных оценок как времени, которое, вероятно, потребуется для достижения заявленной цели — денуклеаризации Корейского полуострова, так и самой возможности решения этой сложной, многоплановой задачи.

Позитивные подвижки в разрешении сложившейся ситуации, безусловно, появились. Помимо упомянутых выше, к ним можно отнести возобновление в 2007 г. контактов КНДР с МАГАТЭ и налаживание устойчивого двустороннего диалога между двумя главными спорщиками по ядерной проблеме — США и КНДР.

В то же время обозначились такие направления, на которых продвижение оказалось практически невозможным. Это касается прежде всего отношений между КНДР и Японией, нормализация которых должна стать составной частью общего урегулирования. На протяжении всего 2007 г. Токио пы-

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН.

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

тался поставить шестисторонние переговоры в зависимость от раздутого сверх всякой меры вопроса о японцах, похищенных спецслужбами КНДР в 70-80-х годах прошлого столетия.

Впрочем, далеко не однозначно развивались и события по основной, так сказать, сюжетной линии — между США и КНДР. Позитивный импульс, который придали переговорному процессу договоренности 13 февраля, оказался практически утраченным в результате трудностей с возвратом Пхеньяну около 25 млн долл., находившихся в банке “Delta Asia” в Макао и замороженных с подачи США в сентябре 2005 г. властями этой управляемой Китаем территории.

Головоломки, которые пришлось решать участникам переговоров в поисках приемлемого варианта возобновления доступа КНДР к этим деньгам (о связи этого вопроса с “шестисторонкой” США сначала не хотели и слышать), показали, насколько сложным, многоплановым и зачастую малопредсказуемым может оказаться процесс урегулирования ядерной проблемы. Устранение этого, казавшегося незначительным препятствия, заняло вчетверо больше времени, чем ожидалось, и стало возможным только благодаря кропотливым усилиям России.

Весьма показательны и сами итоги урегулирования банковского конфликта. То, что первоначально выглядело как уступка американцев и победа северокорейцев, настоявших на возврате средств в качестве условия продолжения переговоров, на деле обернулось для Пхеньяна еще большей изоляцией от международной финансовой системы. США послали мировому банковскому сообществу недвусмысленный сигнал: не подвергайте себя риску, ведя дела с северокорейцами, чтобы однажды не оказаться на месте злополучного банка из Макао.

Будучи пока вынужденными отказаться от этого рычага давления на Пхеньян, американцы тут же постарались обзавестись новыми, придерживая часть из них про запас. В марте 2007 г. под нажимом США оказалась парализованной деятельность представительства Программы развития ООН в Пхеньяне, помощь которой КНДР в реализации ряда инфраструктурных проектов и без того была более чем скромной².

На протяжении всего года американцы, публично ратующие за реформы и открытость КНДР и ее интеграцию в мировое сообщество, на практике делали все, чтобы этому помешать: отказались, вопреки настойчивым просьбам своего союзника — Сеула, включить товары, производимые в Кэсонской промзоне, в соглашение о свободной торговле, заключенное летом 2007 г. между США и РК, и вновь (вместе с японцами) заблокировали участие представителей КНДР (даже в качестве наблюдателей) в сессиях Всемирного банка и Азиатского банка развития.

Налаживание прямого американско-северокорейского диалога, формально идущего в рамках “шестисторонки”, наряду с известным продвижением вперед, породило ряд проблем для остальных участников этих переговоров.

Начиная со встречи глав делегаций США и КНДР на шестисторонних переговорах К. Хилла и Ким Ге Гвана в январе 2007 г. в Берлине получилось так, что главные решения стали приниматься в Вашингтоне и Пхеньяне, а остальные участники переговоров узнавали о них постфактум. Их роль фактически свелась к одобрению уже достигнутых США и КНДР договоренностей, а также принятию на себя значительной доли политической и особенно финансовой ответственности, которую, при двустороннем способе урегулирования, целиком должны были бы нести США³. И это явно не устраивает остальных участников переговоров.

Договоренности 2007 г. оставили без ответа ряд ключевых проблем, которые, если их решение не будет найдено, способны пустить под откос весь переговорный процесс. Это касается количества и типа имеющихся у КНДР ядерных зарядов, запасов накопленного оружейного плутония, который может быть использован для создания новых боеприпасов, а также наличия в КНДР программы обогащения урана.

Однако самым сложным оказалось, как и предвидел еще два года тому назад в этом журнале один из авторов данной статьи, “определение того, кто, в каком объеме и, главное, когда должен делать на каждом этапе движения к согласованной цели — денуклеаризации Корейского полуострова”⁴. Дело в том, что воспользовавшись закрытым характером двусторонних контактов, американцы фактически вернулись к попыткам навязать Пхеньяну свою излюбленную формулу CVID — полного необратимого и проверяемого демонтажа их ядерной программы до того, как сами США пойдут на какие-либо значимые шаги по нормализации отношений с КНДР.

В начале января 2008 г. северокорейцы официально заявили о том, что КНДР якобы предоставила США доказательства отсутствия у нее производства по обогащению урана. Но американцев, судя по высказываниям К. Хилла, эти данные не удовлетворили, и они продолжают настаивать на том, чтобы северокорейцы поделились с ними “полными и достоверными” сведениями о всех своих ядерных программах⁵.

К этому моменту часть экономических обязательств остальных участников переговоров (кроме Японии, отказавшейся что либо делать до решения проблемы “похищенных”) перед КНДР по соглашениям 2007 г. была выполнена. Республика Корея, КНР, США, а затем и Россия (поставки завершены в январе 2008 г.) направили в КНДР по 50 тыс. т жидкого топлива (всего 200 тыс. т) из запланированных 500 тыс. т. Еще полмиллиона тонн (всего обещан миллион) заменены эквивалентными по стоимости поставками энергетического оборудования для имеющихся в КНДР электростанций и других товаров.

В Пхеньяне эти шаги были сочтены недостаточными. В заявлении представителя МИД КНДР от 4 января 2008 г. партнерам Пхеньяна по “шестисторонке” было указано на систематические задержки с выполнением их обязательств перед КНДР и сделан вывод о том, что последняя опережает их в этом отношении⁶.

Северокорейцы также отвергли подозрения американцев в наличии у них второй, параллельной плутониевой, программы создания ядерного оружия путем обогащения урана. Они также отклонили как “вымысел” появившиеся после налета израильской авиации на, как утверждали в США, сирийский ядерный объект, сообщения о их сотрудничестве в ядерной области с Сирией⁷.

Но главной претензией Пхеньяна стало, похоже, невыполнение Вашингтоном своих обещаний по удалению КНДР из списков стран-спонсоров международного терроризма, а также государств, подпадающих под закон о торговле с врагами (в последнем она оказалась еще в период Корейской войны 1950–1953 гг.)⁸.

Подчеркнем, что все вышеперечисленные проблемы намечено решить в 2008 г., когда состоятся президентские выборы в США. Поэтому, учитывая критику нынешней “примиренческой” тактики администрации Дж. Буша в отношении КНДР как со стороны неоконсерваторов, так и некоторых влиятельных демократов (последним не нравится отсутствие в повестке дня вопроса о правах

человека в КНДР), возникают серьезные сомнения относительно наличия у внешней администрации США достаточных политических ресурсов и времени, чтобы удовлетворить требования КНДР, в первую очередь в области обеспечения безопасности и улучшения отношений с этой страной.

Между тем США всячески уходят от конкретных шагов в этом направлении, пытаясь подменить их эффектными, но вряд ли устраивающими КНДР акциями, вроде отправки Бушем Ким Чен Иру писем и даже целого оркестра, первую скрипку в котором играл, похоже, целый десант отставных американских политиков во главе с бывшим министром обороны У. Перри.

Так что у КНДР практически нет стимулов для дальнейших шагов по денуклеаризации. Ведь даже полное удовлетворение требований США по нераспространенческой проблематике не позволяют Пхеньяну достичь главной цели, ради которой он пошел на переговоры — нормализации отношений с США.

Поведение северокорейской стороны дает основания заключить, что делаемый США и их союзниками акцент на экономических выгодах, которые якобы получит КНДР, при выполнении договоренностей 13 февраля, представляется неоправданным. Более того, такой подход уводит от сути проблемы. Для Пхеньяна экономические выгоды не являются решающим аргументом. Еще в 2004 г. Сеул предлагал ему поставки электроэнергии в объемах, которые должны были вырабатывать так и не построенные КЕДО в КНДР два реактора на легкой воде. Северокорейцы не согласились.

Не отрицая важности экономических аспектов решения ядерной проблемы, не стоит упускать из виду, что она порождена, прежде всего, кризисом безопасности на Корейском полуострове, а не экономической ситуацией в КНДР. Превращение ее международную стало следствием, может быть, не вполне адекватной по западным меркам, но вполне укладывающейся в северокорейское восприятие мира конца 1980-х—начала 1990-х гг. реакции КНДР на односторонние силовые действия США с целью смены неугодных им режимов⁹.

После распада СССР и нападения США и их союзников на Югославию и Ирак, что не смогли предотвратить ни протесты отдельных стран, ни международные институты, ядерный выбор стал рассматриваться в Пхеньяне не только как единственно надежное средство обеспечения безопасности, но и как “последний аргумент”, должный заставить США стать на путь нормализации отношений с КНДР. Такая нормализация должна была, по замыслу Пхеньяна, не только снять угрозу вторжения, но и открыть доступ к западным капиталам и технологиям для модернизации экономики, лишившейся подпитки из СССР.

Между тем в Вашингтоне заявляют, что для этого Пхеньяну надо не только избавиться от своих ядерных программ, но и удовлетворить американские претензии по поводу прав человека в КНДР, ее ракетной программы, сокращения обычных вооружений, ликвидации запасов химического и бактериологического оружия, а также ряда других вопросов.

Такая тактика Вашингтона заставляет более пристально взглянуть и на некоторые другие, якобы “позитивные” подвижки в американской позиции, появившиеся в 2007 г.

Наибольшее внимание привлекли озвученные в феврале-марте 2007 г. новые оценки США степени продвинутости второй, “нелегальной” программы получения исходных материалов для ядерного оружия путем обогащения урана, которую якобы осуществляла КНДР. Именно обвинения в наличии такой про-

граммы привели в 2002 г. к началу нынешнего кризиса ядерной безопасности на Корейском полуострове.

Глава американской делегации на шестисторонних переговорах К. Хилл и возглавляющий северокорейское направление в американском разведывательном сообществе Дж. Детрани на слушаниях в конгрессе признали, что никаких фактов, подтверждающих прогнозы 2002 г., с тех пор так и не появилось, и что они не могут с уверенностью сообщить, на какой стадии находится эта программа и существует ли она вообще¹⁰.

Некоторые эксперты предположили, что это — упреждающая попытка американского разведывательного сообщества “спасти лицо”, если инспектора МАГАТЭ, которые должны были вернуться в страну согласно договоренностям от 13 февраля, не обнаружат в КНДР пресловутой урановой программы.

Представляется, что дело совсем в другом. “Внезапные” сомнения американцев (есть ли это производство и где оно находится) на практике, вероятнее всего, трансформируются в требования хорошенько его поискать. Тем самым США заранее подводят основу под свои обсуждаемые пока на экспертном уровне требования, по словам пожелавшего остаться неназванным чиновника администрации Дж.Буша, о “проктологическом” обследовании всех интересующих их объектов, прежде всего подземных, на территории КНДР. Ведь карты Пентагона на этот счет удручающе неполны. А именно это обстоятельство, по признанию авторитетного в военных кругах журнала “Атлантик мансли”, остается одним из главных препятствий (с военно-технической стороны дела) для силового решения “северокорейской проблемы”.

Так, аналитики американского “Фонда наследия” считают, что режим инспекций в КНДР должен сочетать механизмы проверок, применявшихся в трех широко известных договорах: о сокращении стратегических вооружений (START-1), о ликвидации ракет средней дальности и, наконец, об обычных вооруженных силах в Европе. Инспектора должны получить право доступа не только на задекларированные Пхеньяном, но и на любые другие объекты, которые они посчитают необходимыми осмотреть на территории КНДР. Предусматриваются также внезапные инспекции, предоставление северокорейской стороной самых различных данных об объектах, включая их географические координаты, использование специального оборудования и т.п.¹¹

Причем такие проверки предполагается начать еще до нормализации американо-северокорейских отношений, которую в Вашингтоне отодвигают на неопределенное будущее. В случае же отказа северокорейцев согласиться на такие вот повальные обыски, на них планируется возложить всю вину за очередной “провал дипломатии”.

В целом оценивая произошедший в начале 2007 г. вроде бы крутой поворот США к поискам решения ядерной проблемы путем переговоров, надо не забывать, что указанные подвижки стали не результатом переосмысления администрацией Дж. Буша своих односторонних, силовых подходов к решению международных проблем, а были буквально навязаны ей стечением ряда неблагоприятных для республиканцев внутри- и внешнеполитических факторов.

Среди первых — поражение на выборах в конгресс осенью 2006 г. и нарастающая критика потерь в Ираке. Ко вторым относятся тупиковая ситуация в Ираке и Афганистане и невозможность в связи с этим выделить силы на такое же “распространение демократии” на Северную Корею.

Практически незамеченным остался еще один фактор — ракетные и ядерные испытания 2006 г. в КНДР. Несмотря на весь скептицизм, высказывавшийся по поводу эффективности этих акций, они имели два далеко идущих последствия. Во-первых, уровень рисков в случае силовых мер против КНДР поднялся до практически неприемлемого.

Во-вторых, что еще более важно, в США всерьез забеспокоились, что вызванная действиями КНДР и принявшая беспрецедентные за весь послевоенный период масштабы дискуссия в Японии о целесообразности “ядерного выбора” может выйти из-под контроля. Такой исход стал бы особенно вероятным в случае проведения новых испытаний в КНДР. Ядерное вооружение Японии на практике автоматически привело к тому же Южную Корею. Обе страны, обзаведясь ядерным оружием, вряд ли стали бы далее терпеть на своей территории американские войска, уход которых привел бы к краху всю стратегию США в регионе.

Явная неготовность США пойти на полноценную нормализацию отношений с КНДР порождает серьезные подозрения насчет того, заинтересованы ли США в полном исчезновении “северокорейской проблемы” по геополитическим соображениям.

В этой связи обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. К. Хилл уверяет всех, что решение ядерной проблемы не за горами, а это, в конечном итоге, вроде бы должно снять т.н. “северокорейскую угрозу”. Тем временем США в ходе контактов с российскими и китайскими представителями упорно продолжают мотивировать свои планы создания ПРО в Европе и в США наличием этой угрозы, хотя и признают, что реальной она может стать лишь через несколько лет.

Похоже, что никакая нормализация отношений с КНДР не планируется даже в среднесрочной перспективе, а не то что до конца президентского срока Дж. Буша. Не планируется по гораздо более глубоким и серьезным геополитическим соображениям — американцам нужен “плохой парень” в регионе для оправдания блоковых комбинаций и перегруппировки сил с целью сдерживания набирающих силу Китая, да и России тоже.

В таких обстоятельствах навязать КНДР “ливийскую модель” решения проблемы вряд ли удастся. Декларируя свою приверженность уже принятым на себя обязательствам (документы 19 сентября 2005 г., 13 февраля и 3 октября 2007 г.) Пхеньян все жестче стал соизмерять свои шаги по их реализации со встречными шагами США и других участников переговоров. На деле же КНДР все явственнее проводит курс, призванный вынудить ее партнеров по “шестерке” де-факто смириться с “индийской моделью” урегулирования ядерной проблемы в Корее, хотя и в более жесткой (для КНДР) ее версии: (сохранение имеющегося у Пхеньяна ядерного оружия при согласии КНДР на ликвидацию заявленных возможностей его количественного наращивания).

С учетом как указанной позиции КНДР, так и внутривосточных факторов, ограничивающих поле возможных уступок США северокорейцам, администрация Дж. Буша похоже, не прочь, на худой конец, попытаться “продать” мировому сообществу как свой дипломатический успех выполнение Северной Кореей трех следующих условий: отказ от наращивания военного ядерного потенциала (прекращение производства оружейного плутония и урана); приостановка работ по его совершенствованию (отказ от новых испытаний); обязательство не экспортировать ядерное оружие и технологии его создания.

К началу 2008 г. стало ясно, что предпринимавшиеся США и КНДР в течение всего 2007 г. попытки разрешить такой сложнейший вопрос, как корейский, как говорится, в прямом поединке, мало (если вообще) считаясь при этом и с интересами других участников переговорного процесса, и с уже достигнутыми при их участии договоренностями — малопродуктивны. Не случайно в феврале 2008 г. госсекретарю США К. Райс вновь пришлось отправиться в вояж по столицам других стран-участниц переговоров в надежде сдвинуть их с мертвой точки. Дипломаты намекают, что ведущиеся интенсивные и не всегда афишируемые контакты позволят сделать новый шаг вперед. Но похоже, что без решений иного уровня, политических, здесь не обойтись. Пока же, несмотря на весь достигнутый прогресс, конечный результат переговоров предсказать становится все более затруднительным.

2. Межкорейские отношения: от саммита к саммиту

Прогресс на шестисторонних переговорах по денуклеаризации Корейского полуострова, определенная разрядка в северокорейско-американских отношениях создала более благоприятные условия для активизации политики “вовлечения” КНДР, унаследованной президентом РК Но Му Хеном от предыдущей администрации Ким Дэ Чжуна. Эта задача стала тем более актуальной из-за заметного падения популярности администрации Но Му Хена внутри страны.

В этой ситуации президент РК принял решение пойти на проведение второго межкорейского саммита в Пхеньяне. Первоначально он планировался на конец августа, однако был перенесен и состоялся 2–4 октября 2007 г. В самом согласии на проведение саммита опять в Пхеньяне, а не в Сеуле, куда Ким Чен Ир обещал приехать еще Ким Дэ Чжуну в 2000 г., и тем более в его переносе поближе к дате президентских выборов в РК (19 декабря 2007 г.) многие южнокорейские политики и наблюдатели увидели попытку президента и правящего лагеря в целом повысить шансы своего кандидата на предстоящих выборах.

КНДР дала согласие на такую встречу не только из-за ужасающих последствий стихийных бедствий, как утверждают очевидцы, самых разрушительных за последние 40 лет, но и с учетом ряда факторов межкорейского и международного плана.

Во-первых, в Пхеньяне сочли необходимым оказать содействие кандидату правящего лагеря Чон Дон Ену в президентской гонке, во-вторых, поставить, в случае прихода к власти, кандидата от главной оппозиционной Партии великой страны (ПВС) Ли Мен Бака перед необходимостью соблюдать, либо взять на себя ответственность за нарушение договоренностей, достигнутых на высшем уровне. Таким образом, в Пхеньяне рассчитывали максимально ограничить свободу маневра президента от оппозиции в случае его прихода к власти.

Начало переговоров оказалось очень непростым. Но Му Хен после первого раунда встречи с Ким Чен Иром 3 октября сказал своим помощникам, что пора собирать чемоданы и возвращаться в Сеул с пустыми руками. Однако лидеры Севера и Юга нашли общие подходы и согласовали основной документ встречи, который содержит широкомасштабную программу сотрудничества из восьми пунктов.

“Декларация о развитии отношений между Севером и Югом, мире и процветании”, подписанная 4 октября 2007 г., получилась гораздо более широкой и по охвату проблем и практической по предлагаемым решениям¹². Если Совместная

декларация, подписанная Ким Чен Иром и Ким Дэ Чжуном в 2000 г. представляла собой в известной степени протокол о намерениях двух корейских государств, то документ второго саммита содержит конкретные направления взаимодействия и обязательства сторон.

Север и Юг договорились о продолжении работы над объединением страны на основе принципов, сформулированных в Совместной декларации 15 июня 2000 г., подтвердили готовность придерживаться при этом принципа “ури мин-чжок кири”, т.е. достижения объединения силами самих корейцев. Они взяли обязательства “внести перемены в межкорейские отношения и превратить их в отношения взаимного уважения и доверия, встав выше различий в идеологии и системах”, отказаться от вмешательства во внутренние дела друг друга, решать вопросы в двухсторонних отношениях в духе “примирения, сотрудничества и объединения”¹³.

КНДР и РК также заявили о намерении создать соответствующую институционально-правовую базу и активно стремиться к диалогу и контактам во всех областях, включая парламентскую деятельность, для расширения и развития межкорейских отношений, подчиняя их задачам объединения страны.

Чрезвычайно важным представляется зафиксированный в документе отказ от любой войны на Корейском полуострове и подтверждение обязательств о ненападении, взятых на себя сторонами в подписанном в декабре 1991 г. Соглашении о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве между Севером и Югом. Стороны также пообещали снижать военную напряженность и “решать конфликтные вопросы путем диалога и переговоров”. В качестве конкретного шага в этом направлении решено создать в Желтом море зону совместного рыболовства с тем, чтобы предотвратить случайные столкновения в этом районе и превратить его в “зону мира”. Конкретные меры в этом направлении было поручено обсудить главам военных ведомств, которые, в соответствии с решениями саммита, 27–28 ноября 2007 г. провели переговоры в Пхеньяне.

Север и Юг также объявили о намерении сотрудничать на международной арене. Впервые в истории межкорейских отношений стороны решили совместно защищать права и интересы зарубежных соотечественников¹⁴.

Определенную нервозность в столицах других участников шестисторонних переговоров вызвало внесенное, как впоследствии разъяснила южнокорейская сторона, Ким Чен Иром предложение о созыве конференции трех или четырех заинтересованных стран на высшем уровне для заключения договора, который положил бы конец Корейской войне, в правовом отношении переведя режим перемирия в состояние постоянного мира, ознаменовав тем самым юридически окончание войны.

Особенно важно, что в предложенном трех-четырёхстороннем формате переговоров о подписании мирного договора предусматривается участие РК. Как известно, КНДР на протяжении многих лет игнорировала Южную Корею и настаивала на подписании такого договора между КНДР и США. Такая позиция мотивировалась тем, что в свое время РК отказалась подписывать Соглашение о перемирии в Корее и якобы не является самостоятельным государством, так как ее вооруженные силы находятся под командованием американского генерала. Нынешняя позиция КНДР радикально меняет статус РК по этому вопросу на будущем форуме, созыв которого предусматривается, в том числе, и совместным заявлением участников шестисторонних переговоров от 19 сентября 2005 г.

Стороны воздержались от предметного рассмотрения ядерной проблемы, оставив эту тему шестисторонним переговорам, и ограничились подтверждением своего намерения приложить совместные усилия для выполнения достигнутых на них договоренностей.

Больше всего внимания было уделено вопросам экономического сотрудничества. Суть решений саммита о необходимости “сбалансированного развития национальной экономики и совместного процветания” фактически сводится к намерению создать на Корейском полуострове единое экономическое пространство. Стартовой площадкой реализации этого замысла, видимо, станет “Особая зона мира и сотрудничества в Желтом море” в треугольнике Кэсонская промышленная зона — Хэчжу (порт в КНДР) — Инчхон (порт в РК). Помимо уже упомянутой зоны совместного рыболовства там будет создана особая экономическая зона, модернизирована транспортная инфраструктура с целью ее совместного использования.

Как следует из высказываний ряда чиновников и сотрудников научных центров, работающих на правительство, с которыми имела беседы находившаяся в конце ноября 2007 г. в Сеуле группа ученых ИДВ РАН, фактически речь идет о попытке создать на западном побережье Корейского полуострова зону ускоренного экономического роста, которая задумывается и как противовес аналогичным анклавам на восточном побережье КНР. В настоящее время средний и мелкий бизнес РК постепенно уходит из КНР из-за растущих издержек на рабочую силу. Между тем именно этот социальный слой составлял один из важнейших сегментов избирательной базы, на который ориентировалась правящая партия. Не случайно в предвыборной платформе проправительственного кандидата Чон Дон Ена одно из главных мест занимало обещание содействовать продвижению мелкого и среднего бизнеса РК в КНДР.

Китайский фактор имелся в виду не только в явно двусмысленной фразе декларации о трех-четырех участниках будущего договора о мире. По мнению специалистов Института национального объединения в Сеуле решение начать прямое воздушное сообщение между Сеулом и горой Пэктусан на границе между КНДР и КНР для совместной организации туристического маршрута — это ответ на т.н. “северо-восточный проект” КНР, в котором как на Севере, так и на Юге Кореи единодушно усматривают попытку переписать историю с целью обоснования претензий КНР на часть территории Корейского полуострова.

Многочисленные инфраструктурные проекты, в том числе реконструкция железной дороги от ДМЗ до границы с КНР (Кэсон–Пхеньян–Синийчжу) и автостреды Кэсон–Пхеньян задумываются как важный компонент эффективности будущего единого экономическое пространства. В соответствии с п.5 Декларации с 12 по 18 декабря 2007 г. совместной группой экспертов Юга и Севера была проведена рабочая встреча для оценки технического состояния железной дороги от Кэсона до Синийчжу и определения объема восстановительных работ. После реконструкции по этой дороге должна быть налажена транспортировка грузов не только между двумя Кореями, но и между РК и КНР.

Суммарные расходы (бюджетные и частные инвестиции) на реализацию предусмотренных декларацией проектов составят от 11 до 16 млрд долл.¹⁵ Около 3,5 млрд из них (в среднем по 700 млн долл. ежегодно), как ожидается, выделит правительство РК.

Для реализации достигнутых на втором саммите соглашений решено сделать регулярными (один раз в полгода) переговоры глав правительств Севера и

Юга. Первый раунд переговоров успешно состоялся в намеченные сроки 14–16 ноября 2007 г., ознаменовавшись рядом конкретных договоренностей, зафиксированных в Соглашении из 49 пунктов от 16 ноября 2007 г.¹⁶ Это была первая встреча глав правительств Севера и Юга за последние 15 лет.

Существовавший до саммита “Комитет по содействию межкорейскому экономическому сотрудничеству” во главе с заместителями министров решено преобразовать в “Совместную комиссию по экономическому сотрудничеству”, которую будут возглавлять заместители премьеров. Первое заседание комиссии прошло 4–6 декабря 2007 г. в Сеуле.

Выполняя положение декларации саммита о невмешательстве во внутренние дела друг друга, РК воздержалась 21 ноября 2007 г. при голосовании в ООН резолюции по ситуации с правами человека в КНДР.

Вместе с тем Но Му Хену не удалось получить согласие Ким Чен Ира на регулярные встречи лидеров Севера и Юга и такие меры военной разрядки, как отвод тяжелой артиллерии из районов, примыкающих к ДМЗ. В декларации записано о проведении встреч на высшем уровне “по мере необходимости”. Президент РК, выслушав аргументы северокорейского лидера, также распорядился не употреблять терминов “реформа” и “открытость” во время переговоров с представителями КНДР. Это еще раз говорит о том, что пока нормализация и расширение межкорейских отношений идет в той мере, в какой к этому готова КНДР.

Между тем правительство РК уже разработало и 23 ноября 2007 г. представило Национальному собранию “Первый базовый план развития отношений между Югом и Севером на 2008–2012 гг.”. План был разработан в соответствии с законом о развитии межкорейских отношений, вступившим в силу 30 июня 2006 г. Документ предусматривает широкий спектр мер по реализации решений саммита, от обмена представительствами по содействию экономическому сотрудничеству до предоставления южнокорейцам права завещать свое имущество родственникам, проживающим в КНДР.

Оппозиция подвергла план, как и сам саммит с достигнутыми на нем договоренностями резкой критике, расценив их как попытку ограничить свободу действий нового президента на весь период его полномочий, и обратила внимание на то, что все бюджетные расходы на его реализацию требуют, в соответствии с законом, одобрения парламентариев. В целом надо признать, что значительная часть политической элиты и общества восприняла проведение саммита как попытку правительства Но Му Хена повысить свой рейтинг (что, безусловно, удалось, но никак не сказалось на результатах президентских выборов) и запрограммировать будущую администрацию на продолжение “либерального” курса в отношении КНДР.

В целом достаточно оснований утверждать, что решения второй межкорейской встречи на высшем уровне, в случае их реализации, могут привести к существенным позитивным сдвигам во всем комплексе отношений РК с КНДР, внести значительный вклад в разрядку напряженности на Корейском полуострове. Темпы сближения могут варьироваться, не исключены, как это уже не раз бывало прежде, и паузы, но вектор движения, похоже, останется неизменным, и при новом президенте Ли Мен Баке.

Саммит и последовавшая за ним серия переговоров и практических мер продемонстрировали, на наш взгляд, что на Севере и Юге Кореи все прочнее утверждается понимание того, что корейцы не могут позволить себе новой войны на полуострове и во все большей степени готовы работать на общенациональные

интересы. Эти обстоятельства, а также явное стремление корейцев уменьшить влияние внешних факторов на корейские дела предстоит учесть всем государством при реализации своих интересов на Корейском полуострове.

3. Президентские выборы в РК: за прагматизм в экономике и политике

25 февраля 2008 г. в Сеуле прошла церемония инаугурации президента Республики Корея Ли Мен Бака, победившего на состоявшихся 19 декабря 2007 г. очередных, 17-х президентских выборах. Он был кандидатом от бывшей в течение десяти последних лет в оппозиции консервативной партии “Ханнара” — Партии великой страны (ПВС).

В голосовании имели право участвовать примерно 37,65 млн чел. — на 2,7 млн больше, чем на предыдущих выборах в 2002 г., однако, на избирательные участки пришло самое низкое число избирателей за всю историю президентских выборов в РК — 62,9% имевших право голоса (в 2002 г. — 70,1%). Выборы ознаменовались еще рядом событий, к которым применимо слово “впервые” — в первый раз зафиксирован столь значительный разрыв между победителем и кандидатом, занявшим второе место (свыше 5 млн голосов при общем числе проголосовавших менее 24 млн чел.). За победителя высказались почти половина — 48,7% избирателей, принявших участие в голосовании¹⁷.

Впервые президентом РК был избран представитель бизнес-сообщества, а не профессиональный политик или военный. Ли Мен Бак стал самым богатым главой государства в истории страны. Его состояние оценивается в более чем 40 млн долл. Правда, все время он работал наемным сотрудником, в том числе и президентом компании. В его активе головокружительно успешная карьера в одном из крупнейших южнокорейских конгломератов — “Хендэ”, где он в возрасте 35 лет возглавил строительное подразделение этой чэболь¹⁸. Ни один предыдущий президент Южной Кореи не испытывал таких материальных лишений в детстве, как Ли Мен Бак, родившийся пятым ребенком в многодетной семье, где всего было 7 детей. Начиная со школы, ему приходилось где-то подрабатывать. Он сам оплачивал свою учебу в университете, работая мусорщиком на рынке. Тогда же ему пришлось побывать, правда недолго, за решеткой по “политической” статье. Не случайно, что этого мультимиллионера на выборах поддержала крупнейшая профсоюзная организация страны — Федерация корейских профсоюзов.

Политический капитал Ли Мен Бака образовался главным образом благодаря его успешной деятельности на посту мэра столицы страны — Сеула в 2002–2006 гг. Он был безоговорочным лидером предвыборной гонки на всем ее протяжении. В ходе избирательной кампании он позиционировал себя как “экономического президента”, способного решить наиболее волнующие избирателей проблемы в этой области.

Может показаться странным, что в стране, которая развивается достаточно успешно, возникла необходимость в победе “экономического президента”. Все пять лет администрации Но Му Хена темпы роста экономики составляли 4–5% в год, ВВП на душу населения достиг почти 20 тыс. долл., полностью преодолены последствия кризиса 1997 г.

Но росли доходы в основном экспортно-ориентированных, причем главным образом работающих на китайский рынок крупных предприятий, а также

судостроительных компаний. Тем временем в стране падала деловая активность, сокращались производственные инвестиции. Многие отрасли экономики, такие как электротехническая и электронная промышленности, связь практически находились в застое.

Мелкому и среднему бизнесу становилось все труднее выживать, росла кредитная задолженность граждан, которая только за один 2006 г. увеличилась на 14,1% и составила 312 млрд долл. (около 37,2% ВВП)¹⁹.

Южнокорейский капитал в поисках лучших условий для применения устремился за границу. Так, в 2007 г. южнокорейские фирмы и частные лица вложили в зарубежные страны 27,64 млрд долл., что превысило показатели 2006 г. на 49% процентов. Почти четверть этой суммы была направлена в КНР, 4,35 млрд долл. — в США и 2,5 млрд долл. — во Вьетнам²⁰.

Вопреки обещаниям властей об уменьшении поляризации доходов, разрыв между богатыми и бедными увеличивался, численность беднейших слоев населения не сокращалась, уровень жизни, по мнению большинства участников опросов, снижался.

Не удалось сдержать рост цен на жилье, произошло существенное их повышение. Это, с одной стороны, делало малодоступной покупку квартиры даже для представителей средних слоев. Количество квартир, не нашедших покупателя на конец 2007 г., увеличилось почти в 5 раз по сравнению с 2003 г., а в Сеуле этот показатель достиг 10²¹.

Ухудшилось положение трудящихся. В стране постоянно росла численность работников, занятых на нерегулярной работе²². Так, если в 2002 г. таковых было 1,1 млн чел., то за время “правительства народного участия” их численность увеличилась до 5,7 млн чел.²³ Росла безработица среди молодежи²⁴.

В результате за последние два года правящая партия проиграла все выборы: дополнительные парламентские, в органы местного самоуправления, губернаторов, мэров городов с правами провинций. Ее рейтинг на протяжении всего 2007 г. составлял всего 10% по сравнению с 40% поддержки оппозиционной партии. В обществе возникло устойчивое мнение о необходимости перемен, прежде всего в экономической политике.

Поэтому в предвыборных выступлениях кандидатов доминировали проблемы внутренней политики и экономического развития. Приоритет отдавался повышению темпов экономического роста, созданию новых рабочих мест, повышению доступности жилья для лиц с низкими и средними доходами и молодежи, вопросам облегчения трудоустройства для выпускников вузов, социальной поддержки малоимущих слоев населения.

Суть экономической программы Ли Мен Бака, в соответствии с духом времени, была сведена к цифровому выражению “747”, легко запоминаемому всеми корейцами по аналогии с широко известной моделью “Боинга”, Они означали достижение ежегодных темпов экономического роста в 7%, увеличение ВВП на душу населения в течение 10 ближайших лет до 40 тыс. долл. и превращение Южной Кореи в 7-ю экономическую державу мира. Ряд экспертов сразу же поставили под сомнение выполнение этого амбициозного плана, особенно его двух последних пунктов²⁵. Впрочем, сам Ли Мен Бак в одном из интервью признал, что указанные цели — не “обещание”, а скорее его “представление” о будущем его страны. В разряд таковых, видимо, можно отнести его идею построить канал от Пусана через весь Корейский полуостров, в том числе и по территории Северной Кореи.

Ли Мен Бак также обещал сократить налоги, уменьшить государственное вмешательство в экономику, сократить госаппарат, навести порядок в системе образования, изменить правила отбора абитуриентов в вузах.

Главная задача Ли Мен Бака на ближайшее время — обеспечить победу своей партии “Ханнара” на предстоящих 9 апреля 2008 г. парламентских выборах. Дело в том, что сейчас ПВС имеет в парламенте всего 130 мест из 299, в то время как бывшая правящая Объединенная демократическая партия (созданная вместо распущенной летом 2007 г. правящей “Еллин уридан”) располагает 140 местами. Поэтому новый президент пока не может проводить необходимые ему законы. Например, Ли Мен Бак обещал сократить число министерств с 18 до 13²⁶. А для принятия закона о реформе правительства необходимо, чтобы его поддержали две трети от принявших участие в голосовании депутатов, при условии, что в голосовании принимают участие не менее половины состава депутатов.

С большим трудом, за счет некоторого отступления от первоначальных замыслов (вместо 13 оставлено 15 министерств), всего за пять дней до инаугурации президенту удалось договориться с бывшей правящей партией о принятии закона о реформе правительства. Депутаты также утвердили нового главу кабинета, которым стал опытный бюрократ Хан Сын Су, ранее занимавший посты министра финансов, иностранных дел и другие важные должности в государственном аппарате. Однако кандидатуры четырех новых министров, представленных Ли Мен Баком, были ими отвергнуты.

Вопросы внешней политики, за исключением межкорейских отношений, не играли сколько-нибудь заметной роли в предвыборной борьбе. Помимо актуальности стоящих перед страной внутренних задач это, отчасти, объясняется недостатком у всех кандидатов достаточного опыта в этой области, а также отсутствием последовательной, достаточно разработанной внешнеполитической стратегии и их в целом малой известностью за рубежом.

Пробелы в этой сфере у внешнеполитических советников Ли Мен Бака особенно наглядно проявились в неудачных попытках в течение лета—осени 2007 г. организовать его поездки в США, Россию, Китай и Японию для встреч с руководителями этих стран. Произошел публичный конфуз. 28 сентября 2007 г. Ли Мен Бак сообщил, что 14 октября отправляется в США для неофициальной встречи с Дж. Бушем для обсуждения хода шестисторонних переговоров, итогов межкорейского саммита, а также вопроса о ратификации соглашения о свободной торговле между РК и США. Судя по всему, поездка организовывалась по неофициальным и недостаточно влиятельным каналам. В итоге Госдепу США пришлось дезавуировать это заявление Ли Мен Бака.

Внешнеполитическая программа нового президента сводится к семи пунктам, получившим название “МБ доктрины” (по начальным буквам имени нового главы государства — Мен Бак). Впервые она была изложена в Сеульском клубе иностранных корреспондентов 6 февраля 2007 г., то есть за полгода до того, как он стал официальным кандидатом в президенты²⁷. Впоследствии ее положения неоднократно уточнялись и корректировались.

Доктрина ставит оказание экономической помощи КНДР в зависимость от ликвидации ею своей ядерной программы и предусматривает содействие “реальным переменам” в КНДР, проведение прагматичной внешней политики на основе национального согласия, в том числе и в отношении Северной Кореи, укрепление союза²⁸ с США, активизацию азиатского вектора дипломатии РК, в

первую очередь путем расширения отношений с Японией, Китаем, Россией и Индией, увеличение вклада РК в решение глобальных проблем в соответствии с ее экономическим весом, продвижение в мире корейской культуры.

Касаясь отношений с США — главным военно-политическим союзником РК — Ли Мен Бак, выступая 10 сентября 2007 г. с изложением своих взглядов по международным делам, заявил, что его администрация, при всей важности отношений с Китаем и Японией, все же самым главным направлением своей внешней политики будет считать отношения с США²⁹.

В телефонном разговоре с Дж. Бушем, поздравившим его с победой на выборах, Ли Мен Бак пообещал укрепить переживающий кризис альянс между США и РК. Однако наблюдатели не забыли, что выступая 21 ноября 2007 г. в телевизионном дискуссионном клубе главной телерадиовещательной компании страны KBS, он высказался следующим образом: “Я как президент буду действовать в интересах Республики Корея. Все, что полезно для страны, мы будем поддерживать, все, что вредит, будет отвергнуто. Если интересам РК будет мешать политика США, то мы будем против такой политики. Сейчас я считаю, что интересам РК соответствуют развитие отношений США, поэтому мы будем и дальше развивать отношения с США”³⁰.

США, в свою очередь, похоже, извлекли должные уроки из событий пятилетней давности, когда американский военный суд накануне прошлых президентских выборов в 2002 г. оправдал военнослужащих армии США, задавивших двух южнокорейских школьниц. Это повлекло за собой миллионные митинги протеста по всей Южной Корее, на волне которых Но Му Хен и пришел к власти. Выступая в конце ноября 2007 г. по специальному телеканалу для войск США, расквартированных в РК, командующий американским контингентом в РК генерал Б. Белл предупредил командиров всех уровней об их личной ответственности за появление подчиненных в нетрезвом виде в общественных местах и, тем более, за рулем.

Конгресс США пошел на беспрецедентный шаг, приняв резолюцию с приветствием избрания Ли Мен Бака президентом РК. Делегация США на инаугурации была весьма представительной и возглавлялась госсекретарем К. Райс.

Между тем одно из предвыборных обещаний Ли Мен Бака — пересмотреть в сторону увеличения срок передачи Республике Корея права на командование собственными вооруженными силами в военное время или даже отказаться от этого шага, похоже, не встретило поддержки США. Американский посол в Сеуле А. Вершбоу, выступая в Сеуле на второй день после выборов, заявил, что передача командования должна завершиться, как и согласовано между правительствами двух стран, в апреле 2012 г. Но Ли Мен Бак не оставляет надежды все же добиться пересмотра графика в зависимости от ситуации на Корейском полуострове³¹.

Можно ожидать, что Ли Мен Бак, позиционирующий себя как прагматик, нацеленный на решение конкретных задач, будет придерживаться аналогичного подхода в отношениях другими “большими” соседними державами — КНР, Россией и Японией.

Особой программы отношений с Россией Ли Мен Бак в ходе предвыборной кампании не выдвигал. Единственный раз, касаясь вопросов отношений с КНДР, он высказал мнение о полезности трехстороннего (РФ, РК, КНДР) сотрудничества для решения экономических проблем КНДР. При этом он отводит России только лишь роль источника природных ресурсов: “Было бы желательно

создать новую систему экономического сотрудничества с участием двух Корейских государств и России, которая предусматривала бы объединение технологий и капитала РК, рабочей силы СК и природных ресурсов России”.

Во время встречи с послом РФ в РК Г.А. Ивашенцовым 21 декабря 2007 г. Ли Мен Бак (сразу после избрания он также провел встречи с послами США, Японии и КНР) подтвердил намерение Южной Кореи принять участие в реализации ряда проектов развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Определенный интерес для нас может представить и один из пунктов его доктрины, предусматривающий провидение т.н. “энергетической дипломатии”.

По мнению ряда лиц из его окружения, Ли Мен Бак, который имеет личный, хотя и не вполне удачный, опыт реализации совместных проектов в конце 1980-х гг. в СССР и неоднократно вместе с основателем и хозяином “Хендэ” Чон Чжу Еном бывал в нашей стране, понимает своеобразие того периода взаимодействия двух стран и не испытывает каких-либо негативных чувств к России.

В беседе с делегацией ученых ИДВ РАН советник ПВС, бывший председатель парламентского комитета по внешней политике и объединению Чон Чжэ Мун предложил предпринять взаимные меры по облегчению визового режима, а еще лучше, отмены виз для студентов наших двух стран, направляющихся на учебу, соответственно в РК и РФ. По его словам, именно благодаря большому количеству выпускников американских вузов, в РК сейчас существует мощное американское лобби. Он также привел в качестве примера ситуацию со странами Западной и Центральной Европы, для въезда в которые южнокорейцам виза не нужна.

В начале 2008 г. Ли Мен Бак направил своих специальных представителей в США, КНР, Японию и Россию для установления контактов с руководством этих стран, передачи личного послания и разъяснения его политики. В Москву приехал один из ближайших политических соратников нового президента, депутат Национального собрания последних трех созывов Ли Чже О, который был принят помощником Президента РФ по внешней политике С. Приходько, вице-премьером А. Жуковым и рядом других лиц. Он говорил о намерениях правительства Ли Мен Бака осуществить широкомасштабную программу сотрудничества во многих секторах экономики.

С учетом намерений новой администрации и тенденций российско-корейского экономического сотрудничества южнокорейское правительственное агентство по содействию внешней торговле (КОТРА) заявило 20 февраля 2008 г., что Россия, на долю которой сейчас приходится всего 2% внешнеторгового оборота Южной Кореи, в не столь отдаленной перспективе может стать ее четвертым внешнеторговым партнером³².

Россию на инаугурации Ли Мен Бака представляла делегация, которую впервые возглавил председатель правительства В. Зубков.

Новый президент заявил о желании в возможно краткие сроки установить личные контакты с главами четырех держав, имеющих традиционные интересы на Корейском полуострове. Так, в феврале состоялась встреча с премьер-министром Японии Я. Фукуда, который возглавлял делегацию Японии на инаугурации, на апрель намечены визиты Ли Мен Бака в США и Японию. Известно также, что и председатель КНР Ху Цинтао высказывал желание о скорейшей встрече с новым лидером РК.

В сфере межкорейских отношений Ли Мен Бак, не отказываясь от проводившегося на протяжении последнего десятилетия курса на “вовлечение”

КНДР, считает, что экономическое сотрудничество между Севером и Югом Кореи не может развиваться вне связи с процессами денуклеаризации КНДР.

Он также выступает за то, чтобы межкорейское экономическое сотрудничество и, особенно, южнокорейская помощь в большей, нежели это было прежде, степени содействовали проведению экономических реформ и открытости КНДР. Нужна взаимность, путь она и будет "асимметричной". В ответ на большую экономическую помощь Северной Корее он намерен добиваться, чтобы Пхеньян выполнял свои двухсторонние (с РК) и международные обязательства, согласился на установление почтово-телеграфной связи, свободного обмена письмами между родственниками, проживающими в разных частях страны, обеспечил большую свободу для передвижения людей, товаров и капиталов между Севером и Югом Кореи.

Ли Мен Бак как бывший бизнесмен и прагматик и в этой области намерен решать конкретные, достижимые задачи, а не выдвигать общие пожелания. Он обещал помочь добиться того, чтобы течение 10 лет ВВП на душу населения КНДР поднялся до 3 тыс. долл. (сейчас по разным оценкам он составляет около 900–1100 долл.), создать там 100 предприятий с суммарным экспортом 300 млн долл., образовать фонд содействия экономическому развитию КНДР в размере 40 млрд долл. за счет привлечения средств Всемирного банка, Азиатского банка развития, Фонда межкорейского экономического развития, частных прямых инвестиций, а также японской компенсации КНДР за период колониального правления³³.

Для возвращения из КНДР удерживаемых там с времен Корейской войны военнопленных и похищенных в послевоенный период южнокорейцев (по южнокорейским данным, всего около 480 чел.) он пообещал предоставить Пхеньяну "достаточную экономическую компенсацию".

В ответ на возможное требование Северной Кореи отменить Закон о государственной безопасности, который воспринимается в Пхеньяне как одна из главных преград на пути сотрудничества между Севером и Югом страны, в том числе проведения следующего межкорейского саммита в Сеуле, южнокорейская сторона намерена потребовать изменения соответствующих положений Устава ТПК и ряда статей уголовного законодательства КНДР.

Как известно, предыдущий президент РК Но Му Хен был активным сторонником заключения мирного договора взамен существующего соглашения о перемирии в Корее и проведения в этих целях четырехсторонней встречи на высшем уровне (США, КНР, КНДР и РК). В противовес этому Ли Мен Бак в интервью агентству Ренхап 12 сентября 2007 г. заявил, что подписание мирного договора в условиях сохранения ядерного потенциала КНДР может осложнить работу шестисторонних переговоров³⁴.

Он также однозначно против пересмотра нынешней т.н. "северной разграничительной линии" между сторонами в Желтом море, на чем настаивает Пхеньян.

Многие консерваторы, поддержавшие Ли Мен Бака на выборах, возможно, не без оснований, подозревают, что его позиция по вопросам межкорейских отношений может оказаться далеко не такой жесткой, какой она выглядит, и как этого им бы хотелось.

Большинство специалистов и СМИ в целом сходятся во мнении, что избранному президенту будет сложно полностью отказаться от политики "вовлечения" КНДР, хотя тактика и методы ее осуществления могут претерпеть за-

метную корректировку. Можно ожидать, что в случае продолжения линии на расширение двухсторонних отношений и, прежде всего, экономических связей между РК и КНДР, а также более активного участия Южной Кореи в реализации международных экономических проектов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, за что после выборов высказался Ли Мен Баг, вопрос о налаживании трехстороннего сотрудничества России и двух корейских государств в модернизации ряда промышленных предприятий, объектов транспортной и энергетической инфраструктуры в КНДР рано или поздно будет поставлен в повестку дня.

Практически все аналитики согласны с тем, что избиратели предпочли Ли Мен Бага в надежде на реализацию им конкретных и эффективных мер по решению насущных социально-экономических проблем. Именно этой сферой, по существу, ограничен выданный ему обществом мандат доверия.

Между тем значительная часть группирующихся вокруг нового президента консервативных сил РК, особенно его внешнеполитические советники, при поддержке определенных кругов в США и Японии настойчиво пытаются представить безоговорочную победу Ли Мен Бага как получение своего рода “карт-бланш” для проведения радикальных перемен и во внешней политике РК, в первую очередь исправления ее якобы “антиамериканских” и “просеверокорейских” перекосов. Если нового главу государства удастся подтолкнуть на такой путь, кажущийся более легким по сравнению с гораздо более сложными и требующими длительного времени для решения экономическими проблемами, то он рискует испортить отношения с соседними странами, заморозить межкорейскую разрядку и оказаться не в состоянии решить большинство из поставленных перед собой амбициозных задач.

Впрочем, как утверждают, новый президент РК, хотя и достаточно жесткий, но в то же время гибкий политик. Он будет действовать в соответствии с интересами своей страны, а они в существующих в мире и в США реалиях диктуют проведение не односторонне ориентированного, а многовекторного курса на международной арене, который, хочется надеяться, и будет реализовываться в рамках его концепции “прагматической внешней политики”.

1. Об итогах заседания шестисторонних переговоров в Пекине. – 1539-04-10-2007 <http://www.mid.ru>.
2. The International Herald Tribune. 2007. 6 марта
3. Время новостей. 2007. 24 окт.
4. Жебин А.З. Переговоры по ядерной проблеме на Корейском полуострове: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2006. No 1. С. 57.
5. “U.S. Envoy Says North Korean Uranium Program Remains Stumbling Block”: Interview Ch.Hill to Council on Foreign Relations. 15.02.2008.
6. KCNA. 2008. 4 янв.
7. Там же.
8. Там же.
9. Независимая газета. 2007. 2 апр.
10. The New York Times. 2007. 1 марта.
11. Klingner B. Confronting the North Korean Nuclear threat. Backgrounder // The Heritage Foundation. 2007. 4 апр. P.5, 9.
12. Korea and World Affairs. 2007. Vol. 31, No. 4. P. 509–514.
13. Там же.

14. В части 1 п. 8 Декларации записано: “Юг и Север договорились укреплять сотрудничество, чтобы на международной арене продвигать интересы корейского народа и отстаивать права и интересы корейцев, проживающих за пределами Корейского полуострова”. — <http://www.infokorea.ru/about/summitnews/detail.php?ID=1308>.
15. Хангере. 2007. 6 окт.
16. <http://www.unikorea.go.kr/English/EPA/EPA0101R.jsp>. 29.11.2007.
17. The Korea Herald. 2007. 20 дек.
18. Ли Мен Бак поступил в 1965 г. на работу в строительную компанию группы “Хенде” с числом работающих 98 человек. В 1992 г., когда он ушел в отставку с поста президента компании, там работало 168 тысяч чел. – http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2007/06/12/2007061200054.html.
19. http://www.koreaherald.co.kr/SITE/data/html_dir/2007/04/09/200704090020.asp.
20. http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=16822.
21. The Korea Herald. 2008. 16 февр.
22. По трудовому законодательству РК регулярные, т.е. постоянные работники имеют право на оплачиваемый отпуск, все виды трудового страхования, выплату пособия при увольнении, прибавление к отпуску за каждый проработанный год одного дня оплачиваемого отпуска, а также премиальные и надбавки за стаж работы. Нерегулярные работники лишены всего, за исключением страховок. Таким работником считается тот, кого нанимают на срок менее одного года. Если работник проработает полный год, ему нужно оплачивать отпуск. Поэтому работодатели часто увольняют людей после 11 месяцев работы, а потом через неделю-две снова принимают на работу как нового работника.
23. Korea Focus. 2007. Vol. 15, No. 4. P. 11.
24. <http://vestnik.tripod.com/novosti08/021901.html>.
25. В самом деле, если ВВП на душу населения Южной Кореи в 2020 г. составит 40 тыс. долл., то с учетом возможного населения в 55 млн чел., это будет означать ВВП 2,2 трлн долл., что меньше, чем ВВП Франции и Бразилии, Великобритании, которые к тому времени, как предполагается, будут занимать 7–9 места в мире. А перед этими странами будут США, КНР, Япония, Германия, Россия, Индия.
26. http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2008/02/18/2008021801753.html.
27. http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2007/02/06/2007020600251.html.
28. The Korea Herald. 2007. 11 окт.
29. http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2007/09/11/2007091100035.html.
30. http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2007/11/21/2007112100723.html.
31. <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2007/12/24/38/0301000000AEN20071224002600315F.HTML>.
32. http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_detail.htm?No=16874.
33. http://www.koreaherald.co.kr/NEWKHSITE/data/html_dir/2007/12/21/200712210053.asp.
34. <http://english.yonhapnews.co.kr/Interview/2007/09/12/94/0901000000AEN20070912003800315F.HTML>.

Экономика

Экономические итоги саммита АТЭС в Сиднее

© 2008

М. Потапов

С 3 по 8 сентября 2007 г. в Сиднее (Австралия) прошли мероприятия форума АТЭС (Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество): ежегодный межгосударственный саммит, Деловой саммит и итоговое заседание Делового консультативного совета (автор участвовал в мероприятиях с участием деловых кругов от ОАО "Газпром").

Круг вопросов, обсуждаемых на форумах АТЭС, неуклонно расширяется. За последние годы форум фактически обрел торгово-политический характер: координирует позиции стран по противодействию международному терроризму, борьбе с эпидемиями и коррупцией, предупреждению и ликвидации последствий стихийных бедствий, различным аспектам укрепления региональной безопасности и т.д. Наш комментарий затронет прежде всего торгово-экономические вопросы, связанные с ходом либерализации торговли и инвестиций, с перспективами экономической интеграции в азиатско-тихоокеанском регионе, с нынешней и будущей ролью АТЭС в международных экономических отношениях.

Рекомендации Делового консультативного совета АТЭС

Деловой консультативный совет (ДКС) играет уникальную роль в качестве организатора взаимодействия Форума с деловыми кругами региона. На ежегодных саммитах Совет представляет лидерам стран и территорий АТЭС¹ доклад с обобщенными рекомендациями частного сектора по реализации программных документов Форума, улучшению делового и инвестиционного климата в АТР. Его рекомендации, ставящие решения Форума на конкретную практическую почву, пользуются вниманием и доверием у всех членов АТЭС.

В работе заседания ДКС 3—5 сентября 2007 г. участвовали по три представителя деловых кругов от каждой из 21 страны (территории), входящих в АТЭС. В соответствии с распоряжением Президента РФ Россию в Совете представляют ОАО "Газпром", ВТБ и "Базовый элемент". Программа работы Совета в 2007 г. под председательством Австралии — страны-хозяйки саммита АТЭС — включала проведение трех заседаний. Работа заседания ДКС по выра-

Потапов Максим Александрович, доктор экономических наук, начальник отдела международных организаций Департамента внешнеэкономической деятельности ОАО "Газпром".

ботке рекомендаций доклада проходила в рабочих группах по вопросам либерализации, облегчения бизнеса, по технологиям и информации, по финансам и экономике, по индивидуальным планам действий² и человеческим ресурсам экономики АТЭС.

По итогам первых двух заседаний (в Сиэтле в феврале и в Токио в мае) был также подготовлен *ежегодный доклад Совета*. В этом году он выпущен в сжатом виде, с наиболее важными рекомендациями лидерам стран АТЭС. Проблематика годового доклада Совета включает вопросы достижения целей Богорской декларации АТЭС³, изменения климата, энергетической безопасности, углубления экономического, финансового и технического сотрудничества в целях развития, формирования благоприятной торговой и инвестиционной среды, укрепления защиты прав интеллектуальной собственности, предупреждения и борьбы с эпидемиями и т.д.

ДКС внимательно следит за тем, как выполняются предыдущие рекомендации Совета. Для этих целей им по уже сложившейся традиции подготовлен *предварительный доклад (Interim Report)* для министров экономики и торговли стран АТЭС к их майской встрече.

В ходе встречи-диалога членов ДКС с лидерами государств и территорий АТЭС 8 сентября 2007 г. до лидеров были доведены основные положения доклада ДКС. Встреча началась с краткого приветственного слова Премьер-министра Австралии Дж. Ховарда. После этого члены ДКС пятью группами по 11—12 человек, выбранные жребием, провели неформальный диалог с группами из четырех лидеров. Вопросы обсуждения перекликались с основными блоками рекомендаций годового доклада ДКС. Члены Совета от России беседовали с Президентом России В.В. Путиным, а также с руководителями Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Новой Зеландии, Папуа-Новой Гвинеи, Сингапура, США, Тайваня, Чили, Японии. Лидеры стран АТЭС по ходу диалога поддерживали деятельность ДКС и высоко оценили выработанные им рекомендации.

Нашими представителями была подчеркнута важность обеспечения энергетической безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе с точки зрения партнерства между производителями, потребителями и транзитерами энергоресурсов при обязательном учете интересов всех заинтересованных сторон, повышении взаимной ответственности поставщиков и потребителей.

Другие ключевые темы в ходе диалога ДКС с лидерами:

— необходимость достижения прогресса на *переговорах дохасского раунда ВТО*⁴ посредством разумных и возможных компромиссов основных сторон;

— придание *субрегиональным (двусторонним и многосторонним) торговым соглашениям* “высокого качества”, чтобы они отвечали требованиям ГАТТ/ВТО;

— вопросы *экологии и изменения климата*.

Основные положения доклада ДКС 2007 г. сводятся к следующему:

1. ДКС подтверждает приверженность принципам укрепления многосторонней торговой системы и необходимости достижения прогресса на *переговорах дохасского раунда ВТО* посредством разумных и возможных компромиссов основных сторон. Особую озабоченность Совета вызывает пробуксовка переговоров ВТО из-за коренных противоречий между основными группами договаривающихся сторон (США—ЕС—развивающиеся страны), прежде всего по вопросам сельскохозяйственной торговой политики (тарифы, субсидии и т.п.). По состоянию на сегодня констатируется неспособность ВТО достичь адекватных договоренностей в рамках дохасского раунда.

Тем не менее, Совет прилагал усилия в этом направлении: в последние три года проходили регулярные консультации группы членов ДКС в Женеве с “клубом послов” стран ВТО, входящих в АТЭС, ставшие хорошим каналом обратной связи и средством повышения влияния Совета на ход переговоров по линии ВТО. Тем самым ДКС демонстрировал свою приверженность многосторонней торговой системе переговоров и реализации Богорской декларации АТЭС, а также поддержку усилий ВТО в этом деле.

2. Другая важная тема рекомендаций ДКС — придание *субрегиональным торговым соглашениям* “высокого качества”, чтобы они отвечали требованиям ГАТТ/ВТО. Выражена озабоченность по поводу быстрого распространения соглашений, усложняющих торговый режим взаимоотношений и многосторонних согласований обязательств в рамках ВТО. В настоящее время АТЭС разрабатывает типовые (модельные) положения данных соглашений.

Тема региональной экономической интеграции стала одной из ключевых в повестке дня АТЭС. Лидеры АТЭС восприняли предложение ДКС по формированию *азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли*. Данное предложение было впервые озвучено ДКС еще в его докладе 2004 г., когда Совет предложил сформировать специальную целевую группу высокого уровня с участием членов ДКС, представителей правительств, бизнеса и науки для анализа возможности заключения всестороннего соглашения о создании азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли. Предполагается, что данная зона охватывала бы товары, услуги и инвестиции, будучи направлена на реализацию целей Богорской декларации АТЭС и преодоление возможных негативных последствий для многосторонней торговой системы распространения двусторонних и многосторонних субрегиональных торговых соглашений. Признано, что такая зона представляет собой максимально высокую степень торгово-экономической интеграции в регионе.

В результате исследования авторитетных экспертов из ведущих научных институтов мира, проведенного по заказу ДКС, был сделан вывод, что идея зоны свободной торговли в АТР представляет собой хороший вариант консолидации субрегиональных соглашений, создающих для бизнеса дополнительные расходы и административные препятствия. При этом признано, что созданию азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли в настоящее время препятствуют “сложности практического характера” в позициях стран АТЭС. Лидеры стран дали поручение своим министрам экономики и торговли рассмотреть пути достижения более тесной экономической интеграции, включая формирование азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли в качестве *возможной долгосрочной цели*.

3. В качестве приоритета устойчивого экономического развития региона выделена тема *энергетической безопасности*. Признано, что в ближайшие десятилетия в АТР значительно возрастет спрос на энергоносители (ежегодно до 2030 г. в среднем на 2%) вследствие роста доходов, темпов индустриализации и урбанизации в ряде стран региона. По мнению ДКС, энергетическая безопасность потребует оперативного использования всех альтернативных ресурсов путем снятия регулирующих барьеров, повышения энергетической эффективности, диверсификации энергетических активов. Нестабильность поставок энерго-ресурсов может быть компенсирована предоставлением рыночных стимулов для компаний, внедряющих энергосберегающие технологии, и гарантий стабильных поставок энергоресурсов. Один из главных приоритетов — дальнейшие исследования и разработки в области технологий, связанных со снижением выбросов

парниковых газов, что потребует создания стабильных, четко определенных рамок и условий для инвестиций.

4. ДКС приветствовал инициативу Австралии выделить *вопросы экологии и изменения климата* в качестве приоритетной темы для обсуждения на встрече лидеров стран АТЭС. В свою очередь, деловое сообщество намерено решать проблемы, связанные с изменением климата, путем проведения исследований, внедрения инноваций и изменения подходов к ведению бизнеса. В отношении вопросов изменения климата и энергетической безопасности АТЭС должен, по мнению Совета, выработать политику, основанную на принципах рыночной экономики и транспарентности, чтобы деловые круги могли уверенно планировать в стабильных условиях для инвестирования.

5. В отношении *поощрения торговли* перед странами АТЭС поставлена цель разработать второй план действий, взяв в нем обязательство сократить к 2010 г. на 5% транзакционные издержки, связанные с различного рода формальностями при подготовке и реализации торговых операций (таможенное оформление, стандарты и соответствия, защита интеллектуальной собственности и т.д.), дополнительно к уже достигнутому за 2001—2006 гг. снижению издержек на 5%. ДКС призывает ускорить работу по созданию системы “одного окна” для предоставления всех документов, связанных с таможенной очисткой.

6. ДКС уделяет все большее внимание вопросам содействия *инвестициям* как одному из главных факторов, лежащих в основе регионального экономического роста. Как полагает Совет, АТЭС может способствовать осуществлению собственной программы по развитию торговли, определив четкий план действий в сфере либерализации инвестиций и содействия инвестиционной активности.

7. Совет продолжит работу по унификации региональных торговых соглашений и дальнейшей либерализации в инвестиционной сфере для развития торговли в *сфере услуг*. Необходимо разработать для этого соответствующие механизмы в отношении всех новых торговых соглашений, в том числе с непосредственным участием стран, ведущих в настоящий момент переговоры по заключению договоров о свободной торговле.

8. Приоритетной задачей ДКС остается *защита интеллектуальной собственности*. Усилия в этой области необходимы для дальнейшего развития научных исследований и привлечения инвестиций в экономики АТЭС. Важнейшим направлением Совет считает обеспечение осведомленности населения, он спонсирует публикации и семинары по данной тематике для пропаганды экономической пользы защиты интеллектуальной собственности. ДКС также рекомендует странам АТЭС стандартизировать процессы получения патентов для повышения эффективности мер по защите прав на интеллектуальную собственность.

9. Важная составляющая в работе Совета — *малый и средний бизнес*. ДКС ведет работу по повышению его конкурентоспособности, способствует обмену опытом между странами АТЭС в области поддержки малого и среднего бизнеса с целью содействия его развитию в качестве одного из основополагающих факторов региональной интеграции.

10. Совет прорабатывает многолетнюю стратегическую программу, направленную на обеспечение *стабильности финансовых рынков* региона. В соответствии с этой программой ДКС рекомендует лидерам АТЭС сосредоточить свое внимание на двух направлениях:

— развитие и упрочение рынков капитала, включая все стадии его формирования — от микро-финансирования до рынка производных инструментов и структурированных финансовых продуктов. Особо важную роль будут играть

улучшение инвестиционного климата, структурные экономические реформы и соответствующее государственное регулирование;

— совершенствование системы социального и пенсионного обеспечения, включая изменения в системах пенсионного страхования и более активное участие в этом частного сектора.

11. Ведущие мировые эксперты в области здравоохранения сходятся во мнении, что регион ожидают *вспышки эпидемий*, и ДКС призывает к своевременной подготовке адекватных защитных мер. Работа АТЭС в области здравоохранения и дальнейшее развитие медико-биологического сектора помогут готовности стран региона к любым кризисным ситуациям, связанным с эпидемиями.

12. Одна из важных рекомендаций ДКС — обеспечение *свободного передвижения предпринимателей и рабочей силы* в регионе АТЭС. Подчеркнута необходимость присоединения оставшихся четырех стран — США, Канады, Мексики и России — к программе *Карты деловых поездок АТЭС*, хотя бы в переходном варианте “быстрого коридора” выполнения пограничных формальностей⁵. Мобильность рабочей силы становится важным фактором, влияющим на бизнес во всех странах региона. Демографические исследования указывают на растущую зависимость бизнеса от наличия или нехватки рабочих рук. ДКС разрабатывает специальную программу для более полного изучения данной проблемы. Результаты этой работы будут предоставлены лидерам АТЭС в 2008 г.

13. ДКС по-прежнему озабочен слабостью *институциональной структуры АТЭС*, которая в нынешнем ее состоянии неспособна полноценно влиять на региональный экономический рост, интеграцию национальных рынков и рост благосостояния населения. ДКС призывает к незамедлительной институциональной реформе внутри АТЭС с целью повышения ее эффективности.

Участники заседания ДКС согласовали программу своей дальнейшей деятельности. Главные приоритеты *работы Совета в 2008 г.* охватывают содействие возобновлению переговоров ВТО; рассмотрение субрегиональных торговых соглашений и азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли; облегчение ведения торговли и бизнеса; энергетическую безопасность; изменение климата; соблюдение прав интеллектуальной собственности; обзор выполнения индивидуальных планов действий экономик АТЭС и пр. В 2008 г. состоятся четыре заседания Совета: 21—24 января в Джакарте (Индонезия), 12—14 мая в Москве (Россия), 2—6 августа — в Ханчжоу (КНР) и 17—20 ноября в Лиме (Перу), где 20-23 ноября состоится саммит АТЭС. Очередной годовой доклад ДКС лидерам стран АТЭС будет подготовлен к третьему заседанию Совета в августе 2008 г.

Деловой саммит АТЭС

Вслед за заседанием ДКС 6—7 сентября в Сиднее состоялся *Деловой саммит АТЭС* с участием руководителей крупнейших предпринимательских структур стран и территорий азиатско-тихоокеанского региона (всего около 400 представителей деловой элиты). В этом году австралийские организаторы Делового саммита сократили число участников примерно вдвое, ограничив их круг первыми лицами компаний. Участники саммита обсудили актуальные вопросы, связанные с формированием позиции деловых кругов АТР по перспективам АТЭС, дохасского раунда ВТО, информационной экономике, развитию энергетики и изменению климата во взаимосвязи с обеспечением экономического роста, по укреплению надежности региональной экономики, формулированию ответов на вызовы экономической, налоговой и структурной реформы.

При обсуждении энергетических проблем отмечалось, что энергетика остается главным двигателем экономического роста в странах АТР, а регион нуждается в дальнейшей разработке новых источников углеводородного сырья на устойчивой долговременной основе. Доля потребления природного газа в регионе, по прогнозам, будет неуклонно возрастать. В этой связи, с учетом политической нестабильности в странах Ближнего Востока, высказывался большой интерес к перспективам поставок нефти и газа России в страны Восточной Азии.

Особое внимание делегатов саммита привлекло выступление *Председателя КНР Ху Цзиньтао*. Касаясь вопроса продвижения многосторонних переговоров в рамках ВТО, китайский лидер подчеркнул готовность своей страны продолжать политику открытости на взаимовыгодной основе и поддержки справедливого, открытого, равноправного и недискриминационного многостороннего торгового режима. При этом Китай намерен усилить свою роль на переговорах ВТО в целях успешного завершения дохасского раунда и скорейшего подписания комплексного и взвешенного итогового соглашения. Однако конкретных дополнительных обязательств китайским руководством обнародовано не было. Ху Цзиньтао отметил значительный вклад Китая в области внутренней либерализации торговли и инвестиций.

В дни Делового саммита АТЭС представители ОАО «Газпром» встречались с рядом австралийских компаний нефтегазового и финансового сектора («Вудсайд Энерджи»⁶, «Би-Эйч-Пи Биллитон», «УорлиПарсонс», «Маккуайри Банк») по перспективам двустороннего сотрудничества. С обеих сторон была выражена заинтересованность в налаживании взаимовыгодных контактов для развития совместного газового бизнеса, прежде всего в области сжиженного природного газа (СПГ), в том числе в третьих странах. Налицо хороший потенциал для взаимного сотрудничества. Есть перспективы газового свопа (обмена австралийского СПГ на российский трубопроводный газ в Европе для поставок сжиженного газа на рынки АТР). Это служит целям оптимизации ресурсной базы Газпрома и торговых потоков природного газа.

Среди коммерческих договоренностей в дни саммита АТЭС следует выделить соглашение о продаже австралийского урана России. В соответствии с ним поставки урана будут осуществляться (исключительно в мирных целях) на российские объекты, согласованные обеими сторонами.

Другое крупное соглашение было подписано между «Вудсайд Петролеум» (Австралия) и китайской компанией «ПетроЧайна» о ежегодной поставке в КНР от 2 до 3 млн т. СПГ с месторождения Браузе в Западной Австралии, в котором «Вудсайд» выступает оператором (в этом проекте также участвуют «Би-Пи», «Шеврон», «Би-Эйч-Пи Биллитон», «Шелл»). Соглашение заключено на 15—20 лет и предполагает объем продаж стоимостью 35—45 млрд долл. Поставки могут начаться в 2013—2015 гг.⁷. Это крупнейшее экспортное соглашение Австралии по природному газу. Предстоит, впрочем, согласование ряда инвестиционных решений и получение необходимых правительственных разрешений.

Основные экономические решения саммита АТЭС

Ряд решений межгосударственного саммита АТЭС (7—8 сентября 2007 г.) касался экономики.

В сфере торговли:

— Лидеры стран АТЭС вновь высказались за скорейший прогресс на дохасских многосторонних торговых переговорах в рамках ВТО.

— Поставлена задача изучить перспективы соглашения по зоне свободной торговли в АТР, составить список первоочередных вопросов по этой теме. Решено также провести инвентаризацию существующих двусторонних и многосторонних соглашений свободной торговли с целью рассмотрения возможности последующего их слияния. Впрочем, по мнению генерального директора ВТО П. Лами, он “не видит в ближайшем будущем больших возможностей для соглашения по свободной торговле в АТР”⁸, ссылаясь на аналогичные с ВТО проблемы из-за разнородного состава форума и противоречий в торговле.

— Взято обязательство снизить внутренние барьеры, зачастую связанные с бюрократизмом, коррупцией, взяточничеством.

— Решено провести круглый стол по выявлению барьеров в торговле и инвестировании в сфере энергетики.

— Подчеркнута важность расширения охвата действия карты деловых поездок АТЭС за счет США.

В области экономических реформ:

— Сосредоточиться на проблемах региональной экономической интеграции и укрепления финансовых рынков.

— Улучшить инвестиционный климат в регионе, включая укрепление партнерства между государственным и частным секторами.

По вопросу изменения климата:

— Записана общая компромиссная формулировка о совместной работе по достижению взаимопонимания в достижении долгосрочной цели сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу с заключением соглашения после 2012 г.

Из проекта итоговой декларации АТЭС был изъят термин “посткиотские рамки”, за который ратовали развитые страны (Австралия, США, Канада, Япония), имея в виду проведение нового раунда переговоров и заключение нового соглашения с менее жесткими для развитых стран параметрами выбросов парниковых газов. Развивающиеся страны при мощной поддержке КНР отстаивали отношение к Рамочной конвенции ООН по изменению климата и Киотскому протоколу с зафиксированными параметрами для развитых стран как к правовой основе международного сотрудничества в этой области, как минимум, — до 2012 г., хотя ссылки на эти документы в декларации АТЭС не появились. В целом сохраняется общее понимание участия в этом процессе каждого государства, но с разной степенью ответственности для развивающихся и развитых стран. Содержание будущего соглашения после 2012 г. остается открытым и будет предметом горячих переговоров в рамках ООН уже в ближайшее время.

— Поставлена цель снижения к 2030г. энергопотребления национальных экономик (соотношения энергозатрат к ВВП), по крайней мере, на 25%.

— Обозначена задача инвестирования в новые технологии по экологически чистым методам добычи угля. Решено также учредить Азиатско-тихоокеанскую систему (сеть) технологий в области энергетики для углубления исследований по экологически чистой угледобыче и возобновляемым источникам энергии.

Некоторые выводы

1. За последние несколько лет Деловой консультативный совет АТЭС значительно активизировал деятельность по повышению роли и влияния в АТЭС в сфере регулирования торговых и инвестиционных режимов в азиатско-тихоокеанском регионе. Важным показателем стало решение лидеров АТЭС предметно рассмотреть предложение Совета о создании *азиатско-тихоокеан-*

ской зоны свободной торговли. Представители делового мира АТЭС подтвердили свою приверженность политике дальнейшей либерализации торговли, инвестиций, сферы услуг с учетом особенностей развития каждой страны-участницы форума. Отметим закрепление *энергетической проблематики* в повестке дня АТЭС. В целом, можно сказать, рекомендации деловых кругов региона с помощью механизма ДКС доводятся до сведения лидеров стран АТЭС и учитываются их правительствами, претерпевая при этом “естественную адаптацию” по темпам и масштабам осуществления.

2. Сейчас уже можно определенно сказать, что темпы экономической либерализации в регионе АТЭС *не позволяют реализовать* в полной мере и в назначенные сроки (2010/2020 гг.) *цели и задачи Богорской декларации 1994 г.* Тому, безусловно, препятствуют объективные факторы: задачи поддержания национальной безопасности и необходимости борьбы с международным терроризмом, учет уроков азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., усложнение многосторонних переговоров ВТО в связи с расширением сферы ее деятельности, усиление протекционизма в международных экономических отношениях и т.д.

3. Сферой озабоченности АТЭС в последние годы стало увеличение многочисленных *субрегиональных соглашений о свободной торговле*. Данная тенденция получила толчок под влиянием неудачных многосторонних переговоров в рамках ВТО. Отмечая их несоординированность по срокам и охвату действия с целями Богорской декларации, форум АТЭС стремится к их соответствию принципам и нормам ВТО.

4. Полагаем, что сроки и широта обязательств стран-участниц АТЭС по выполнению богорских целей форума будут подкорректированы. В ближайшие годы АТЭС предстоит, дабы не превратиться в сугубо дискуссионный клуб лидеров для “бесед по интересам”, предпринять практические шаги по повышению эффективности. Главная задача — сохранить баланс между добровольностью принятия обязательств и обязательным, желательно синхронным, их выполнением. Сложные задачи реализации богорских целей форума предопределили продление на ближайшие три года (до 2010 г.) моратория на прием новых членов в АТЭС.

5. Поиск, ведущийся в Совете по дальнейшим путям эволюции системы регулирования мировой и региональной экономик в рамках ВТО/АТЭС, заслуживает внимания в контексте активизации российского участия в АТЭС и проведения будущего саммита форума во Владивостоке в 2012 г.⁹, а также заседания ДКС АТЭС в Москве в мае 2008 г. и завершающего этапа переговоров России по вступлению в ВТО. Участие российских деловых кругов в мероприятиях АТЭС, по нашему мнению, позволяет более активно использовать механизм форума для широкого диалога с зарубежными деловыми кругами, формирования международного имиджа, повышения авторитета российских компаний в мире, что полностью отвечает положениям Концепции участия России в АТЭС, одобренной в 2000 г. Президентом России.

-
1. К территориям в АТЭС относятся Тайвань и Гонконг (особый административный район КНР).
 2. Индивидуальные планы действий стран-участниц АТЭС носят добровольный характер и отражают ход реализации договоренностей в рамках форума по либерализации режима торговли и инвестиций к 2010 г. (для развитых экономик) и к 2020 г. (для развивающихся экономик).

3. На втором саммите АТЭС в Богоре (Индонезия, 1994 г.) была принята “Декларация об общей решимости экономических лидеров АТЭС”, которая определила в качестве долгосрочной цели формирование к 2010/2020 гг. системы свободной и открытой торговли и инвестиций в азиатско-тихоокеанском регионе.
4. Имеется в виду первый раунд многосторонних переговоров в рамках ВТО (“Раунд тысячелетия”). Решение об его открытии было принято в Дохе (Катар) на 4-й министерской конференции ВТО в ноябре 2001 г. В программу переговоров раунда включены вопросы доступа на рынки путем снижения тарифных и нетарифных барьеров в торговле, антидемпинговые и компенсационные меры, торговля услугами, вопросы сельского хозяйства, региональные торговые соглашения, содействие и облегчение торговли, взаимосвязи между торговлей и инвестициями, торговлей и конкурентной политикой, торговлей и защитой окружающей среды и т.д.
5. Карта деловых поездок АТЭС позволяет их владельцам совершать беспрепятственные безвизовые поездки по странам АТЭС. В настоящее время 17 стран-участниц форума, за исключением США, Канады, Мексики и России, заявили о присоединении к этой программе, но не все внедрили ее. Число карт (12 тыс.) пока относительно невелико, чтобы облегчить передвижение бизнесменов в пределах региона АТЭС через национальные границы. Сохраняются внутренние ограничительные меры регулирования, сдерживающие возможности этих карт, недостаточна степень информированности о них в иммиграционных службах стран АТЭС. В настоящее время США предпринимают меры по введению ускоренной системы прохождения границы и собеседования в американском посольстве с владельцами карт.
6. Компания “Вудсайд” (“Woodside”) — крупнейшая акционерная нефтегазовая компания Австралии. Головной офис в Перте (Западная Австралия). Персонал — около 3 тыс. чел. Рыночная капитализация — 26,5 млрд долл. С доказанными и прогнозными запасами около 1,6 млрд баррелей нефт. эквив. В 2006 году компания добыла почти 68 млн баррелей нефт. эквив. Компания продает СПГ, природный газ, нефть, конденсат и сжиженный нефтяной газ по всему миру. Имеет интересы в Африке, США и на Ближнем Востоке, основные потребительские центры — в Японии, Корее, Китае и Сингапуре. Основной бизнес Woodside сосредоточен в проекте North West Shelf Venture, крупнейшем нефтегазовом проекте Австралии, и крупнейшем заводе СПГ. Как оператор данного проекта стоимостью 17 млрд долл. Вудсайд становится крупным поставщиком СПГ, сжиженного нефтяного газа, нефти и конденсата на мировые рынки и ключевым поставщиком трубопроводного природного газа на австралийский рынок.
7. Sydney Morning Herald. 7 сент. 2007.
8. Ibid.
9. В Сиднее принято решение о проведении саммитов АТЭС в Перу (2008 г.), Сингапуре (2009 г.), Японии (2010 г.), США (2011 г.) и в России (2012 г.).

Взаимодействие КНР и центральноазиатских стран-членов ШОС в энергетической сфере

© 2008

В. Фроленков

В деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) все более усиливается акцент на экономику. Во многом это объясняется тем, что Китай (экономический "локомотив" ШОС), нуждающийся в углеводородах и гидроэнергии ЦАР и России, проявляет крайнюю заинтересованность именно в этом направлении деятельности Шанхайской группы¹. Более того, среди экспертов существует и такая, на наш взгляд, справедливая точка зрения, что региональный союз в виде ШОС может оказаться недолговечной структурой, если государства-участники не найдут коллективный подход к энергетическим проблемам, носящим не только экономический, но и политико-стратегический характер. Именно успешность управления ресурсами ШОС, в первую очередь энергетическими, обуславливает перспективность, а также параметры как хозяйственного, так и оборонно-политического сотрудничества стран-членов Шанхайской группы².

В настоящее время взаимодействие КНР и центральноазиатских стран-участниц ШОС в энергетической сфере осуществляется на двустороннем уровне.

Китай—Казахстан. На наш взгляд, эти две страны не только юридически³, но и фактически стали стратегическими партнерами, что в основном проявляется в энергетической сфере.

Казахстан занимает 13-е, а, возможно, уже и 11-е место в мире по подтвержденным запасам нефти, вдвое превосходящим запасы Северного моря. По информации специалистов из ФРГ, весьма высока вероятность того, что на его каспийском шельфе к юго-западу от Тенгиза имеются огромные запасы этого углеводорода⁴. К 2010 г. возможности Казахстана по экспорту нефти могут возрасти с нынешних 60 млн т в год до 104,3 млн т, а к 2015 г. — до 156,4 млн т в год⁵.

Казахстан к тому же является непосредственным соседом СУАР КНР (что позволяет проложить совместную трубо- и нефтетранспортную инфраструктуру кратчайшим путем) и представляет для Китая естественный сухопутный "мост" на Средний и Ближний Восток — регионы, где Пекин имеет ярко выраженные экономические интересы.

Первые попытки Китая получить доступ к казахстанским энергоресурсам датируются 1997 г., когда Китайская национальная нефтяная корпорация (КННК) — China National Petroleum Corp. (CNPC) купила 60%-й пакет акций казахстанской госкомпании "АктобеМунайГаз" (АМГ), победив в тендере неф-

тяные компании из Западной Европы и США и приобрета таким образом права на разработку двух перспективных месторождений нефти в Казахстане⁶, КННК при этом обязалась построить нефтепроводы из Казахстана в СУАР, что делает возможным экспорт в Китай до 50 млн т казахстанской нефти ежегодно⁷.

Вышеуказанная сделка расценивается как первый шаг к созданию нефтегазового маршрута из Актобе (Актюбинская область Казахстана) в китайский Алашанькоу. Проект вскоре столкнулся с трудностями — в частности, со сложностями рельефа и с обеспечением рабочей силой. В 1999 г. даже зашла речь об аннулировании проекта. И если бы Россия проявила большую заинтересованность в строительстве собственного нефтепровода в дацинском направлении, то китайско-казахстанский проект, вероятно, был бы забыт⁸.

Китайско-казахстанское сотрудничество в сфере энергетики особо интенсифицировалось с 2003 г.: события в Ираке стали еще одним свидетельством нестабильности региона Персидского залива как источника энергоносителей. Неопределенность вопроса о нефтепроводе “Ангарск—Дацин”, а также экономический бум в Казахстане побудили Пекин еще пристальнее изучить его энергетические возможности. (В мае 2003 г. КННК довела долю своего акционерного участия в АМГ до 85,42%)⁹. А главное, события 2003 г. дали реальный импульс строительству “стержневого” нефтепровода “Атасу—Алашанькоу”, имевшему свою предысторию.

В Казахстане крупный китайский бизнес в основном присутствует в нефтегазовой отрасли, будь то участие в АМГ, PetroKazakhstan или совместный проект китайско-казахстанского нефтепровода. По мнению китайской стороны, сооружение трубопровода “Атасу—Алашанькоу” — это лишь часть (вторая по счету) масштабного проекта, первая стадия которого (участок “Кенкияк—Атырау” в 448 км пропускной способностью до 15 млн т) уже соединяет нефтепромысел Кенкияк, приобретенный КННК, с каспийским портом Атырау. Если от Атырау будет сооружена связка с российскими нефтепроводами, то КННК получит возможность перегонять кенкиякскую нефть в российский порт Новороссийск для отгрузки в Европу. В 2002 г. КННК и Казахстанская национальная нефтяная и газовая компания “КазМунайГаз” (КМГ) совместно профинансировали сооружение участка “Кенкияк—Атырау”, и в марте 2003 г. началась его эксплуатация. Проблем с загрузкой этой ветки на настоящий момент не наблюдается¹⁰.

Вторая стадия проекта — это известный нефтепровод “Атасу—Алашанькоу” (из Центрального Казахстана на запад КНР). Соглашение об основных принципах его строительства стороны подписали еще в 2004 г. Было решено начать прокладку трубы в том же году и ускорить сооружение трубопровода. Главной причиной форсирования этого проекта китайской стороной опять-таки явилась многолетняя неопределенность России по вопросу маршрута нефтепровода к дальневосточным морям¹¹. Для строительства нефтемагистрали была создана совместная проектная компания ТОО “Казахстанско-китайский трубопровод”, учредителями которой стали крупнейшая нефтетранспортная компания Казахстана АО “КазТрансОйл” и КННК (СНПС) с равными долями участия. В реализацию этого проекта Китай и Казахстан вложили в общей сложности от 700 млн до 1 млрд долл.¹²

Максимальная пропускная способность нефтепровода — 20 млн т в год (хотя пока она не превышает 10 млн т в год). Сооружение нефтепровода было завершено в конце 2005 г., а фактическая сдача в эксплуатацию состоялась в декабре 2006 г. (с опозданием в полгода), хотя еще в мае 2006 г. Китай получил по не-

му первую нефть. Пока есть трудности с заполнением этой ветки. Для их разрешения Казахстану придется увеличить добычу нефти к 2015 г. до 0,5 млн т в сутки (или 156 млн т в год)¹³. Но даже при таких условиях производимой в прикаспийском регионе Казахстана нефти в перспективе может оказаться недостаточно, поэтому обе стороны заинтересованы в перегонке сибирской нефти. Сейчас по “трубе” транспортируется кумкольская и западносибирская нефть (50:50), поступающая по уже существующим нефтепроводам. В Атасу функционирует одноименная нефтеперерабатывающая станция, которая используется в качестве головной НПЗ¹⁴.

На данный момент нефтепроводный проект являет собой апофеоз китайско-казахстанского экономического сотрудничества. В конце 2006 г. во время рабочего визита Н. Назарбаева в Пекин сторонами были достигнуты принципиальные договоренности о строительстве третьей очереди этого нефтепровода. Имеется в виду строительство ветки трубопровода, призванной соединить месторождения Кенкияк и Кумколь на западе Казахстана. Благодаря ей будет образована прямая трубопроводная система от порта Атырау на Каспии через весь Казахстан к уже введенному в эксплуатацию трубопроводу “Атасу—Алашанькоу”. По реализации этого проекта будет решен вопрос загрузки основной магистрали казахстанско-китайского трубопровода, который пока заполняется только на 30%¹⁵. К 2011 г. запланировано продление нефтепровода до Душаньзы и дополнение его газовой веткой. Таким образом, доступ к Каспийскому морю может быть получен Китаем практически напрямую¹⁶.

Дабы в полной мере использовать маршрут из Казахстана, Пекин намеревается вложить более 1,2 млрд долл. во внутреннюю сеть трубопроводов, снабжающих энергией индустриальные районы на восточном побережье КНР¹⁷.

Думается, что казахстано-китайский нефтепровод вправе претендовать на статус фактора энергетической безопасности КНР. “Труба” станет для КНР безопасным источником нефти, неуязвимым для американской авиации, в отличие от “нефтяного пути” из Персидского залива или ряда стран “Черной” Африки. Реализация этого проекта даст Китаю возможность покрывать 15% его нынешних потребностей в сырой нефти¹⁸.

Строительство казахстано-китайского трубопровода несет для Пекина и другие “плюсы”. Если нефть из казахстанского Прикаспия будет направлена не в сторону Баку — Джейхан — страны ЕС—США, а в китайском направлении, то это повлечет отсрочку сооружения транскаспийского нефтепровода. И тогда КНР сможет стать крупнейшим поставщиком нефти для стран АТР, а также реэкспортировать ее в Японию, Южную Корею и, может быть, даже в США¹⁹.

По-видимому, со строительством третьей ветки нефтепровода присутствие Китая в энергодобывающем секторе Казахстана значительно расширится, ибо Пекин не только обретет доступ к перспективнейшим каспийским месторождениям, но и получит прямой выход на прииски, разрабатываемые китайскими компаниями. На казахстанском нефтяном “поле” действует не одна китайская фирма, и компании из КНР продолжают наращивать свою активность. Так, нефтедобывающая компания “КННК—АктобеМунайГаз” (“дочка” КННК) в 2007 г. инвестировала в развитие производства на 29% больше, чем в предыдущем году (до 553 млн долл.). В частности, средства предназначались для строительства первой очереди третьего Жанажолского газоперерабатывающего завода мощностью 2,2 млрд куб. м газа в год. “КННК—АктобеМунайГаз” разрабатывает месторождения Жанажол, “Кенкияк надсолевой” и “Кенкияк подсолевой”²⁰.

В августе 2005 г. КННК выкупила полный пакет акций канадской компании PetroKazakhstan. Общая сумма сделки оценивалась в 4,18 млрд долл.²¹. PetroKazakhstan, производственная мощность которой составляет 8 млн т нефти в год, занимает третью позицию в РК по подконтрольным запасам нефти после американских ChevronТехасо и TengizChevroil²².

В конце 2006 г. Китайская международная трастовая и инвестиционная компания (КМТИК) (China International Trust and Investment Corp. (CITIC)) приобрела у казахстанской “Мангистаумунайгаз” (ММГ) права на разработку Каражанбасского нефтегазового месторождения, с доказанными запасами нефти в 40 млн т (по другим данным — 53 млн т²³), хотя некоторые депутаты казахстанского парламента высказывались против этой сделки, полагая, что расширяющееся участие капитала одной страны в энергетическом секторе Казахстана таит угрозу его национальной безопасности. Хотя по суммарной нефтедобыче китайские компании в Казахстане значительно отстают от американских фирм, но по темпам приобретения активов и осуществления инфраструктурных энергопроектов они существенно опережают всех²⁴.

С успешным завершением сделки с ММГ, добывающей около 7% годового объема нефти в Казахстане, Китай обрел контроль над примерно 22% добываемой в Казахстане нефти²⁵. По другим данным, эта доля достигает 40%. Данное обстоятельство ассоциируется с ростом политического влияния КНР в Казахстане.

В энергетическом взаимодействии с правительством Казахстана Пекин демонстрирует готовность на компромисс: КННК пошла навстречу государственной “КазМунайГаз”, когда та выразила желание приобрести у китайской компании часть акций PetroKazakhstan, чтобы поддержать контроль над разработкой минеральных ресурсов страны и, в частности, над Шымкентским НПЗ, имеющим стратегическое значение. В результате этой сделки стороны стали в равной доле получать продукцию Шымкентского НПЗ²⁶. Этот завод является самым современным в Казахстане, его производительность — около 5,5 млн т нефтепродуктов в год²⁷.

Что касается казахстано-китайского газопровода, то переговоры о нем успешно завершились подписанием соответствующего договора между КМГ и КННК. Сооружение его стороны намерены начать в 2008 г., а ввести в эксплуатацию первую очередь — в 2009 г. На первом этапе в Китай будет транспортироваться примерно 10 млрд куб. м газа в год. Ввод в эксплуатацию второй очереди запланирован на 2012 г. Тогда мощность газопровода должна возрасти почти втрое — до 30 млрд куб. м газа в год²⁸.

Со стороны Казахстана реализация этого проекта нацелена на снижение зависимости от российского “Газпрома”, контролирующего все транзитные маршруты экспорта газа из государств Центральной Азии²⁹. Заинтересованная в диверсификации своих газопоставок, Астана прорабатывает планы поставки по этому трубопроводу не только казахстанского, но также узбекского и туркменского газа.

В Казахстане рассматривалось несколько вариантов экспорта газа. Первый — транспортировка туркменского и узбекского газа по уже существующему трубопроводу в южном Казахстане, через который газ идет в Алматы. Дальнейшая прокладка трубопровода до китайской границы Астане виделась несложной. Среди других рассматривавшихся вариантов — путь через южно-казахстанский город Шымкент, а также маршруты, начинающиеся в российском Омске и идущие через Астану в Китай³⁰. Выбран маршрут “Атырау — Актобе — Атасу — Алашанькоу”.

Китай также заинтересован в получении казахстанской электроэнергии. Сторонами планируется реализация совместного проекта по строительству мощной ТЭС на углях Экибастуза (стоимостью 4 млрд долл.) и линии электропередач от нее³¹. Также идут подготовительные работы по совместному проекту строительства Мойнакской ГЭС.

В ядерно-энергетической сфере сотрудничества двух стран также наблюдаются подвижки. Так, в 2007 г. между казахстанской госкомпанией «Казатомпром» и китайской государственной Гуандунской атомно-энергетической корпорацией (China Guangdong Nuclear Power Holding — CGNPC) заключено соглашение «О расширении и углублении стратегического сотрудничества» в области изготовления ядерного топлива для АЭС Китая, а также ресурсного снабжения развивающейся атомной энергетики КНР³². Сейчас «Казатомпром» сотрудничает с КНР через свое дочернее предприятие, которое поставляет Китаю продукцию на основе бериллия. Помимо Казахстана, такая продукция производится только в США³³.

Итак у Казахстана, более 70% природных ресурсов которого находится под контролем западных компаний, возникает им экономический противовес им в лице партнеров из Азии. И даже дееспособность ШОС Астана увязывает с успехом проектов и договоренностей в области энергетического сотрудничества стран-участниц³⁴.

Казахстан рассматривает расширение сотрудничества с КНР в области ТЭК также и как средство реструктуризации и диверсификации казахстано-китайской торговли в целом. Он заинтересован в увеличении экспорта в Китай продукции с высокой добавленной стоимостью с целью сокращения отрицательного сальдо своей торговли с КНР. В этой связи видятся полезными и прямые региональные связи, и связи между предприятиями двух стран³⁵.

Во время визита в Казахстан председателя КНР Ху Цзиньтао в августе 2007 г. был подписан еще ряд соглашений. Два наиболее важных касались формирования нефте- и газовых «связок» между Казахстаном, КНР и Туркменией. Одно из соглашений касалось условий завершения строительства нефтепровода «Китай—Казахстан», который позволит поставлять в западный Китай 143 тыс. т в день, или 52,2 млн т в год³⁶. Согласно другому — туркменский газ будет транспортироваться в КНР через территории Узбекистана и Казахстана. Это соглашение было подписано в дополнение к соглашению Китая с Туркменией о сооружении газопровода «Туркмения-Китай»³⁷.

Окончательный маршрут нового газопровода для туркменского газа, видимо, не будет определен до тех пор, пока Пекин не удостоверится, что китайские компании отобрали лучшие газовые проекты в Казахстане, Туркменистане, Узбекистане, а также и Кыргызстане (который выразил желание проложить участок «трубы» на своей территории). Итоговый вариант, скорее всего, будет разработан исходя из интересов оптимального стыка соответствующих трубопроводов с уже имеющимися газопроводами. Этот стык наиболее важен для Узбекистана, где многие газовые месторождения связаны только с центральноазиатскими рынками³⁸.

Несмотря на все успехи китайского бизнеса в Казахстане, пока существуют два основных ограничителя экономического влияния Пекина в этой стране. Во-первых, это ориентированность северных регионов Казахстана, где проживает большое количество этнических русских, на экономику России. Во-вторых, это присутствие и интересы крупных западных корпораций в Казахстане. Хотя

инвестиции Китая в казахстанскую энергетику значительны (в одну только разработку Узенского нефтяного месторождения и строительство нефтепровода вложено 9 млрд долл.), их превосходят капиталовложения западных компаний (например, 20 млрд долл. от “Shevron”, вложенных в разработку Тенгизского нефтяного месторождения)³⁹. Другие международные компании — “Agip”, “British Gas”, “BP”, “Mobil”, “Total” и т.д. также заключили соглашения на разработку различных нефтяных месторождений в Казахстане. По всей видимости, заинтересованность Астаны в масштабных западных “вливаниях” ставит рамки экономическому влиянию Китая в РК.

КНР — Кыргызстан. Наиболее важной инициативой в китайско-кыргызском энергетическом сотрудничестве является предложение Бишкека предоставить свою территорию для газопровода из Туркменистана, ввод в эксплуатацию которого запланирован на 2009 г. Бишкек даже готов вложить в этот проект собственные бюджетные средства. Если эти намерения осуществляются, то газопровод пройдет через Ферганскую долину, которую в КНР считают очагом нестабильности в регионе⁴⁰. Забота о безопасности газопровода может стать для Пекина мотивом усиления не только своего экономического, но и политического, а также оборонного влияния в Кыргызстане.

В настоящее время реализуется проект строительства газопровода из Узбекистана в Китай. Часть его пройдет по кыргызской территории. Для этого госконцерн “Узбекнефтегаз” проводит реконструкцию газопровода “Мубарек — Янгиер — Андижан (все три — в Узбекистане) — Ош (Кыргызстан)”. Далее, с участием казахских и китайских компаний строится новый газопровод “Ош — Кашгар”. Его мощность должна составить не менее 20 млрд куб. м в год⁴¹.

Кроме того, Пекин и Бишкек заинтересованы в увеличении поставок кыргызской электроэнергии в приграничные районы КНР. На сегодняшний день объем энергопоставок из Кыргызстана в Китай составляет 1,5 млн кВт/ч ежегодно⁴².

Кыргызско-китайская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству разработала специальную программу многопланового партнерства двух стран на 2004—2014 гг. В этой программе сторонам удалось документально закрепить пункт о прокладке между Кыргызстаном и КНР 35-киловольтной электролинии. Наряду с этим кыргызская сторона предложила китайским энергетикам сотрудничать в таких направлениях, как параллельная работа двух энергосистем и транзит электроэнергии, инвестиции в гидростроительство и осуществление энергопоставок в крупных объемах⁴³, а также строительство и модернизация электросетей и электростанций, особенно работающих на угле, реконструкция ТЭЦ в Бишкеке. В частности, в 2006 г. энергетические ведомства Китая и Кыргызстана подписали протокол о намерениях в сфере долговременного энергетического сотрудничества. Китай заинтересован в энергетическом сотрудничестве с Кыргызстаном с точки зрения развития своей самой западной части — района Кашгара.

Китайские и кыргызские компании проводят реконструкцию Учкурганской ГЭС, строительство каскада Сарыджанских и Камбаратинских ГЭС, а также сооружение линии электропередач до Кашгара. К этим энергетическим проектам готов подключиться и Таджикистан⁴⁴.

Предприниматели из Кыргызстана и китайские компании уже ведут поставки кыргызского угля в южные районы СУАР⁴⁵.

В августе 2007 г. китайская нефтеразведочная компания Zhungneng Co. Ltd. по итогам тендера приобрела 100%-й пакет акций АО “Баткеннефтегаз” (нефте- и газодобыча, геологоразведочные работы). Новый собственник обязуется инвестировать в “Баткеннефтегаз” 66,5 млн долл.⁴⁶, увеличить производственные мощности по добыче нефти и газа на юге Кыргызстана, погасить кредиторскую задолженность предприятия и помочь ему выйти на новые рынки сбыта⁴⁷.

КНР — Узбекистан. Как и в случае Казахстана, топливная энергетика — самое многообещающее направление китайско-узбекского сотрудничества. Почти 60% территории Узбекистана содержат месторождения углеводородного сырья. Объемы разведанных запасов нефти и газа на открытых месторождениях превышают 2 трлн т условного топлива⁴⁸. Неудивительно, что КНР имеет здесь свои ярко выраженные нефтегазовые интересы. В свою очередь, среди мотивов присоединения Узбекистана к “Шанхайской пятерке” в июне 2001 г. было его стремление участвовать в проектах поставки углеводородов в КНР⁴⁹.

Китайский капитал пришел в нефтегазовую сферу Узбекистана сравнительно недавно: согласно постановлению узбекского правительства от 19 июля 2004 г. “О мерах по дальнейшему развитию сотрудничества с КНР”. И тогда на долю КННК пришелся наиболее крупный объем инвестиций (28 млн долл.), предназначенных для доразведки, обустройства и ввода в эксплуатацию месторождений с трудноизвлекаемыми запасами углеводородов (Арнияз, Сардоб, Марковское, Умид).

Компания “Дуншэн” занялась созданием СП по производству геологоразведочных работ и реабилитации месторождения в Андижанской области. CNMEC осуществила многомиллионные капиталовложения в изготовление морской буровой установки для работы в акватории Аральского моря⁵⁰. Еще в 2004 г. Пекин объявил о своих планах вложить примерно 100 млн долл. в совместную газо- и нефтедобычу на западе Узбекистана, а также в Ферганской долине⁵¹. А в течение 2006—2011 гг. в разработку месторождений газа в Узбекистане китайцы в обязались вложить 208 млн долл.⁵²

Позднее, во время государственного визита И. Каримова в Пекин (май 2005 г.) между Китаем и Узбекистаном был подписан ряд государственных и межправительственных соглашений, в том числе свыше 20 инвестиционных среднесрочных и долгосрочных соглашений, кредитных договоров и контрактов на общую сумму около 1,5 млрд долл.⁵³ В ходе этого визита между государственной холдинговой компанией “Узбекнефтегаз” и КННК было заключено соглашение по созданию СП с объемом прямых инвестиций около 600 млн долл.⁵⁴, в том числе, связанное с разработкой 23-х небольших нефтяных месторождений в Бухарской области. Информация об этом соглашении поступило мало, но само расположение этих залежей позволяет полагать, что Пекин надеется на существование в них больших запасов газа⁵⁵ и, возможно, планирует задействовать их ресурсы для подключения к намечаемому узбекско-китайскому газопроводу, соглашение о сооружении которого было подписано сторонами позже — в апреле 2007 г.

В настоящее время помимо инвестиций, осуществляемых согласно уже заключенным двусторонним соглашениям, Пекин намеревается вложить в Узбекистане еще 1 млрд долл. в новые проекты⁵⁶.

КННК осенью 2006 г. в составе международного консорциума (КННК, “Узбекнефтегаз”, российская “Лукойл”, южнокорейская КНОС и малайзийская “Petronas”) подписала с правительством Узбекистана соглашение о разделе продукции по проекту проведения геологоразведки и разработки на нефтегазовых мес-

торождениях в узбекской части Аральского моря. По оценкам экспертов 10 тыс кв. км узбекской части Аральского моря обладают богатейшими ресурсами нефти и газа⁵⁷. Иностранным инвесторам, участвующим в проведении геологоразведочных работ на территории Узбекистана, предоставлены существенные льготы⁵⁸.

В декабре 2006 г. КННК приобрела лицензию “Узбекнефтегаз” на геологоразведочные работы на Устюртской, Бухаро-Хивинской и Ферганской нефтегазоносных площадках. В этой связи между “Узбекнефтегазом” и китайской корпорацией “Sinopet” подписан Меморандум о сотрудничестве при стоимости проекта 106 млн долл.⁵⁹

В апреле 2007 г. “Узбекнефтегаз” и КННК заключили соглашение о сооружении 530-километрового газопровода. Заявлений относительно стоимости проекта, сроков его реализации пока сделано не было. Трубопровод возьмет начало в г. Алата, что в 20 км от границы с Туркменистаном. Будут использованы действующие участки магистрального газопровода “Бухара—Урал”, далее нитка пойдет через территорию Узбекистана в Казахстан с выходом на строящийся газопровод “Казахстан—Китай”. Этот проект призван ускорить строительство газопровода из Туркмении в Китай: Ашхабад обязался с 2009 г. поставлять ему ежегодно 30 млрд куб. м газа⁶⁰, и ветка из Туркменистана должна обеспечить перегон этих объемов. Создана рабочая группа для разработки предварительного технико-экономического обоснования проекта, призванного, в частности, определить окончательный маршрут газопровода. (Пока еще возможна прокладка его через территорию Кыргызстана, весьма этого желающего).

Тогда же Китай и Узбекистан договорились о совместной доразведке и разработке нефтегазовых месторождения Мингбулак в Ферганской долине⁶¹.

Несмотря на планы по транзиту туркменского газа, энергетическое соперничество Узбекистана с Туркменией может быть весьма острым. Видимо газопровод из Узбекистана в КНР был задуман и для того, чтобы нивелировать узбекско-туркменское соперничество за газовый рынок Китая. В конкурентной борьбе за китайский рынок газа более успешным будет та страна ЦАР, которой удастся не только эффективнее развивать газодобычу, но и привлекать инвестиции соответствующего назначения.

По всей видимости, для Узбекистана, а также для других газоносных стран региона (в основном — Туркмении) мощным стимулом к развитию взаимодействия с Китаем является стремление снизить коммерческую зависимость от России, закупающей центральноазиатский газ по ценам ниже рыночных, а также ослабить привязку к РФ как монопольному транзитеру газа за пределы ЦАР. Планируемый газовый проект способен быть весомым политическим аргументом в переговорах с Россией по ценам на газ⁶².

Итак, по всей видимости, Пекин, пользуясь изменчивостью экономической ситуации в Узбекистане, старается опередить те нефтяные и газовые компании других стран, которые пока еще медлят со входом в Узбекистан. Расширение позиций в Узбекистане есть часть стратегии китайских нефтегазовых компаний по закреплению на территории ЦАР⁶³. Кроме того, стратегия Китая состоит в том, чтобы заполнять свой внутренний газопровод “Запад—Восток” за счет газа из Центральной Азии и по возможности пока не использовать собственные месторождения, сохраняя их на будущее⁶⁴. А поскольку Китай планирует приступить в 2008 г. к строительству еще одного национального газопровода, который соединит северо-западные районы страны с южными, то углеводороды Узбекистана представляют для КННК особый интерес. Эта компания активизирует

вала переговоры со всеми газоносными странами ЦАР о закупках газа для его транспортировки из СУАР в провинцию Гуандун.

КНР — Таджикистан. Известно, что в 2004 г. Китай предложил странам ШОС более 900 млн долл. кредита в целях стимулирования их импорта из КНР. Однако есть данные, что в отношении Таджикистана Пекин решил частично актуализировать это кредитное предложение для инвестирования в транспортную и электроэнергетическую инфраструктуру страны. Как и в случае Кыргызстана, у Пекина вызывают большой интерес энергетические возможности Таджикистана, однако сотрудничество в этой сфере, за редким исключением, еще не перешло в стадию масштабной практической реализации.

В июле 2005 г. в ходе встречи президента страны Э. Рахмона и первого заместителя премьера Госсовета КНР У И были обсуждены возможности участия КНР в возведении каскада различных по типу и мощности ГЭС, строительстве ЛЭП “Юг—Север” и т.д. Примерно до середины 2006 г. стороны обсуждали детали реализации и финансирования проектов за счет упомянутого кредита. В конце 2006 г. началось сооружение ЛЭП—500 “Север—Юг” (350 км), ЛЭП—220 “Лолазор—Оби Мазор” (93 км). (Возможно, что позже эта ЛЭП будет продлена до Хатлона). Строительство указанных двух ЛЭП названо важнейшим электроэнергетическим проектом в Таджикистане⁶⁵.

В ноябре 2006 г. китайская корпорация “Sinohydro” заявила о своей готовности участвовать в реализации проекта строительства одной гидроэлектростанции (ГЭС) на реке Зеравшан⁶⁶. Ожидается скорое начало соответствующих работ. Эксимбанк КНР решил финансировать Зеравшанский проект стоимостью в 260 млн долл.⁶⁷ Кроме того, китайских инвесторов интересует в Таджикистане сотрудничество по модернизации и запуску Нурекской, Кайраккумской и Головной ГЭС. (На модернизацию одной только Нурекской ГЭС необходимо более 300 млн долл.)⁶⁸.

Во время своего визита в Пекин в январе 2007 г. Э. Рахмон предложил Пекину инвестировать еще в ряд двусторонних экономических проектов. На основе китайских капиталовложений Таджикистан намеревается построить уже не одну, а целых три ГЭС на реке Зеравшан⁶⁹.

Китайская стратегия в ЦАР

Итак, следует отметить, что Китай путем “перекоммутации” на себя трубопроводов не только намерен активировать новые источники углеводородов в ЦАР, но и перенаправить на себя уже имеющиеся ресурсы, которые поступают или поступили бы в Россию в будущем. переброска энергопотоков в Центральной Азии с западного направления на юго-восточное знаменует собой сдвиг в региональной расстановке сил, поскольку благодаря ей происходит ограничение позиций РФ как монотранзитера центральноазиатских углеводородов.

Пекин аргументирует свои действия в ЦАР стремлением умело использовать фактор взаимодополняемости и сравнительные экономические преимущества КНР и центральноазиатских стран. Это видится ему одним из важных направлений экономического курса в ЦАР⁷⁰. (Надо признать, что крупные энергетические проекты, такие, как нефтепровод “Атасу—Алашанькоу”, действительно могут способствовать формированию интегрируемого энергетического пространства в рамках ШОС).

Если расценивать энергетическое сотрудничество Китая и стран региона как особый политико-экономический механизм ориентирования центральноази-

атских государств на Китай, то надо признать, что Пекин всячески стремится повысить эффективность этого механизма. Китай охотно переплачивает за приобретение контроля над желаемыми активами и даже позволяет себе нести убытки, как это случилось, когда КННК уступила “КазМунайГазу” часть акций PetroKazakhstan⁷¹. Пекин объяснил это своей доброй политической волей, намерением сгладить озабоченность некоторых депутатов Казахстанского парламента, обеспокоенных превалированием в нефтегазовой сфере их страны иностранных компаний. Но, думается, эта акция диктовалась стремлением Китая оперативно расширить свое присутствие в стратегических отраслях экономики Казахстана и таким образом консолидировать свои генеральные позиции в этой стране.

Несмотря на некоторые подвижки в сфере коллективного сотрудничества в рамках ШОС, материально осязаемое взаимодействие между странами-членами организации пока реализуется в основном на двусторонней основе не только в топливно-энергетической отрасли, но и в области добычи полезных ископаемых, в нефтехимической, пищевой и легкой промышленности и сельском хозяйстве. К тому же ни одна из стран ЦАР не вышла ощутимым образом на внутренний китайский рынок с товарами, иными, нежели сырье. Государства ЦА, похоже, уже обрели статус перманентных поставщиков сырья в КНР и покупателей его потребительских товаров. Данное обстоятельство может стать фактором, способствующим торможению промышленного развития стран региона вследствие утечки капитала и застоя перерабатывающих отраслей⁷². Таким образом, даже государства-участники ШОС пока не могут качественно воспользоваться плодами развития Китая. Даже Казахстан и Узбекистан, достигшие определенных успехов в возрождении своей перерабатывающей промышленности, и то вынуждены довольствоваться ролью нетто-поставщиков сырья в КНР. Положение же Киргизии и Таджикистана в этом плане еще более незавидно⁷³.

Складывающаяся парадигма экономического диалога “Китай — страны ЦАР” по схеме “сырьевые ресурсы в обмен на готовую продукцию” свидетельствует о том, что в условиях глобализации (которая для региона все больше носит “китайское лицо”) центральноазиатским странам (так и не сумевшим образовать эффективный региональный экономический союз) пока отводится не особо комфортная “ниша”⁷⁴. Поскольку основные доходы в торговле с КНР страны региона извлекают от экспорта энергоресурсов, то в итоге получается, что нефтегазовые секторы центральноазиатских государств постепенно переориентируются на обслуживание экономических интересов китайских покупателей углеводородов, а не отечественных потребителей. Это ведет к тому, что при квалифицированной переработке нефти и газа основная часть прибыли формируется за пределами ЦАР⁷⁵.

Идея создания “Энергетического клуба” ШОС

В поисках оздоровления ситуации, а также оптимизации и координации усилий Шанхайского сообщества по реализации совместных энергопроектов, его политическим и экспертным сообществом все активнее обсуждается идея создания “Энергетического клуба” (ЭК) ШОС, высказанная российским Президентом В. Путиным на юбилейном саммите ШОС (Шанхай, 2006 г.).

Инициатива подобного рода выдвигалась и ранее: еще в 2005 г. президент РК Н. Назарбаев предложил идею о разработке в рамках ШОС “Азиатской энергетической стратегии”. Казахская “Азиатская энергетическая страте-

гия” вполне вписывается в российскую идею ЭК ШОС, поскольку в основе обеих лежит признание необходимости надежного энергообеспечения экономик стран-участниц, в том числе, на случай возникновения чрезвычайных ситуаций, а также создания экономических условий, обеспечивающих равную выгоду от поставок энергоресурсов на внутренний и внешний рынки⁷⁶. Над этими вопросами работали в Астане, и уже на Бишкекский саммит в 2007 г. Н. Назарбаев привез проект Стратегии, которая предусматривает “создание мозгового центра, своеобразного банка данных о сотрудничестве в энергетической сфере”, что можно было бы осуществить “посредством создания энергетической биржи ШОС”⁷⁷.

Для ряда центральноазиатских экспертов способность стран-членов организации, а также некоторых государств-наблюдателей — Индии, Ирана, Пакистана (и ряда других близлежащих стран) — образовать единое энергетическое пространство представляется несомненной. По их мнению, для создания энергетического рынка XXI в. эти страны вполне способны объединить капиталы, природные ресурсы, людской потенциал, технические и производственные возможности и т.д. А если принять во внимание динамичный экономический рост государств ШОС и, в частности, их совокупного ВВП, наличие трубопроводной базы, а также значительных гидроресурсов, то интегрированный энергорынок организации имеет все шансы быть созданным в самое ближайшее время⁷⁸. Узбекский эксперт Г. Каримова полагает, что в рамках Организации уже нарождается тенденция регулирования интересов как производителей, так и потребителей энергоресурсов⁷⁹. (Страны-производители — это Россия, Казахстан, Узбекистан, Иран (впоследствии, возможно, Туркменистан, а также Азербайджан); страны-потребители — Китай, Таджикистан, Кыргызстан. Индия, Пакистан).

Думается, что препятствий на пути развития этой тенденции немало, ибо достичь понимания в таких чувствительных сферах, как энергоснабжение и энергополитика в принципе нелегко: у стран-участниц ШОС существуют взаимные противоречия по вопросу энергетического взаимодействия. Например, Китай заинтересован в массивных поставках углеводородов для своего развития; а Россия обеспокоена вероятным переадресованием центральноазиатских энергетических потоков с ее транспортных сетей на Восток, чего, по сути, добивается Пекин. К тому же Казахстан и Узбекистан не прочь диверсифицировать пути экспорта своих углеводородов, причем в обход РФ. У Таджикистана и Кыргызстана, как производителей гидроэнергии, весьма непросто складываются финансовые отношения с ее ближайшими потребителями — Узбекистаном и Казахстаном ввиду проблем в обмене узбекского газа и казахстанской нефти на электричество и водные ресурсы первых двух стран. А иницилируемые странами ЦАР и ЕвразЭС проекты по созданию водных консорциумов пока не эффективны и не снижают напряженности в соответствующих двусторонних связях⁸⁰.

Регулирование рынка энергоресурсов не может быть успешным без принятия политических решений по таким вопросам, как: коридор цен, согласование тарифов на транспортировку, налоги и пошлины. И вот здесь-то ЭК ШОС и мог бы продемонстрировать свою полезность, став площадкой для заинтересованного обсуждения и достижения компромиссов. Сейчас идея ЭК изучается сразу в нескольких центрах: в Деловом совете ШОС, в исследовательских структурах в РФ, Узбекистане и Казахстане, которые не только работают над самой концепцией ЭК, но и над ее корреляцией с “Азиатской энергетической стратегией”.

В принципе, реализация концепции ЭК могла бы способствовать не только выстраиванию в рамках ШОС самодостаточной энергетической структуры

“производитель — поставщик — потребитель”, но и внести новые ресурсы в традиционные направления работы организации — безопасность и экономика. “Клубный” принцип предполагает сотрудничество не только членов ШОС (и соответствующих министерств), но и государств-наблюдателей, негосударственных образований, а также третьих стран. Это позволило бы вовлечь в энергетическое сотрудничество, в частности, такие государства, как Туркменистан. В рамках “клубного” подхода вероятно подключение к взаимодействию и других субъектов⁸¹.

Однако, на наш взгляд, в случае реализации идеи ЭК ШОС, основной функцией этой структуры (хотя бы на первом этапе ее работы), станет нечто иное, а именно профилактика и/или разрешение противоречий, возникающих на почве несоответствия интересов стран-членов, производящих энергоресурсы, и государств-участников, их потребляющих. Деятельность Энергклуба могла бы предотвратить вероятные конфликты, а может, наоборот, ярче высветить их⁸² с целью, если не устранения (что объективно весьма трудно), то хотя бы действенного управления ими. И здесь принципиально важным станет своевременность выработки силами ШОС процедур, механизмов, юридического обеспечения как для согласования интересов, так и для рассмотрения возникающих коллизий в сфере ответственности ЭК.

1. См., например, *Common cause in Central Asia*. Editorial // *The Japan Times*. 2007. 30th August. Alyakrinskaya N. SCO: Pragmatism Gains the Upper Hand // *The Moscow Times*, 2007. 31st August.
2. См. Харитонова Н.И. ШОС: параметры энергетического диалога. — <http://www.postsoviet.ru/page.php?pid=32>.
3. В июле 2005 г. в Совестной декларации Китая и Казахстана об установлении и развитии стратегического партнерства стороны придали своим отношениям именно этот статус // Сайт Посольства КНР в РФ. — <http://ru.china-embassy.org/rus/xwdt/t202659.htm>.
4. *Engdahl F. W. Central Asia, Washington and Beijing Energy Geo-politics by December 19, 2005*. — <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=viewArticle&code=%20EN20051219&articleId=15622>.
5. Пересчитано из баррелей в тонны (1 т = 7 барр.) и из суточных объемов в годовые на основании: Элосы Чжунъя Дуноу шичан. 2006. № 1. С. 1—2.
6. Interview with Yao Peisheng, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the People's Republic of China. — <http://www.winne.com/kazakhstan/vi01.html>.
7. *Chan J. Economic and strategic interests at stake. China pushes into Central Asia for oil and gas*. — <http://wsws.org/articles/2001/jan2001/oil-j03.shtml/>.
8. Бланк С. Потребность в энергии — главная движущая сила китайско-казахстанского сближения — <http://www.eurasianet.org/eurasianet/russian/departments/insight/articles/eav110904ru.shtml>.
9. *Zhao Huasheng. Central Asia and China's Policy // Rumer E., Trenin. D, Huasheng Zhao. Central Asia. Views from Washington, Moscow, and Beijing/Introduction by Rajan Menon. Armonk, NY, L.: M.E.Sharpe, 2007. P.166*.
10. *Zhao Huasheng. Ibidem. P.167*.
11. Международные аспекты сотрудничества в энергетической сфере: Аналитические записки. Вып. 4(6). М.: Науч.-координац. совет по международ. исслед. МГИМО(У) МИД РФ, 2005. Март. С. 26.
12. Хашимов А. Шанхай хэцзо цзучжи куанцзя нэй нэнюань линиюдэ хэцзо цянъцзин [Перспективы сотрудничества в области энергетики в рамках ШОС] // Элосы Чжунъя Дуноу шичан. 2006. № 1. С. 2; Бахтигареев Р. Нефть потекла в Китай // Экспресс К

- (Ленинская смена). 2006. 26 мая. http://www.express-k.kz/show_article.php?art_id=204; Жэньминь жибао, — <http://russian.people.com.cn/31519/3918704.html>.
13. Перерасчет из баррелей в тонны и в годовые объемы из суточных из расчета 1 т — 7 барр. при традиционной продолжительности года — 365 дней на основании: Элосы Чжунъя Дуноу шичан. 2006. № 1. С. 1—2.
 14. *Хашимов А.* Указ.соч. — С. 2; *Бахтигареев Р.* Указ.соч.
 15. Concerns at Growth of Chinese-Owned Oil Assets. — // http://www.iwpr.net/?p=bkz&s=b&o=325228&apc_state=henbbkzdate200611; Сатпаев Д. ШОС хочет опираться на два “колеса” // <http://russian.sme.gov.cn/zhuanlan/fazhan/20070523/101638.html>.
 16. *Курманова А.* Ждать ли экспансии? Современная нефтегазовая стратегия Китая и ее отражение в странах Центральной Азии // Республика, 2007. 19 января.
 17. <http://www.eurasianet.org/eurasianet/russian/departments/insight/articles/eav110904rus.shtml>.
 18. Engdahl W. F. Указ.соч.
 19. <http://www.abkhaziainfo.f2o.org/publications/EplpVVkukFwpcmb.shtml>.
 20. В 2007 г CNPC—Актобемунайгаз намерена увеличить объем инвестиций на 29% до \$553 млн — // <http://news.kkb.kz>.
 21. *Хашимов А.* Указ. соч С. 4.
 22. *Zhao Huasheng.* Op. cit. P.166; Элосы Чжунъя Дуноу шичан. 2006. 1. С. 4.
 - 23.
 24. Chinese Influence on Kazak Oil to Grow. — // http://www.iwpr.net/?p=bkz&s=b&o=328336&apc_state=henbbkzdate2007.
 25. Рассчитано на основании того, что в 2007 г. доля китайских компаний в добыче нефти в Казахстане составила 13 млн т при ежегодной общей добыче в РК в 60 млн т.
 26. *Brill O.M.* Is China A Reliable Stakeholder in Central Asia? Testimony before the U.S.-China // Economic and Security Review Commission. 2006. 4 Aug.— // <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=18606&prog=zru>; <http://www.kub.kz/article.php?sid=14148>; *Chan J.* Указ.соч.; См. также: *Swanstrym N.* China and Central Asia: a new Great Game or traditional vassal relations?. — // <http://www.uofaweb.ualberta.ca/chinainstitute/nav03.cfm?nav03=43880&nav02=43096&nav01=42792>.
 27. *Бутырина Н.* Указ.соч.
 28. *Нусупов А.* На заданной высоте // Экспресс-К (Ленинская смена). 21.03.2007. // 21 марта.— http://www.express-k.kz/show_article.php?art_id=7805; Первая очередь казахстанско-китайского газопровода должна быть построена к 2009 году // Издательский дом Казахстаника. — // <http://www.investkz.com/articles/278.html>.
 29. *Сатпаев Д.* Китайская пятилетка. Экономическая экспансия Поднебесной станет еще заметнее. — // <http://www.liter.kz/print.php?lan=russian&id=167&pub=3193>.
 30. *Бланк С.* Указ.соч.; см. также: <http://www.investkz.com/articles/278.html>.
 31. *Brill O.M.* Указ.соч.; см.также: <http://www.kub.kz/article.php?sid=14148>.
 32. Казатомпром и китайская CGNPC заключили соглашение. — // <http://www.investkz.com/articles/1013.html>.
 33. *Азовский А.П.* Китай и страны Центральной Азии: экономические отношения // Восток. 2005. № 1. С. 131.
 34. *Харитонова Н.И.* Указ.соч.
 35. Жэньминь жибао // - <http://russian.people.com.cn/31521/3947815.html>.
 36. Пересчитано из баррелей в тонны и из суточных объемов в годовые на основании: Stratfor Global Market Brief. 2007. 21 авр.
 37. Stratfor Global Market Brief. 2007. 21 авр. — <http://www.rosinvest.com/news/320512/>.
 38. *Brill O.M.* Указ.соч.
 39. *Пашкин Д.М.* Китайско-Центрально-Азиатские отношения в двадцать первом веке // — <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/16/pash>.
 40. <http://www.eurasianhome.org/xml/t/digest.xml?lang=ru&nic=digest&pid=2270>.

41. *Верхотуров Д.* Китай оказывает поддержку Киргизии // — <http://www.asiainform.ru/rusdoc/6751.htm>.
42. Китайская экспансия в Среднюю Азию: игра на опережение или наступление? Мнение экспертов // — <http://pda.regnum.ru/news/issues/866290.html>.
43. Вечерний Бишкек. 2004. 23 нояб.
44. *Сатпаев Д.* Китай на проводе. К каждой стране Центральной Азии у Пекина свой подход // Независимая газета. 2007. 22 янв. // — http://www.ng.ru/courier/2007-01-22/19_china.html; *Сатпаев Д.* ШОС хочет опираться на два “колеса” // — <http://www.svobodnaya-gruzia.com/supplement/?p=115-116/08>; *Верхотуров Д.* Указ.соч.
45. Слово Кыргызстана. — <http://www.sk.kg/2005/n86/obch18.html>.
46. Сумма переведена в доллары из расчета 1 сом = 34,5 долл. США.
47. Слово Кыргызстана. 2007. 23 авг.
48. Официальный сайт Министерства иностранных дел РУ // — <http://www.mfa.uz/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=215>.
49. См.: Международные аспекты сотрудничества в энергетической сфере. Аналитические записки. С. 27.
50. *Степанова В.* Капиталы для нефтегазовой сферы // — <http://www.pv.uz/?inc=2&snd=1&news=367>.
51. Элосы Чжунъя Дуоуу шичан. 2006. № 1. С. 3.
52. *Куртов А.* Шанхайский триумф (2006 г.) // — <http://www.novopol.ru/article9490.html>.
53. Официальный сайт Министерства иностранных дел РУ // — <http://www.mfa.uz/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=215>.
54. *Су Чан.* Чжун-У цзинмао гуанси сяньчжуан цзи фачжань цянънзин [Состояние китайско-узбекских торгово-экономических отношений и перспективы их развития] // Элосы Чжунъя Дуоуу шичан. 2006. № 2. С. 29.
55. Китай планирует закупать газ в Казахстане и Туркмении для заполнения трубопровода, строительство которого намечено на 2008. // — <http://www.asiainform.ru/rusdoc/15539.htm>.
56. Элосы Чжунъя Дуоуу шичан. 2006. № 1. С. 3.
57. Китайская национальная нефтедобывающая корпорация будет вести разведку газа и нефти в Узбекистане // Официальный сайт ШОС. // — http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?col_no=345&a_no=43554.
58. Сайт МИД РУ // — <http://www.mfa.uz/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=215>.
59. *Орлова Т.* Узбекско-китайский бизнес-форум. // — <http://www.pv.uz/?inc=2&snd=3&news=1686>.
60. *Larrabee S. F.* Asia's Great Game. — www.rand.org/commentary/030507UPI.html.
61. <http://www.asiainform.ru/rusdoc/16396.htm> ; см. также: Новый узбекско-китайский газопровод будет предназначен для транзита туркменского газа // <http://www.asiainform.ru/rusdoc/16491.htm>.
62. <http://www.asiainform.ru/rusdoc/16396.htm>.
63. China Moves into Uzbek Energy. — http://www.iwpr.net/?p=buz&s=b&o=328985&arc_state=henbbuzdate2007; *Сатпаев Д.* Китай на проводе....
64. *Красинская А.* Указ.соч.
65. *Абдулло Р. Г., Усенбаев Д.* ШОС и страны Центральной Азии. — // <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1181133540>; *Талбак Назаров:* ШОС — признанный фактор международной жизни. Интервью министра иностранных дел Республики Таджикистан // Компас (ИТАР-ТАСС). 2006. № 24. С. 40 ; *Абдулло Р.Г.* ШОС и страны Центральной Азии // <http://www.asiainform.ru/rusdoc/16220.htm> ; Китай и Таджикистан подписали контракты на общую сумму 340 млн долл. США // Жэньминь жибао. — <http://russian1.people.com.cn/31521/4477590.html>.
66. *Сатпаев Д.* ШОС хочет опираться на два “колеса”....

67. Tajik-Uzbek Rift over Power Station Plan. — http://www.iwpr.net/?p=bca&s=b&o=334086&apc_state=henb.
68. *Сатпаев Д.* Экономическая экспансия Поднебесной станет еще заметнее. Китайские товарищи благословили капитал. // <http://www.liter.kz/site.php?lan=russian&id=167&pub=3193>.
69. Tajikistan Seeks Chinese Investment. — http://www.iwpr.net/?p=btj&s=b&o=328575&apc_state=henbtjdate20071.
70. См., в частности. *Чжан Мин, Сан Цзиньжун.* Чжунъя гоцзя фачжань дуй Чжунго сянь си кайфан чжаньлюэ-де инсян пинси [Оценка влияния развития стран Центральной Азии на китайскую стратегию открытости Западу] // *Элосы Чжунъя Дуноу шичан.* 2006. № 8. С. 12.; *Сюй Тункай.* Чжунго юй Уцзыбэкэсытань цзинмао цянцзин гуанко [Широкие перспективы китайско-узбекистанского торгово-экономического сотрудничества] // *Элосы Чжунъя Дуноу шичан.* 2006. № 4. С. 2.
71. *Brill O.M.* Указ. соч.; См. также: *Swanstrom N.* Указ.соч.
72. *Фроленков В.С.* Экономический диалог “Китай — Центральная Азия”: проблемы и возможные перспективы // *Китай в мировой и региональной политике.* М.:Ин-т Дальн.Вост. РАН, 2006. С. 203.
73. <http://www.apn.kz/authors/author532.htm> А. Неоднозначность активности Китая в Центральной Азии // <http://www.apn.kz/publications/article7422.htm>.
74. Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/Под ред. А.А.Князева. Бишкек: ОФ А.Князева; Ин-т ЦА и Кавказа, 2007. С. 157.
75. Мнение Парамонова В. и Строкова А. представленное в: Современное состояние двухсторонних отношений стран Центрально-Азиатского региона в области энергоресурсов. Проблемы и пути их решения (Экспертный анализ) // — http://www.asiastrategy.ru/?press&press_id=2&PHPSESSID=8a80d471fe48127951b48287f97e8e7f(по подписке).
76. *Кузьмин В.* Клубная стратегия ШОС // <http://www.rg.ru/2007/08/15/shos.html>.
77. Цит. по: *Кузьмин В.* ШОС осталась при своих. Расширение организации откладывается // <http://www.rg.ru/2007/08/17/shos.html>.
78. См., например: *Каримова Г.И.* Цзай Шанхай хэцзо цзучжи кунцзянь ней цзяньли тунъи нэнюань шичан дэ цзюйши юй цянъи тяоцзянь [Тенденции и предпосылки создания Единого энергетического рынка на пространстве ШОС] // *Элосы Чжунъя Дуноу шичан.* 2006. № 4. С. 5.
79. Там же.
80. *Лузянин С.* Энергетическое пространство ШОС. К вопросу о разработке концепции создания “Энергетического Клуба”. — <http://www.c-asia.org/analit/index.php?cont=long&id=6989&year=2007&today=23&month=01>.
81. Элосы Чжунъя Дуноу шичан. 2006. № 4. С. 8.
82. *Ядуха В.* Шанхайский перелом. Отношения Москвы и Пекина могут зависеть от создания Энергетического клуба // . — http://www.turkmenistan.ru/?page_id=6&lang_id=ru&elem_id=10790&type=event&sort=date_desc.

Общество

Трансграничные браки: Китай и Южная Корея

© 2008

О. Почагина*

Этносы, как правило, эндогамны, иначе говоря, моноэтнические браки являются доминирующими в рамках одного народа. Замкнутость круга брачных связей, обусловленная языком, религией, традициями и обычаями, стереотипами поведения, этническим самосознанием и особенностями менталитета, выполняет функцию своеобразного "стабилизатора" этноса. Эндогамность, таким образом, обеспечивает однородность этнического состава семей, социализация гарантирует преемственность материального и духовного наследия, сохранение, консервацию культурного ядра этноса, передачу его следующим поколениям и, в конечном итоге, существование этноса как особой общности людей¹. Отметим, что в целом указанная тенденция была характерна и для племен, и для современных этнических общностей с разным уровнем социального и экономического развития. Однако во второй половине XX в. ситуация стала меняться.

В последние десятилетия в условиях набирающей обороты глобализации, интенсификации перемещения людей и капиталов, ускорения и уплотнения времени, "сжатия" пространства благодаря быстрому распространению электронных форм коммуникации и мобильности средств передвижения по планете, в результате трансформации структуры семейной организации и функций института семьи, формирования так называемого "глобального пространства", браки, заключаемые гражданами разных государств перестали быть исключением из правила этнической эндогамии, став обычным и достаточно распространенным явлением. С нашей точки зрения, браки такого рода представляют особый интерес, поскольку являются по распространенности и количеству новой тенденцией развития института семьи, которая в недалеком будущем, безусловно, окажет влияние и на межгосударственные отношения, и на динамику этнического состава, прежде всего, в странах с моноэтническим населением. К сожалению, это явление привлекает пока относительно незначительное внимание мирового научного сообщества. Трансграничные браки² формируют условия для возникновения интенсивных экономических и культурных трансграничных связей на семейно-родственной основе. Многонациональная структура начинается в определенном

Почагина Ольга Валерьевна, кандидат исторических наук, помощник члена Совета Федерации Федерального собрания РФ

смысле “стягивать” мир воедино, поскольку родственные и эмоциональные узы прочно связывают иммигрантов со своей исторической родиной.

Увеличение по сравнению с началом XX в. количества трансграничных браков обусловлено современными экономическими, политическими и культурными процессами, идущими на локальном, национальном, региональном и глобальном уровнях. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что явление это отнюдь не новое, новыми являются лишь его проявления. Наиболее активная динамика смешивания этнического состава, связанная именно с ростом количества смешанных браков, имела место как минимум трижды в истории человечества: во времена великого переселения народов, освоения Нового Света и с конца XX в. по настоящее время. Однако все указанные периоды характеризуются разными гендерными моделями. Так, в эпоху великого переселения мигрирующие народы смешивались, вступая в браки с народами, проживавшими на территориях, куда они приходили. В освоении Нового Света на начальных этапах в основном участвовали мужчины, которые вступали в браки с местными женщинами или позже с дочерьми переселенцев из разных стран Европы. Получившие в последнее время распространение трансграничные браки достаточно четко отражают иную гендерную модель. Большинство мигрирующих в целях заключения брака — это женщины, многие из которых выезжают из более бедных и менее экономически развитых стран в страны с более высоким уровнем жизни, т.е. с менее развитого “Юга” — из Азии, Латинской Америки, Восточной Европы, бывших республик СССР в индустриально развитый “Север” — Западную Европу, Северную Америку, Австралию, в некоторые богатые страны Восточной Азии.

Таким образом, количественные показатели трансграничных браков обуславливаются историческими, экономическими, социальными, культурными и политическими факторами. Необходимо также отметить, в современных условиях значительно влияние психологических факторов — здесь прежде всего имеют значение экономическая мотивация и ожидания будущих невест и женихов.

Что касается генетических последствий межрасовых и межэтнических браков, то единая точка зрения пока не сложилась. Так, распространено мнение, что дети от таких браков чрезвычайно привлекательны внешне, отличаются более высокими интеллектуальными способностями, однако, отмечается их психологическая неустойчивость, ослабленный иммунитет, повышенная агрессивность³.

Браки граждан КНР с хуацяо и иностранцами. В Китайской Народной Республике в настоящее время распространены модели брачной миграции, обусловленные спецификой политических и экономических перемен, присущих последней четверти XX в. Деколлективизация, наличие избыточной рабочей силы в сельских районах, интенсивно развивающиеся города, отмена обязательной системы регистрации по месту жительства привели с конца 1980-х гг. к резкому росту внутренних миграционных потоков. Если раньше замуж выходили за обитателя соседней деревни, то с конца XX в. миграция женщин, обусловленная вступлением в брак, значительно расширила свою географию. Более того, с проведением политики открытости постоянно растет число китаянок, вступающих в браки с выходцами из Китая, которые проживают на Тайване, в других странах мира, а также с иностранцами.

Так, с середины 1980-х по 1990 г. ежегодно заключалось приблизительно 20 тыс. браков с иностранцами, в начале 1990-х — более 30 тыс., после 1998 г. — 50 тыс. и в 2001 г. — более 80 тыс.⁴ Эта тенденция не осталась незамеченной и обсуждалась не только в средствах массовой информации КНР, но и в китайских общинах по всему миру.

В статистическом отчете Министерства гражданской администрации КНР за 2006 г. говорится, что в указанном году было зарегистрировано 9,45 млн браков — на 1,219 млн больше, чем в предыдущем 2005 г. В частности, заметно возросла доля браков с иностранцами. В китайских семьях, проживающих в приморских районах, в крупных и средних городах страны стало увеличиваться число иностранных зятьев и невесток.

Как считает заведующий Научно-исследовательским центром по проблемам семьи и полов АОН КНР Ли Иньхэ, по мере проведения политики открытости межнациональные браки становятся распространенным явлением, что отражает общественный прогресс, повышение личного и социального статуса китайцев. Упомянутые браки позволяют породниться семьям разных национальностей, что стимулирует установление взаимных контактов между странами и обеспечение социальной стабильности. В самом начале периода реформ и открытости китайские невесты, как правило, выходили замуж за иностранцев, пытались с помощью брака выехать за границу и таким путем добиться материального благополучия. В настоящее время все больше людей действительно начинает пользоваться свободным выбором в вопросах любви. Разрыв сторон в экономическом положении, возрасте, культуре в последние годы заметно сокращается. Ситуация, когда исключительно мужчины-иностранцы брали в жены китайских девушек, изменилась. Доля иностранных женщин, вышедших замуж за китайцев, растет; возрастной разрыв у супругов заметно сокращается, появляется все больше пар, которые действительно любят друг друга и имеют хорошие жизненные перспективы. В Шанхае в 2006 г. были заключены браки китайских граждан с представителями более чем 50-ти стран. В этом списке на первое место вышла Япония, за ней следуют США, Австралия и др.

По мнению Го Цзыму, работающего в Пекинском обществе адвокатов по изучению проблем семьи и брака, “конфликтные брачные отношения, за исключением эмоционального фактора, обусловлены, главным образом, расхождением в ценностных ориентирах, обычаях, мировоззрении и взглядах на предпринимательство”. Он также считает необходимым составление брачного контракта при заключении брака с гражданином другого государства, получение с помощью адвоката соответствующей информации во избежание неприятностей после вступления в брак с иностранцем. На его взгляд, самое главное в счастливом браке — это снисхождение, супруги должны сохранять любопытство и воспринимать культуру и ценности своей “половины”⁵.

Согласно сведениям соответствующих тайваньских ведомств, уровень разводов среди семейных пар из соотечественников, ранее живших по обе стороны Тайваньского пролива, составляет от 3 до 5%. Этот показатель выше уровня разводов в КНР. Опубликованные данные показывают, что в настоящее время на каждую тысячу жителей Тайваня приходится 2,9 разведенных пары. По этому показателю Тайвань занимает 5-е место в мире. По данным экспертов, рост уровня разводов в таких семьях объясняется, главным образом тем, что молодые тайваньцы часто скрывают свое истинное социальное положение и физические недостатки. Кроме того, по установленному тайваньскими властями порядку, приехавшие из материковой части Китая соотечественники лишь через два года могут подать заявку на работу — это другая важная причина роста уровня разводов в трансграничных семьях⁶.

Разнообразие моделей брачного поведения современных китайских женщин позволяет говорить о национальных и глобальных последствиях усилившейся брачной мобильности китайянок, появлению у них, по сравнению с прошлым, свободы выбора не только брачного партнера, но и места проживания — в

КНР или за ее пределами. Однако такие возможности наряду с гендерным дисбалансом, имеющим место в КНР, породили и острую нехватку женщин, особенно в отдаленных сельских районах.

Кроме того, существует еще целый ряд причин, способствующих распространению трансграничных браков: повышение у молодых китайских женщин уверенности и избирательности в отношении брачных партнеров вплоть до нежелания создавать семью, конфликтность брачных отношений, снижение стабильности семейно-брачных отношений. Так, согласно итогам обследования в городе Тяньцзинь, 32% людей, являвшихся единственным ребенком в семье, в браке не могут наладить супружеские отношения и часто ссорятся. Китайские мужчины в идеале стремятся найти такую жену, которая находилась бы в состоянии экономической зависимости или была бы иностранкой.

По информации агентства Чжунсинь, специалисты отмечают рост числа девушек, которые по достижении возраста, когда их сверстницы обычно справляют свадьбы, избегают вступать в брак. Большинство из них относятся к категории "белых воротничков". Газета "Далянь жибао" считает, что эта тенденция уже приобретает обшкитайский характер. Действительно, статистика подтверждает рост численности "холостых". В 1982 г. в КНР было 1,74 млн одиноких, а в 1990 г. эта группа выросла до 8 млн. В одном лишь Нанкине число холостяков достигло 400 тыс. чел., а в Пекине и Шанхае оно превысило один миллион. В Шанхае в 1980 г. было зарегистрировано 180 тыс. браков, в 1990 г. — 120 тыс., в 1997 г. — лишь 100 тыс. Быстро растет число одиноких женщин. По мнению социологов, поздний брак и безбрачие укореняются на китайской почве. Для многих женщин замужество и рождение детей уже не являются важнейшими жизненными задачами в современном обществе. Этот феномен, как считают специалисты, закономерен на данном этапе общественного развития. Ожесточенная конкуренция на рынке труда требует от женщин более высокой, чем у мужчин, профессиональной компетентности, уверенности в собственных силах, осознания себя успешной личностью. Часть женщин, имеющих собственный бизнес, и так называемых "белых воротничков" по уровню образования и материальной независимости (роскошные квартиры, автомобили) уже ничем не уступает мужчинам. Часто у них нет "второй половины", однако, как правило, психологически это их не особенно травмирует, поскольку посредством денег они могут удовлетворить многие свои потребности, включая сексуальные, эмоциональные и даже материнские (с использованием суррогатных матерей)⁸.

По статистике ведомств гражданской администрации, ежегодно в Китае в брак вступают 10 млн пар. Среднегодовые расходы на свадьбы в стране превысили 250 млрд юаней⁹. По статистике исследовательского центра семейных отношений Китая затраты на свадьбу составляют сейчас в городах более 560 тыс. юаней, включая стоимость квартиры и машины¹⁰. Значительные свадебные расходы также являются одной из причин, заставляющих мужчин в целях экономии искать невесту за рубежом.

Ситуация с нехваткой невест осложняется также тем, что хуацяо стремятся найти послушных и заботливых жен на своей исторической родине. Выезд за рубеж — поиск работы — карьерный рост — возвращение в КНР для того, чтобы создать семью — такова весьма распространенная стереотипная схема жизни китайских эмигрантов за рубежом. Подавляющее большинство проживающих за рубежом этнических китайцев предпочитают не заключать браки с иностранцами. Их поиски "второй половины" в КНР порождают спрос на услуги электронных брачных агентств, активно работающих в Интернете.

Преимущества современных технологий, заменивших традиционные услуги свахи и посредников, являются очевидными для китайских эмигрантов. Электронные брачные агентства, занимающиеся устройством личной жизни и предоставляющие посреднические услуги при поиске брачного партнера процветают. "Брачное агентство 969", ориентированное на выходцев из Китая, расселившихся по всему миру, — лидер на рынке подобных услуг с удачно разработанным алгоритмом поиска зарубежными китайцами подходящей пары в КНР. С его помощью были созданы тысячи трансграничных семей. Хотя количество этнических китайцев за рубежом не очень велико, они, тем не менее, занимают прочное положение в обществе — ежегодный доход 80% зарегистрированных пользователей этого сайта составляет около 1 млн долл. США. В настоящее время Интернет-сайт "Брачное агентство 969" стал для китайцев, проживающих в КНР и за рубежом, наиболее авторитетной и обширной базой данных о потенциальных женихах и невестах, проверенной временем методикой по поиску брачных партнеров¹¹.

Китайско-российские браки — явление отнюдь не новое, они заключались и в XX в., когда, как и в XIX в., в основном были распространены браки российских женщин с прибывшими на Дальний Восток с целью его освоения китайскими мужчинами. В XXI в. мотивации таких браков несколько иные. Во-первых, нехватка женщин в КНР способствовала тому, что китайки стали более разборчивыми невестами, предъявляющими к будущим мужьям высокие требования. Во-вторых, иметь жену-иностранку, в частности, россиянку — престижно. Красивые россиянки часто являются предметом восхищения и даже зависти. Наличие русской жены у китайского бизнесмена считается одним из показателей его успешности. Однако свекровь и родственники старшего поколения редко с восторгом принимают в свою семью невестку-иностранку. Русской женщине, воспитанной в иной культурной среде, очень сложно сразу понять систему взаимоотношений в большой китайской семье, где, особенно в сельской местности, все еще сильны традиционные представления о семейных обязанностях и взаимных узах. На первых порах часто характеризуются дисгармоничностью и сексуальные отношения супругов, имеющих разные представления об интимной сфере, различные ожидания, связанные с семейной жизнью. Родственники россиян, вступающих в браки с китайцами, относятся к ним, так же неоднозначно. Например, 61% жителей Владивостока — против таких браков и только 4% считают их приемлемыми. Тем не менее, в последние годы, особенно в среде молодежи, отношение к бракам с китайцами меняется в сторону большей терпимости¹².

В выборе российских женщин в пользу китайских мужчин доминирует прагматичный подход, хотя чувства играют не последнюю роль. Дело в том, что в приграничных с КНР деревнях выбор женихов не велик: подавляющее большинство мужчин злоупотребляют спиртным, склонны к насилию и не отличаются ответственностью по отношению к своим семейным обязательствам, поэтому говорить об их конкурентоспособности на рынке потенциальных женихов не приходится. Россиянки, как правило, заключают браки с состоятельными китайцами. Однако их привлекают также надежность, внимательность и заботливость китайских мужчин — качества, которые не часто встречаются у соотечественников¹³.

Для создания полного представления о процессе и особенностях заключения браков с иностранными гражданами представляет интерес правовое регулирование трансграничных браков в КНР. Необходимо особо подчеркнуть, что за последние два десятилетия реформ и открытости порядок заключения браков между гражданами КНР и иностранными гражданами претерпел значительные

изменения в направлении демократизации и упрощения процедуры. Правила регистрации неоднократно пересматривались и корректировались. Последние были приняты в 2003 г. В настоящее время регистрация брака китайского гражданина с иностранцем (иностранным гражданином, постоянно или временно проживающим в КНР, иностранцем китайского происхождения, иммигрантом) на территории КНР производится органом, определяемым народным правительством провинции, автономного района или города центрального подчинения по месту постоянного жительства китайского гражданина. Обращающиеся с заявлением о регистрации брака подчиняются положениям Закона КНР о браке и "Порядку регистрации браков китайских граждан с иностранцами".

Согласно установленному порядку регистрации, китайские граждане должны представить в уполномоченный орган следующие документы:

(1) выписку из домовой книги; (2) удостоверение личности; (3) справку с места работы (учебы) или от соответствующего органа по месту проживания о семейном положении (холост (не замужем); разведен (а); вдовец (вдова)). Разведенные граждане дополнительно представляют свидетельство о разводе, вдовы и вдовцы подтверждают свой статус выпиской из домовой книги. Требуется также справка о состоянии здоровья, выдаваемая по результатам медосмотра в специально определенном лечебном учреждении, и три фотографии. Иностранцы свою очередь представляют: 1) документ, удостоверяющий личность, как правило, паспорт; 2) нотариально удостоверенную и легализованную китайским консульским учреждением в государстве, гражданство которого имеет иностранец, справку о семейном положении; 3) справку о состоянии здоровья, выдаваемую по результатам медосмотра в специально определенном лечебном учреждении. Представленные документы должны быть переведены на китайский язык организациями, специально указанными регистрирующими брак органами. Перевод должен быть заверен печатью.

Порядок регистрации брака является следующим: вступающие в брак должны совместно обратиться в регистрирующий брак с иностранцем орган по месту жительства китайского супруга и представить необходимые документы и фотографии. Помимо официальных документов, необходимых для регистрации брака, рекомендуется иметь с собой письма, сувениры, подарки, фотоснимки и другие доказательства чувств друг к другу.

После рассмотрения представленных документов и проверки изложенных в них сведений регистрирующий орган в течение месяца выдает молодоженам свидетельство о браке. В свидетельство должны быть вклеены фотографии заявителей и проставлены соответствующие печати народного правительства уезда или вышестоящего уровня.

В силу особенностей, которые может иметь процедура регистрации брака на местах, рекомендуется заблаговременно обращаться за консультацией в орган регистрирующий брак с иностранцами. Дело в том, что далеко не в каждом городе имеется орган, имеющий право регистрировать такие браки. Необходимую информацию, в том числе сведения об уполномоченном медучреждении и специфике местной процедуры регистрации брака, вступающие в брак могут получить в местных органах власти.

Согласно положениям указанных выше документов, брак китайского гражданина может быть зарегистрирован в стране, гражданство которой имеет будущий супруг, в соответствии с национальным законодательством этого государства.

“Порядок регистрации браков китайских граждан с иностранцами” определяет круг лиц, с которыми регистрация брака не допускается. К ним относятся:

военнослужащие, дипломатический персонал, работники учреждений общественной безопасности, лица, занимающиеся деятельностью, отнесенной к секретной, лица, имеющие доступ к информации, содержащей государственную тайну, а также лица, находящиеся в заключении по приговору суда.

Развод китайского гражданина и иностранца осуществляется в судебном порядке по правилам, установленным гражданским процессуальным законодательством¹⁴.

Корея — страна моноэтничная, и поэтому брачный союз с человеком другой национальности практически всегда означает брак с иностранцем, гражданином другого государства — “кукчже кельхон”, или “международный брак”. С XV в. практически по вторую половину XX в. в Корее проводился курс на полную изоляции страны от внешнего мира, в результате которого международные браки были редчайшим исключением. Ситуация коренным образом изменилась, когда в 1945 г. в Страну утренней свежести вошли американские войска. Официальной статистики корейско-американских браков не существует, однако считается, что между 1945 и 1990 гг. браки с американскими военными заключили примерно 100 тысяч корейнок¹⁵.

В последние годы количество трансграничных браков постоянно растет и в корейском обществе постепенно формируется более толерантное отношение к бракам с иностранцами, к которым еще в начале прошлого века относились чрезвычайно негативно. С 90-х годов XX в. наиболее распространены браки корейских мужчин и женщин из восточноазиатских стран с более низким уровнем жизни, как правило, из КНР. В большинстве таких браков невестой является этническая корейка из КНР, а мужчина, как правило, не пользуется вниманием требовательных соотечественниц. Это может быть мужчина с небольшими по корейским меркам доходами, вдовец с детьми, мужчина, с физическими недостатками, либо житель сельской местности, где весьма ощутима нехватка невест, и т.п. Понятно, что в такого рода браках сильна прагматическая составляющая, причем с обеих сторон, поскольку имеется обоюдная заинтересованность.

Трансграничные браки между корейками из КНР и южными корейцами начали распространяться в начале 1990-х гг. Десятки тысяч этнических корейнок, проживавших в КНР (чосонжок), иммигрировали в Южную Корею с начала 1990-х гг. в рамках официально санкционированной политики, проводимой правительством с целью выравнивания дисбаланса полов и компенсации нехватки невест, существовавших в сельских районах Кореи. Ежегодно количество подобных браков росло вплоть до 1997 г. Так в 1993 г. было заключено 1463 браков, в 1995 — 7683 и более 10 000 — в 1996 г. В 1997 г. оно сократилось до 7000, а в 1998 г. — до 6000, что было связано с разразившимся азиатским финансовым кризисом. Отъезд корейнок из КНР в Южную Корею привел к острой нехватке невест в КНР в районах проживания этнических корейцев. В создавшейся ситуации корейцы стали искать возможности выписывать невест из КНДР.

Согласно оценкам, количество корейско-китайских браков в ближайшие годы будет составлять по 10 тыс. ежегодно. Незначительное количество браков заключаемых между корейскими мужчинами, проживающими в КНР, и южно-корейскими женщинами — яркая иллюстрация гендерного дисбаланса, существующего в китайско-корейской брачной миграции.

Большинство китайянок и корейянок, живущих в КНР, полагают, что южнокорейские мужья имеют более современные и прогрессивные взгляды на вза-

имоотношения полов в целом и на внутрисемейное разделение ролей супругов в частности, чем местные мужчины.

Парадокс заключается в диаметрально противоположных ожиданиях мужчин и женщин, стремящихся заключить трансграничные браки. Так, южнокорейские мужчины ищут в Китае жен, соответствующих традиционным конфуцианским представлениям.

Корейки из КНР бывают неприятно удивлены консервативными взглядами своих южнокорейских мужей и свекровей на семейные отношения и обязательства жен. Их ожидания зачастую входят в конфликт с ожиданиями женщин-иностранок: последним приходится даже прибегать к угрозе развода при обсуждении с южнокорейскими родственниками своего желания работать в общественном секторе и быть экономически независимыми.

Как сообщает газета "Корея таймс", межнациональные браки очень популярны в селах. Из мужчин, занимающихся рыбным и сельским хозяйством и вступивших в брак в прошлом году, одна треть женилась на иностранках. В Южной Корее китайские женщины пользуются большим спросом. Доля китайок среди иностранных невест составляет 66,2%. В деревнях успех имеют вьетнамские женщины, там 50% невест являются вьетнамками. Из южнокорейских женщин, вышедших замуж за иностранцев, 42,2% выбрали в качестве мужей китайцев, 30,8% — японцев, а 11,8% — американцев¹⁶.

Особенно быстрый рост трансграничных браков наблюдается в сельской местности, где треть мужчин в настоящее время женятся на иностранках. Об этом свидетельствуют данные Национальной статистической службы РК о браках и разводах за 2005 г.

В обратной ситуации (жена — корейка, муж — иностранец) Китай тоже лидирует — 5042 брака из 11941, или 42,2%. Это новая, необычная ситуация, впервые сложившаяся в 2004 г. В прежние времена самыми популярными кандидатами в супруги у корейок были японцы и американцы, которые теперь отодвинулись в данном рейтинге на второе и третье места¹⁷.

Число браков между корейцами-мужчинами и иностранками

	2000	2001	2002	2003	2004	2005		
						%%	Рост по сравнению с 2004 г., %	
Всего	7,304	10,006	11,017	19,214	25,594	31,180	100.0	21,8
Китай	3,586	7,001	7,041	13,373	18,527	20,635	66,2	11,4
Вьетнам	95	134	476	1,403	2,462	5,822	18,7	136,5
Япония	1,131	976	959	1,242	1,224	1,255	4,0	2,5
Филиппины	1,358	510	850	944	964	997	3,2	3,4
Монголия	77	118	195	318	504	561	1,8	11,3
Узбекистан	43	66	183	329	247	333	1,1	34,8
США	235	265	267	323	344	285	0,9	-17,2
Таиланд	270	185	330	346	326	270	0,9	-17,2
Другие	509	751	716	936	996	1,022	3,3	2,6

Число браков между корейками и иностранцами

	2002		2003		2004		2005	
		%%		%%		%%		%%
Всего	401	100,0	583	100,0	1,611	100,0	2,444	100,0
Изменение, %	-	-	45,4	-	176,3	-	51,7	-
Китай	181	45,1	275	47,2	841	52,2	1,431	58,6
Вьетнам	7	1,7	28	4,8	147	9,1	289	11,8
Япония	97	24,2	121	20,8	145	9,0	168	6,9
Филиппины	29	7,2	44	7,5	112	7,0	142	5,8
Монголия	10	2,5	6	1,0	83	5,2	116	4,7
Узбекистан	3	0,7	16	2,7	67	4,2	75	3,1
США	21	5,2	27	4,6	74	4,6	62	2,5
Другие	53	13,2	66	11,3	142	8,8	161	6,6

Источник: *Сеульский вестник*. 2007. 13 апр. — <http://vestnik.tripod.com/>

В 1990-е гг. правительство Южной Кореи имело рассеявшиеся позже иллюзии относительно роли корейков из КНР, вступавших в браки с корейцами, полагая, что они станут “спасительницами корейской деревни”, откуда наблюдался интенсивный отток населения на фоне дисбаланса полов. Сложность адаптации, разная мотивация заключения трансграничных браков, неадекватные ожидания вступающих в брак привели к тому, что немного позже общественное мнение и средства массовой информации обвинили “сбежавших невест” и расторгнувших браки женщин в исключительно прагматических и корыстных целях, преследовавшихся при заключении браков — эмиграции из КНР и получении южнокорейского гражданства.

В реальности все обстоит гораздо сложнее. Естественно, что какой-то процент из вступивших в браки корейков из КНР, действовали по изложенному выше плану, не собираясь в действительности создавать прочную семью. Однако большинство из них столкнулись на новом месте жительства с необходимостью адаптации к иным условиям, новым родственникам и с серьезными экономическими и правовыми проблемами. Хотя для них не существовало языкового барьера, они, тем не менее, выросли и были воспитаны в иной общественно-социальной среде — в социалистическом и модернизирующемся Китае. Их поведение и менталитет в целом далеки от конфуцианского идеала “любящей, заботливой, безропотной жены, матери и невестки”.

В настоящее время все большее число граждан Южной Кореи вступают в трансграничные браки по нескольким причинам: в связи с нехваткой невест в стране, изменением отношения корейцев к бракам с иностранцами и восприятия иностранцев как таковых. С 1990-х гг. количество браков корейских мужчин с иностранками выросло в 240 раз и составило более 160 тыс. пар. Статистика свидетельствует, что тенденция набирает силу. Так, в 2005 г. рост по сравнению с 2004 г. составил 21,6% (в количественном выражении — 43 121). Согласно официальной статистике, из каждых 100 пар новобрачных 13,6% составляют пары, где один из супругов иностранец, в 72% — жена и в 28% пар — муж. Женщины из КНР в списке иностранных невест занимают первое место — 66,2%, вьетнамки составляют 18,7%, японки — 4%. Интересно, что в последние годы резко увеличилось количество жен из Вьетнама: в 2000 г. их было 95, тогда как в 2005 г. — 5822. Увеличивается и количество браков, заключенных между иностранками и мужчинами, занятыми в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве. 359 из каждой 1000

корейских фермеров, заключивших браки в 2005 г., женились на иностранках, в 2004 г. их было 274, т.е. рост составляет более 31%.

Согласно данным на апрель 2006 г. общее количество браков корейских граждан с иностранцами — 55 408, из них 42,5% — это браки, заключенные с кореянками из КНР, 20,7% — с гражданами КНР и 20,3% — с гражданами стран Юго-Восточной Азии. Тенденции, отраженные в статистических данных, свидетельствуют о том, что браки с иностранцами становятся обычным явлением в современной Южной Корее¹⁵.

* * *

Таким образом, совершенно очевидно, что существуют несколько факторов, обусловивших быстрое поступательное распространение трансграничных браков в КНР и Республике Корея с начала 1990-х гг. В первую очередь, данная тенденция обусловлена половым дисбалансом в пользу мужчин и нехваткой женщин брачного возраста как в КНР, так и в РК. Причины формирования полового дисбаланса в этих двух странах имеют много общего, хотя есть и определенная специфика.

Половой дисбаланс среди новорожденных, появившихся на свет в КНР в последние годы, имеет стабильные показатели. Статистика демонстрирует, что традиционное предпочтение, отдаваемое китайцами потомкам мужского пола, негативно сказывается на средних показателях соотношения полов новорожденных — 117 мальчиков на 100 девочек (норма 105:100 соответственно). В городе Ляньюнган среди детей в возрасте до четырех лет на 163,5 мальчика приходится 100 девочек, в 99 городах КНР соотношение мальчиков и девочек выше, чем 125:100¹⁹. В РК это соотношение несколько лучше — 113 мальчиков на 100 новорожденных девочек. Ультразвуковое обследование плода в период беременности стало широко доступно в КНР и Южной Корее в 1980-е гг. и первое поколение, прошедшее через УЗИ с целью определения пола в это десятилетие, достигает брачного возраста. Едва ли кто-нибудь мог прогнозировать столь серьезные последствия внутриутробного обследования плода на основе передовых тогда ультразвуковых технологий для азиатских обществ.

В современной Корее один из самых низких показателей рождаемости в мире — 1,1 ребенка на одну женщину. В отличие от КНР, где проводится жесткий демографический курс ограничения рождаемости, в РК не ограничивают родителей в их стремлении обзавестись потомством, а напротив, поощряют налоговыми льготами.

Однако, пожалуй, наиболее важным фактором нехватки молодых женщин в сельских районах КНР и РК является стремление девушек мигрировать в города в поисках более высокого уровня жизни, получения образования, интересной и высокооплачиваемой работы, а также с целью вступления в брак с горожанином. Как правило, у девушек присутствуют несколько взаимосвязанных мотиваций миграции. Абсолютно ясно одно — ни китайки, ни кореянки, родившиеся в деревнях, не хотят жить в сельской местности, заниматься тяжелым сельскохозяйственным трудом, выполняя традиционные подчиненные роли дочери, жены и матери. Города с их более современным образом жизни предлагают разнообразные и богатые возможности самореализации личности, более высокий статус женщины в обществе. Массовый отток молодых женщин в города порождает взаимозависимый отток молодых мужчин, которые не могут (сельский труд традиционно базировался на патриархальной семье с ее половозрастным разделением труда) и не хотят в одиночку заниматься сельским хозяйством. Таким образом, в сельской местности образуется порочный круг — нет молодых женщин, нет молодых семей, а значит, нет и детей — наблюдается засыхание самых молодых ветвей

генеалогических деревьев. Именно по этой причине население многих деревень в КНР и, особенно, в РК — это люди старших возрастных групп. В районе Чолла, некогда житнице Кореи, появились пустующие деревни-призраки.

Некоторые из негативных последствий полового дисбаланса уже очевидны и в китайском, и в корейском обществах, тогда как другие проявятся в ближайшем будущем и создадут новые вызовы и угрозы социальной стабильности.

Изменение взглядов на брак и семью. Модернизация оказывает значительное влияние на институт семьи и брака: взгляды молодых людей на семью и брак в КНР и Южной Корее претерпели значительные изменения по сравнению с распространенными ранее конфуцианскими представлениями о супружеских отношениях и связях, взаимных обязанностях родителей и детей. Это не может не оказывать влияния на структуру и функционирование института семьи в XXI в.

В процессе урбанизации и модернизации в Китае люди стали больше внимания уделять возможностям индивидуального развития и реализации своей личности, материальные блага и стремление к счастью стали приоритетными в системе жизненных ценностей. В результате, помимо тех, кто не вступил в брак по объективным причинам, увеличивается количество людей, кто выбрал безбрачие или поздний брак, распространяется также сожитительство без заключения брака.

Изменились методы поиска и критерии выбора брачного партнера, значительно выросли ожидания, связанные с семейными отношениями и качеством брака, трансформировались структура диадных отношений (муж—жена, родители—дети), половозрастная система разделения домашнего труда.

В представлениях молодого поколения китайцев и корейцев близкие эмоциональные, гармоничные отношения супругов на основе любви и взаимопонимания, принятия взаимоприемлемых решений — базис современного брака. Несмотря на перечисленные существенные изменения во взглядах на семью и брак и в КНР, и в РК в сознании молодых людей семья остается важнейшей частью их жизни, именно с ней они связывают свои надежды. Более 90% все-таки хотят создать семью и иметь детей.

Специалист исследовательского центра по вопросам семьи и здоровья престарелых Пекинского университета Чжан Вэньцзюань считает, что миграция молодого и взрослого населения между городом и деревней — важная причина изменения моделей, структуры и численности семьи²⁰.

Анализ представлений и ожиданий молодых людей, связанных с семейной жизнью, свидетельствует о том, что семья в КНР и РК все дальше уходит от традиционной конфуцианской модели с жесткой половой и возрастной иерархией и доминированием отца — главы семьи. Современная семья развивается в соответствии с общемировыми тенденциями эволюции семьи как института и малой группы (нуклеаризация, диверсификация моделей семьи, эгалитаризм внутрисемейных отношений, снижение роли экономической функции семьи, повышение статуса женщины, ориентация на гармонизацию отношений всех членов семьи, повышение качества семейной жизни).

Таким образом, динамика трансграничных браков демонстрирует значение экономических, политических, исторических, социальных, культурных, психологических и гендерных факторов и их влияние на мотивацию населения к смене места жительства. Например, количество китайянок, вступающих в брак за пределами Китая, было незначительным во время нахождения у власти Мао Цзэдуна и значительно увеличилось в период либерализации и реформ. Количество китайско-корейских браков сократилось в конце 1990-х гг., что было обусловлено азиатским финансовым кризисом.

В условиях, когда десятки тысяч мужчин в Южной Корее и миллионы мужчин в Китае (большинство которых живет в сельской местности, где остро ощущается дисбаланс полов) пытаются найти женщину для создания семьи, **брачный рынок в Азии быстро глобализируется**. Одновременно увеличивается количество женщин в странах Юго-Восточной Азии, которые стремятся выйти замуж за состоятельных мужчин в КНР и РК, реализовав таким образом свою "китайскую" или "корейскую" мечту.

Мобильность женщин в целях заключения брака иногда мотивируется не собственными желаниями этих женщин, а интересами их родительских семей. Значительные расстояния и удаленность женщин от родных может означать, с одной стороны, их незащищенность, а с другой — большую свободу и жизненные возможности.

В настоящее время женщина имеет возможность строить свое брачное поведение в соответствии с собственными представлениями о семейном счастье и браке, искать супруга на родине или за рубежом. Однако свобода брачного выбора не гарантирует удачного брачного союза и счастливой семейной жизни. Пересечение границы в поисках семейного счастья и более высокого жизненного уровня не всегда являются воплощением и реализацией того, что хочет женщина, решившаяся покинуть родину. Большинство браков в условиях современного глобализирующегося мира заключается женщинами, покидающими свои страны в поисках счастья. Для мужчин такая модель поведения — чаще исключение, нежели правило. Мужчины пересекают границы в поиске будущих жен, а женщины — для создания семьи. При этом продолжает работать традиционная модель патрилокального поселения супругов.

Наличие значительного дисбаланса полов в пользу мужчин в китайском и корейском обществах и отсутствие объективной возможности у миллионов мужчин брачного возраста создать семью (аналогичная ситуация имеет место и в Индии) формируют серьезные внутренние вызовы не только в этих странах, но и на региональном уровне: расцвет сферы сексуальных услуг, включая проституцию, в том числе и детскую, торговля женщинами и детьми, массовое распространение трансграничных браков, что влечет за собой изменение сложившегося этнического состава и культурных стереотипов в странах-реципиентах. Необходимо также иметь в виду, что отток женщин брачного возраста из стран со сбалансированным половозрастным составом нарушит баланс полов, осложнит демографическую ситуацию в странах-донорах и спровоцирует своего рода цепную реакцию на глобальном уровне. Согласно мнению американских исследователей, дисбаланс полов угрожает не только региональной социальной стабильности, но является угрозой безопасности в Азиатском регионе²¹. Эта позиция, бесспорно, имеет под собой определенный фундамент. Уместно вспомнить прогнозы индийского экономиста А. Сена в начале 1990-х гг., первым обратившего внимание на феномен нехватки женщин в Азии и количественно оценившего дисбаланс в 100 млн. Пятнадцать лет назад эти прогнозы казались фантастикой...

Анализ тенденции быстрого количественного роста трансграничных браков в КНР и Республике Корея позволяет говорить о том, что ни китайское, ни корейское общества как на уровне общественного мнения, так и на законодательном уровне еще не готовы защищать права и интересы женщин, вступивших в браки с гражданами указанных стран. Так, согласно данным Ю. Кима (Корейский институт развития женщин), женщины-иностранки, вступившие в брак в Корее, не имеют поддержки в социуме, их доступ к политическим и социальным программам ограничен. Правительство и парламент Южной Кореи лишь недавно приступили к разработке государственной политики по отношению к иностранцам, заключившим

браки с гражданами Кореи и проживающим в стране²². В КНР ограничиваются пока демократизацией процедуры заключения брака с иностранцами.

Общие проблемы и вызовы социальной стабильности, связанные с половым дисбалансом, создают основу и перспективы для плодотворного двустороннего сотрудничества КНР и Южной Кореи, выработки мер по исправлению сложившейся негативной для обоих обществ гендерной ситуации, а также совершенствования миграционного законодательства и предотвращения усугубления негативных последствий полового дисбаланса.

1. Бромлей Ю. Человек в этнической (национальной) системе. — http://scepsis.ru/library/id_1083.html.
2. В связи с тем, что в научной литературе используется значительное количество терминов, так или иначе характеризующих смешанные браки, целесообразно в первую очередь определить, что мы понимаем под термином “трансграничные браки”. Это браки, заключенные гражданами различных государств, иначе говоря, браки с иностранцами. Употребляемые исследователями термины “транснациональные”, “межэтнические” “интернациональные”, “межкультурные” браки, с нашей точки зрения, не полностью отражают специфику заключенного союза, поскольку браки могут быть как смешанными в этническом и расовом смысле, так и браками между представителями одного народа, разделенного государственными границами. (См: Гуенков В., Штефан Е. В 2005 г. в Китае зарегистрировано более 43 тыс. интернациональных браков. — <http://vestnik.tripod.com/>; Маховская О. Межкультурные браки и модели семейных отношений. — [http://www/fw/ru/Lib/Text/St/761\(v\).htm](http://www/fw/ru/Lib/Text/St/761(v).htm).
3. Мордобой на геномном уровне // Новое русское слово. 2007. 27 июня — 3 июля.
4. China Statistical Yearbook. 2002.
5. “Иностранцы зятя и невестки” стали членами китайских семей. — <http://russian.people.com.cn/31521/5879712.html>.
6. Рост уровня разводов среди семейных пар соединившихся браком соотечественников по обе стороны Тайваньского пролива. — <http://russian.people.com.cn/31516/2641144.html>.
7. <http://russian.people.com.cn/31516/2446637.html>.
8. “Страх брака” и рост количества незамужних женщин. — <http://russian.people.com.cn/31516/3028749.html>.
9. В Китае ежегодно вступают в брак 10 млн пар. — <http://russian.people.com.cn/31516/3212505.html>.
10. Ван Шо. Ах, эта свадьба // Китай. 2007. № 6. С. 37.
11. В Китае растет спрос на интернет-услуги брачных агентств. — http://russian.china.org.cn/china/txt/2005-11/22/content_2207130.htm.
12. Кроме расчета есть еще и любовь // Владивосток (интернет версия газеты). 2006. 9 июля.
13. Чжан Ие, Чжан Чжунвэнь. Брак с иностранкой // Партнеры. 2007. № 4. С 32—35.
14. http://russian.china.org.cn/archive2006/txt/2002-06/12/content_2031906.htm.
15. Ланьков А. Любовь международная // Сеульский вестник. — <http://lankov.oriental.ru/d92.shtml>.
16. В Китае 30% людей, являющихся единственным ребенком в семье, не способны наладить отношения в браке. — <http://russian.people.com.cn/31521/4269042.html>.
17. Гуенков В., Штефан Е. — <http://vestnik.tripod.com>.
18. Yi Seon Kim. The reality of Family International Marriage Migration and Challenges for the Government of the Republic of Korea. — www.unescap.org/esid/GAD/Events/Reg-Sem22-24Nov06/Papers/KimYiSeon.pdf.
19. <http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/asia-pacific/6963445.stm>.
20. За время реформы и открытости брак и семья в Китае претерпели четыре крупных перемены. — <http://russian.people.com.cn/31516/3404869.html>.
21. Boer A., Hudson V. The Security Threat of Asia's Sex Ratios // SAIS Review. 2004. Vol. 24, N 2. P. 27—43.
22. Yi Seon Kim. Op. cit.

Борьба Советской России и Дальневосточной Республики за ликвидацию интервенции на Северном Сахалине в 1920—1925 гг.

© 2008

Т. Орнацкая, Ю. Ципкин

Эта тема недавно уже затрагивалась в журнале в статье Т.А. Орнацкой, Ю.Н. Ципкина и В.А. Ширяева¹. Данная статья имеет цель дать читателю более полное представление об этой странице дипломатической борьбы РСФСР и ДВР за ликвидацию иностранной интервенции на российском Дальнем Востоке².

Статья опирается на архивные источники, а также публикации отечественных ученых.

Российский Дальний Восток в рамках Приамурского генерал-губернаторства, которое было создано в 1884 г., включал до 1905 г. территории современных Приморского и Хабаровского краев, Еврейской автономной области, частично Магаданской и Сахалинской областей, а до января 1906 г. и Забайкальской области. Последняя затем вошла в состав Иркутского генерал-губернаторства.

В результате поражения России в русско-японской войне 1904—1905 гг. Япония отторгла южную часть о-ва Сахалин (до 50 с.ш.) и утвердилась на Курильских островах, закрыв нашей стране выход в Тихий океан.

В феврале 1914 г. к Сахалинской области был присоединен Удский уезд с г. Николаевском-на-Амуре; административным центром области остался пос. Александровск на Северном Сахалине. В апреле 1917 г. это положение изменилось. Административным центром области стал Николаевск-на-Амуре, а островная часть области стала именоваться Сахалинским уездом с центром в Александровске.

Приняв участие в интервенции на российском Дальнем Востоке, Токио стремился создать здесь с помощью казачьих атаманов прояпонский протекторат, чтобы затем включить его в состав своей империи. Одним из условий оказания помощи белогвардейцам японцы в 1918—1919 гг. выдвигали требование передачи им права эксплуатации природных богатств Северного Сахалина или продажи его Японии.

14 января 1920 г. колчаковская власть на северном Сахалине пала, и там был организован временный военно-революционный комитет во главе с А.Т. Цапко, который 1 февраля передал власть временному исполкому, куда вошли представители земского и городского самоуправлений. Позже в северной части острова были созданы Советы³. 19 февраля 1920 г., согласно сообщению амери-

Орнацкая Татьяна Александровна, зам. декана исторического факультета Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск);

Ципкин Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор того же университета.

канского консула во Владивостоке Макгауна, японцы сделали попытку высадить в Александровске десант с военных кораблей⁴.

В феврале 1920 г., японские рабочие на нефтеразведке восточного побережья острова, напуганные лживыми слухами о предстоящей большевистской расправе с ними, направились к границе, чтобы перейти на Южный Сахалин. Во время этого бегства замерзло около 100 рабочих, это послужило новым поводом для антисоветской истерии.

4 марта 1920 г. по приказу командующего японской экспедиционной армией во Владивостоке на Сахалин был отправлен пароход "Чикузен-Мару" с отрядом в 200 чел. на борту. Отряд направлялся в Александровск, якобы для охраны японских граждан⁵.

В середине марта 1920 г. произошел т.н. "николаевский инцидент", ставший поводом к захвату Японией Северного Сахалина⁶.

21 апреля 1920 г. на рейде Александровска бросил якорь японский крейсер "Мисими". В мае 1920 г. к Александровску подошли новые японские транспорты с десантом. Высадившиеся японские воинские части были размещены во всех трех восточных центрах — Михайловском, Рыковском, Рыбновском, а также в Тымовске и других крупных селениях. На Александровском рейде базировался морской охранный отряд из четырех японских эсминцев и одного крейсера. Они контролировали часть Татарского пролива. Эти меры были направлены на тщательную изоляцию острова от Приамурья и Приморья⁷.

Сахалинский областной исполком направил губернатору Южного Сахалина и правительству Японии официальный протест, требуя прекращения захватнических действий японской военщины на северном Сахалине. В ответ на это командование японскими экспедиционными силами на Сахалине объявило советскую власть в северной части острова низложенной.

Вначале, когда в Токио еще не был утвержден план т.н. "освоения" Северного Сахалина, японские милитаристские круги решили провозгласить "автономное сахалинское государство" — "Сахалин-го" под протекторатом Японии. Во главе этого т.н. государства они намеревались поставить бывшего царского губернатора Д.Д. Григорьева. После провала создания "протектората" 23 мая 1920 г. японское командование созвало митинг, на котором разыграло комедию выборов "русской гражданской власти".

Однако 14 июля 1920 г. японское командование объявило о переходе с 25 июля 1920 г. к военному управлению русской частью о. Сахалин.

16 июля 1920 г. кабинет министров уведомил министерство иностранных дел, армию и флот, что отныне контроль над разработкой запасов угля и нефти на Северном Сахалине возлагается на военно-морские силы.

В связи с этим командование ВМС выделило в распоряжение консорциума "Хокусикай" ассигнования в размере 1,4 млн иен на производство буровых работ. В акционерное общество вошли фирмы "Кухара", "Мицубиси", "Окура", "Ниппон ойл компани"⁸.

19 июля 1920 г. в парламенте Японии прошло заседание, которое приняло решение считать Северный Сахалин "собственной территорией"⁹.

Главнокомандующий японскими силами на Сахалине генерал-лейтенант С. Козима 2 августа 1920 г. издал приказ о ликвидации русских административных учреждений; их права и распоряжения предписывалось считать утратившими свою силу¹⁰.

Северный Сахалин был разделен в территориально-административном отношении на четыре района, которые управлялись местными военно-административными отделами. В конце 1920 г. Северный Сахалин был объявлен составной ча-

стью генерал-губернаторства Карафуту. Система управления Карафуту (Южный Сахалин) строилась по колониальному образцу, подобно режиму в Корее и на Тайване. Вся полнота власти принадлежала генерал-губернатору, назначаемому специальным указом императора. Обладая практически неограниченными полномочиями, генерал-губернатор опирался на разветвленный бюрократический аппарат.

В 1920 г. для Северного Сахалина был введен "Сборник оккупационных нормативных актов", который резко ограничивал права 35 тыс. русских на острове. В русских поселках были введены должности местных старшин и советов при них. На должности старшин подбирались лояльные японской администрации лица. Японцы ввели для русских ряд повинностей, ограничили права на аренду земельных и рыболовных участков, закрыли русские артели, запретили торговлю скотом и т.д. В период оккупации японские власти создали все условия для развития японского бизнеса. Остров наводнили японские коммерсанты, которые развернули спекуляцию продуктами питания. Японские фирмы вели хищнический промысел рыбы и пушного зверя. Быстро развивалась добыча угля для японского флота. Фирма "Кухара" вела разведку нефти. 10 тыс. японских рабочих строили железную дорогу с Юга на Север острова¹¹.

Рудник "Первый на о. Сахалин артели на паях" был передан японцам во "временное пользование". Угоровские рудники Кузнецова перешли в руки "Восточного синдиката". Товарищество "Стахеев и Ко" передало свое дело компании "Мицубиси". Угольный синдикат "Ориенталь", возглавляемый фирмой "Мицубиси", в 1922 г. добыл 60 тыс. т каменного угля, который вывозился в Японию. Всего же за время интервенции на Северном Сахалине японцами было добыто 317 тыс. т угля. В 1920—1925 гг. японские акционеры ежегодно получали на нефтепромыслах Охи, Пильтуна, Нутово, Ноглики и Катангли около 100 тыс. т нефти¹².

Японская сторона проводила торги на рыболовные промыслы и краболовные участки в акватории Сахалина, но не допускала на них русских рыбопромышленников. МИД и Торгово-промышленная палата ДВР неоднократно выражали протесты против насильственного захвата рыбных промыслов, но они оставались без ответа¹³.

Еще в период объединенной интервенции на российском Дальнем Востоке в 1918—начале 1920 гг. японцы разработали планы строительства 12 линий железных дорог, которые предполагалось соединить с магистралями в Маньчжурии, Корее и на Сахалине (путем создания тоннеля под Татарским проливом)¹⁴.

Образовавшееся 31 января 1920 г. в результате антиколчаковского восстания Временное правительство Приморской областной земской управы во Владивостоке (области Дальнего Востока объединились под эгидой правительства ДВР лишь в ноябре 1920 г., когда был разгромлен режим атамана Семенова в Забайкалье) пыталось защитить экономические интересы России: были запрещены сделки русских подданных по передаче прав на недвижимость, эксплуатации лесов и недр на срок более 1 года; в феврале 1920 г. проведены торги на рыболовные участки с льготами для русских рыбопромышленников и т.д.¹⁵

В феврале 1921 г. японский генеральный консул во Владивостоке выступил с заявлением о запрещении сдавать в аренду 5 рыболовных и краболовных участков в Агнево, Пильво и др. В заявлении подчеркивалось, что сдача вышеперечисленных участков в аренду с торгов, производимых русскими властями в текущем году, японским правительством будет признана недействительной. МИД ДВР неоднократно выражал протесты против насильственного захвата рыбных промыслов, но они оставались без ответа¹⁶.

Вытеснить же японцев из акватории Охотского моря, районов Сахалина и Камчатки Дальневосточной республике было не под силу.

Вопрос о Северном Сахалине остро стоял на Дайренской, Вашингтонской и Чанчуньской международных конференциях.

Мирные переговоры между делегациями ДВР и Японии в Дайрене (бывший порт Дальний) шли с 26 августа 1921 г. по 16 апреля 1922 г.

Токио пошел на переговоры отчасти потому, что в самой Японии обострились внутренние трудности. Выросли и внешние проблемы Японии. Высадка японских войск на Нижнем Амуре и в Северном Сахалине, активизация японцев на Камчатке вызвали резкую реакцию в США. Еще 16 июля 1920 г. госдепартамент США в ноте правительству Японии заявил, что приветствует готовящийся вывод японских войск из Забайкалья, но не может поддержать решение об оккупации Сахалина. На заседании японского кабинета 4 августа 1920 г. и в циркуляре военного министерства, направленном штабу японских экспедиционных войск говорилось о негативном отношении США к японской политике на Сахалине, сугубой осторожности в действиях Токио и невозможности в полном объеме осуществить планы в отношении Сибири¹⁷.

Японская делегация в Дайрене заняла довольно жесткую позицию. Глава делегации Мацусима отказался заключить договор о дружбе между Японией и ДВР, т.к. не считал это необходимым для заключения торгового договора¹⁸.

5 сентября 1921 г. делегация ДВР внесла состоящий из 29 пунктов проект соглашения между Читой и Токио "О мире, дружбе и торговле"¹⁹. В данном проекте был поставлен вопрос об эвакуации в месячный срок японских войск с территории Дальнего Востока, в т.ч. и Северного Сахалина. В беседе с корреспондентом Дальневосточного телеграфного агентства (ДальТА) глава делегации ДВР в Дайрене Ф.Н. Петров заявил, что представители республики явились в Дайрен "с вполне определенным мандатом — добиться немедленной эвакуации японских войск" и для этого готовы были предоставить Японии "известные компенсации в виде некоторых коммерческих, экономических выгод"²⁰.

В ответ на это предложение, японская сторона выдвинула свои предложения, которые, по сути, носили захватнический характер. Токио решил получить дипломатическим путем то, что не удалось решить военным путем. Следует учитывать, что еще в ноябре 1920 г. японские войска вынуждены были оставить Забайкалье, и там почти сразу же рухнул режим атамана Семенова.

26 сентября 1921 г. японская делегация представила свой проект "Соглашения о торговле и прочем"²¹, к которому были приложены 3 секретных пункта. Особое значение имел второй, в котором указывалось, что японское правительство эвакуирует свои войска из Приморской области "по собственному усмотрению и в срок, который оно найдет нужным и удобным для себя". Японские требования включали ликвидацию российских военных укреплений и военного флота на Тихом океане, превращение Владивостока в чисто торговый порт под иностранным контролем, свободное плавание японских кораблей во внутренних российских водах, беспощинную торговлю японских подданных. Япония настаивала на пересмотре ранее принятых рыболовных конвенций, расширении прав японских рыбопромышленников, подтверждении договоров с прежними российскими правительствами и белыми властями, аренде Северного Сахалина как компенсации за "николаевский инцидент" и т.д. Японская сторона требовала не вводить на территории Дальнего Востока коммунистический режим и сохранить принцип частной собственности, а также ввести право частной собственности японских подданных на землю в пределах российских владений. Принятие этих условий делегацией ДВР фактически превратило бы республику в полуколонию Японии.

Глава японской делегации Мацусима заявил, что войска на Северный Сахалин были отправлены после "николаевских событий". Поэтому, мол, непре-

вильно будет применять известную Декларацию японского правительства от 2 августа 1918 г. в связи с расширением общесоюзной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке (якобы для помощи чехословакам) по отношению к эвакуации с Северного Сахалина²². 11 октября 1921 г. нарком по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерин запрашивал заместителя министра иностранных дел ДВР Я.Д. Янсона: "Может быть, японцы согласились бы взять как отступные Северный Сахалин за все остальное и оставить в покое ДВР. Нельзя ли позондировать?"²³. Японская сторона поставила вопрос, чтобы за эвакуацию северной части острова и Николаевска-на-Амуре частное японское общество взяло Северный Сахалин в аренду на 60 лет. 24 ноября 1921 г. Чичерин сообщал Янсону, что НКВД стоит за то, чтобы согласиться на это, но после максимальной торговли²⁴.

Тактика уступок и затягивания Дайренских переговоров лежала в русле директив ЦК, Дальбюро ЦК РКП (б), НКВД РСФСР и МИД ДВР. Попытка пожертвовать Северным Сахалином в обмен на ликвидацию японской интервенции вытекала из слабости РСФСР и ДВР и была обусловлена стремлением не допустить военного конфликта с Японией. Для ДВР необходимо было выждать время до начала работы Вашингтонской конференции и реализации ряда концессионных проектов.

Директива МИД ДВР делегации в Дайрене предписывала затягивать время в связи с Вашингтонской конференцией, которая открылась 12 ноября 1921 г., и попытками правительства ДВР вовлечь США в обсуждение вопроса о Сахалине путем предоставления концессии на острове нефтяной компании "Синклер"²⁵. Известно, что японцы выслали американских геологов с Сахалина. Это еще больше обострило японо-американские отношения в регионе.

Концессионная политика позволяла РСФСР и ДВР не только осуществить прорыв экономической блокады и постепенный переход к нормальным экономическим взаимоотношениям с окружающими странами, но и "использовать рознь империалистических держав". В связи с этим В.И. Ленин еще в декабре 1920 г. отмечал: "...мы за подобное предложение, как концессии, должны ухватиться обеими руками", так как этим "мы привлекаем американский империализм против японского и против ближайшей к нам японской буржуазии, которая до сих пор держит в руках ДВР"²⁶. На передний план совершенно определенно выходил политический аспект концессионной политики.

9 декабря 1921 г. Дайренская конференция была прервана из-за наступления белогвардейцев из Приморья. В результате переворота 26 мая 1921 г. в Приморье, совершенного белогвардейцами с помощью японских войск, в области было создано т.н. Временное Приамурское правительство (ВПП) братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых. Иницилируя поход т.н. "белоповстанцев" против ДВР (японские войска в нем не участвовали), Япония стремилась оказать давление на ДВР, расширить зону своего влияния, закрепить это положение на Вашингтонской конференции, поставить США перед фактом и предотвратить их вмешательство в Сибирскую политику Токио²⁷. 22 декабря 1921 г. белые отряды, пользуясь ошибками командования Народно-революционной армии ДВР, взяли Хабаровск.

Временное Приамурское правительство проводило свою концессионную политику. При заключении с Японией секретного договора об оказании финансовой и военной помощи, оно взамен поддержки обещало Токио весь Северный Сахалин и все рыбные промыслы океанского побережья, а также аренду Сучанских угольных шахт и привилегии при получении концессий²⁸.

Согласно протоколу заседаний Совета управляющих ведомствами ВПП от 31 декабря 1921 г. СУВ просил правительство разрешить заниматься горным и золотым промыслом ряду американских и французских граждан в Примор-

ской, Сахалинской, Камчатской областях. 11 мая 1922 г. ряд иностранных граждан получили такое разрешение²⁹.

В нотах от 12 и 31 декабря 1921 г., направленных ДВР, японцы старались отстоять те положения, которые предусматривали превращение республики в протекторат Токио. В ответных нотах делегация ДВР заявила, что не допустит диктата в отношении своей Конституции, но соглашалась на удовлетворение некоторых японских требований, готова была обсуждать предложения по урегулированию "николаевского инцидента" и т.д. Делегация Читы настаивала на выводе всех японских войск с территории российского Дальнего Востока, включая Северный Сахалин³⁰.

19 января 1922 г., когда Вашингтонская конференция уже начала свою работу, японцы выставили в Дайрене "пять требований", которые означали несколько урезанную программу экспансии на Сахалине. Японцы заявили, что они желают получить концессии на Сахалине на основе законов ДВР с условием "предпочтения в правоискательстве" японским промышленникам, но чтобы это было оговорено секретной нотой. Делегация ДВР готова была на это согласиться. Но в то же время в этом документе говорилось о сохранении японской оккупации Северного Сахалина под предлогом "николаевского инцидента". Японская сторона даже предложила исключить вопрос об освобождении северной части острова из переговоров. Данная непоследовательность была весьма характерна для поведения японской делегации в целом. В этих противоречивых предложениях явно просматривался шантаж российских партнеров по переговорам³¹.

Поражение белогвардейцев под Волочаевкой 12 февраля 1922 г., ознаменовавшее провал их хабаровского похода, подготовка к Генуэзской конференции, на которой интересы ДВР представляла советская Россия, привели к изменению в позиции Москвы: теперь предлагалось требовать немедленной эвакуации японских войск, ликвидации экономических преимуществ Японии. В случае отказа предписывалось переговоры прервать. Важно отметить, что 14 апреля 1922 г., т.е. за 2 дня до окончательного прекращения Дайренских переговоров, МИД ДВР ожидал результатов переговоров в Генуе с целью заключить договор с Японией и добиться от нее эвакуации войск из Владивостока³². Но 15 апреля японцы предложили новую, крайне невыгодную для ДВР редакцию уже согласованных статей и в ультимативной форме потребовали их подписания. Делегация ДВР отказалась принять требования Японии. 16 апреля 1922 г. делегация Японии прервала переговоры. 24 апреля правительство ДВР в своей ноте возложило ответственность за срыв переговоров на правительство Японии³³.

Однако вернемся к Вашингтонской конференции. Приглашая торговую делегацию ДВР на Вашингтонскую конференцию, США стремились не допустить подписания договора между Читой и Токио в Дайрене и получить средство давления на Японию³⁴. Перед дипломатией буферной республики была поставлена цель — добиться признания ДВР и заинтересовать американский бизнес в торговле с ДВР. Необходимо было, используя противоречия между США и Японией, не допустить создания нового антисоветского альянса, заставить Токио уйти с российского Дальнего Востока.

3 декабря 1921 г. делегация ДВР прибыла в Вашингтон и вручила госдепартаменту свои полномочия на право представительства ДВР в США и на участие в Вашингтонской конференции. Однако к участию в работе конференции делегация допущена не была. США и другие державы были настроены антисоветски и желали видеть Японию антибольшевистским бастионом на Дальнем Востоке, хотя в то же время не желали закрепления Страны Восходящего солнца в регионе. Отсюда — двойственность и нерешительность политики США по

отношению к Японии. Вашингтон был даже готов пойти на уступки Японии в т.н. "сибирском вопросе".

Япония же опасалась, что на Вашингтонской конференции в рамках обсуждения дальневосточного вопроса будут приняты решения, которые ущемят ее интересы в этом регионе. Было ясно, что японцы, прикрываясь переговорами, будут выжидать результатов Вашингтонской конференции и, вероятно, попытаются предпринять на Дальнем Востоке новые авантюры. Сенат США решил внести в свои протоколы полный текст брошюры о японской агрессии, изданной делегацией ДВР в Вашингтоне³⁵.

Делегация ДВР в Вашингтоне развернула активную антияпонскую кампанию. В конце декабря 1921 г. делегация ДВР опубликовала серию секретных японо-белогвардейских и франко-японских документов, разоблачавших цели Японии на Дальнем Востоке³⁶. Прессе были представлены документы, которые выявили существование секретного соглашения между Японией и Францией о создании на Дальнем Востоке подчиненного Японии марионеточного государства³⁷. Политическое содержание этого соглашения было направлено против Соединенных Штатов. Опубликованный делегацией текст договора, подписанного представителями Японии, Франции и белогвардейцев 12 марта 1921 г., предусматривал превращение Дальнего Востока усилиями трех сторон в японскую колонию. Франция и Япония должны были, согласно этому договору, перебросить армию Врангеля из Европы на Дальний Восток, снабдить ее оружием и деньгами и при помощи белогвардейцев свергнуть правительство ДВР.

23 января 1922 г. на конференции обсуждался "сибирский вопрос", который после публикации документов делегацией ДВР уже нельзя было замалчивать. На заседании дальневосточной комиссии конференции первым выступил японский делегат Сидехара. Он зачитал обширную декларацию, в которой Япония заявляла о своем бескорыстии в делах российского Дальнего Востока и полном нейтралитете в борьбе русских партий, уважении территориальной целостности России. Сидехара даже подтвердил обязательство Японии вывести свои войска с территории российского Дальнего Востока, но не назвал срока. В качестве доказательства Сидехара ссылаясь на Дайренскую конференцию. В заявлении главы японской делегации вновь прозвучало оправдание японской интервенции на российском Дальнем Востоке, в т.ч. ссылкой на "николаевский инцидент", после чего, мол, Японии "оставалась лишь одна *альтернатива* (выделено авт.), а именно занять в качестве репрессалии некоторые пункты русского Сахалина". Система управления Японией острова Сахалин могла бы служить моделью оккупационных порядков на всем российском Дальнем Востоке, — считал японский представитель³⁸.

Японская делегация всеми силами пыталась дезавуировать документы, которые опубликовала делегация ДВР в Вашингтоне. Но на конференции ни одна из держав не поддержала притязания Токио на особые права на российском Дальнем Востоке. В той или иной форме все участники осудили присутствие японских войск в Приморье и на Северном Сахалине. Делегация США, несмотря на общий антисоветский настрой, потребовала "полного отзыва японских войск со всей русской территории" и "возвращение Сахалина"³⁹.

Летом 1922 г. дипломатия ДВР усилила свою активность для решения вопроса о выводе контингента японских войск с территории российского Дальнего Востока. В Токио было отправлено соответствующее обращение к японскому правительству. Обращение было принято, и конференция состоялась в Чанчуне с 4 по 26 сентября 1922 г.

По взаимной договоренности правительств РСФСР и ДВР в Чанчунь была направлена объединенная российская делегация, возглавляемая членом

ВЦИК А.А. Иоффе. ДВР представлял на переговорах министр иностранных дел Я.Д. Янсон⁴⁰.

Когда переговоры коснулись проблемы Северного Сахалина, японский дипломат Каваками как "неофициальное лицо" зондировал с российской делегацией вопрос, не сможет ли ДВР продать или сдать в аренду Японии северную часть острова. Когда же российская сторона отказалась, был поставлен вопрос о японской концессии и концессии американской компании "Синклер" на острове (может ли ДВР расторгнуть договор с американцами?)⁴¹. Японская сторона явно опасалась обострения отношений с США и пыталась исправить напряженность в отношениях с Вашингтоном путем расширения торговли и разрешения американским фирмам создавать концессии в Корее. Компания "Синклер" внимательно следила за переговорами в Чанчуне и даже готова была уступить японцам до 30% акций, чтобы избежать конфликта между Токио и Вашингтоном⁴². Но в конечном итоге этот конфликт разрешен не был.

Несмотря на готовность ДВР предоставить Японии ряд льгот в экономической деятельности на своей территории на условиях полной эвакуации японских войск из Приморья и Северного Сахалина, глава японской делегации Мацудайра сообщил, что Токио намерен эвакуировать свои войска из Приморья к концу октября 1922 г., а с Северного Сахалина — лишь после разрешения т.н. "николаевского вопроса". Практически эвакуация откладывалась на неопределенный срок, поскольку от немедленного обсуждения этого вопроса японские делегаты уклонились⁴³. А.А. Иоффе возложил всю ответственность за "николаевский инцидент" на Японию, заявив, что никакое экономическое соглашение между РСФСР, ДВР и Японией невозможно, если Северный Сахалин не будет эвакуирован⁴⁴.

Мацудайра заявил, что если российская сторона не станет торопиться, то Япония "разрешит все свои интересы самостоятельно" и "вынуждена будет говорить с той властью, с которой можно договориться". (Речь шла о белом режиме М.К. Дитерихса, который просуществовал в Приморье не более 3-х месяцев)⁴⁵. В ответ А.А. Иоффе заявил, что если переговоры будут вестись в таком тоне, то они вряд ли придут к желательному результату⁴⁶.

Заместитель народного комиссара иностранных дел РСФСР Л. Карахан 9 сентября 1920 г., телеграфировал А.А. Иоффе, что "позиция должна быть твердой, никаких уступок сверх установленных прежними инструкциями. Россия принимает участие вообще, а не для скрепления подписей Дальневосточной Республики и разрешения рыболовных вопросов. Дайте понять, что Россия вернулась на Тихий океан и что всякие иллюзии на счет нашей слабости и возможности третировать нас как неравную державу бесплодны"⁴⁷.

Конференция в сентябре 1922 г., закончила свою работу, так и не достигнув договоренности ни по одному из вопросов.

Во второй половине сентября — начале октября 1922 г. Япония начала вывод своих войск из Нижнего Амура. 2 октября 1922 г. части Народно-революционной армии ДВР высадились в Николаевске-на-Амуре. 6 октября японцы ушли из залива Де-Кастри.

25 октября 1922 г. Народно-революционная армия Дальневосточной республики вошла во Владивосток, а 15 ноября ДВР была ликвидирована, и Дальний Восток воссоединился с Россией.

В январе 1923 г. Министр иностранных дел Утида дал согласие на приезд советского представителя в Пекине А.А.Иоффе в Японию в качестве туриста (для лечения). В это же время японский посланник в Польше Каваками, проездом в Москве посетил народного комиссара по иностранным делам Г.В. Чичерина, заявив, что уступка Северного Сахалина урегулировала бы советско-япон-

ские отношения и создала бы возможность признания Советской России де-юре. Это предложение было категорически отклонено.

7 марта 1923 г. Иоффе сообщил японцам предварительные условия ведения переговоров: равноправие сторон; юридическое признание СССР; утверждение приемлемого срока эвакуации Северного Сахалина.

20 апреля 1923 г. правительство Като дало согласие на неофициальные переговоры и право Иоффе на ведение шифропереписки⁴⁸.

3 мая 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассматривало вопрос о переговорах с Японией по поводу продажи северной части о-ва Сахалин. А.А. Иоффе было сообщено, что сумма в 1 млрд руб. должна считаться минимальной. Вся сумма, или ее 90% должны были быть внесены наличными, причем на них не могли быть обращены никакие расчеты между Японией и Россией. Однако в итоге комиссия, созданная Политбюро (Чичерин, Сокольников, Кржижановский, Куйбышев) пришла к выводу о нецелесообразности продажи острова, но рекомендовала предоставить японцам нефтяные, угольные и лесные концессии на долгий срок. Кроме того, в казне Токио в тот момент не было таких средств. Японская же сторона настаивала на сумме в 150 млн иен при покупке Северного Сахалина или долгосрочных концессиях на эксплуатацию нефтяных, угольных и лесных богатств. А.А. Иоффе отвел притязания на продажу северной части острова на таких условиях, но согласился на концессии. В то же время Г.В. Чичерин потребовал точной формулировки японских требований и начала официальных переговоров. В конце июля 1923 г. переговоры были прекращены в связи с их неофициальным характером и потому, что они не решали вопроса об установлении дипломатических отношений⁴⁹.

Переговоры об установлении дипломатических отношений между СССР и Японией и освобождении Северного Сахалина подробно освещены советским историком А. Лопачевым.

В январе 1924 г. новый советский полпред в Пекине Л.М. Карахан поставил перед НКВД РСФСР вопрос о проведении более жесткого курса в отношении Японии. Он предложил ограничить льготы для японских рыбопромышленников, свернуть торговлю, ограничить выдачу виз, прекратить отношения с консулом. В феврале 1924 г. НКВД принял предложение Карахана. 19 марта 1924 г. японский посланник в Пекине Исидзава, сообщил Карахану о том, что японское правительство решило признать советское правительство, но выставило 3 условия: секретность переговоров; неопределенность их квалификации; решение владивостокских инцидентов (освобождение арестованных шпионов, признание консула, установление почтового сообщения).

После неоднократных неофициальных встреч с К. Исидзавой по вопросу нормализации отношений Л.М. Карахан добился того, что японская сторона отказалась от предварительных условий переговоров.

14 мая 1924 г. в Пекине начались официальные переговоры между Караханом и Исидзавой Кэнкити. Эвакуацию Сахалина Л.М. Карахан сформулировал так, что японцы приступают немедленно к эвакуации по подписанию соглашения и заканчивают ее в двухнедельный срок. В вопросе о долгах Карахан добился отказа от компенсаций концессиями или в какой-либо другой форме. Японцы согласились отложить решение этого вопроса на будущее время.

В начале июня они совершенно неожиданно расширили рамки своих требований о долгах и концессиях. Японская делегация снова потребовала, чтобы советское правительство признало себя виновным за николаевские события. Она не хотела уже фиксировать определенные сроки эвакуации Северного Сахалина после подписания договора и заявила о предоставлении концессий сроком на 99 лет.

12 июля 1924 г. Исидзава по поручению своего правительства выехал с группой специалистов на Северный Сахалин для того, чтобы на месте познакомиться с расположением нефтяных месторождений и их состоянием. На основании его информации была выработана позиция японской делегации в отношении нефтяных концессий — получение 60% территории всех разведанных месторождений.

4 августа 1924 г. переговоры в Пекине были продолжены. Л.М. Карахану был передан проект “Конвенции, охватывающей основные принципы отношений между Японией и СССР”. Советская делегация выразила готовность предоставить Японии не 60, а 40% всех нефтеносных площадей на Северном Сахалине в виде концессии. Правда, Исидзава настаивал на предоставлении 8 округов, избранных самими японцами, почти всех районов, где была разведана нефть. Япония требовала для себя все разведанные нефтяные площади на условиях не 40, а 60% эксплуатации каждого участка. Больше того, если советские власти в течение 3 лет не могли эксплуатировать оставшиеся участки, то они обязаны были бы сдать их Японии на концессионных началах. Те же самые условия предлагались и в отношении угольных концессий⁵⁰. Однако твердая позиция советской стороны на переговорах не позволила японской стороне навязать СССР неравноправные условия установления дипломатических отношений и деятельности иностранных концессий. 20 января 1925 г. была подписана “Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией”. Дипломатические отношения между СССР и Японией были установлены.

После подписания в Пекине советско-японской конвенции правительство СССР организовало полномочную комиссию ЦИК из 12 человек во главе с работником НКВД В.Я. Аболтиным. В мандате НКВД от 4 февраля 1925 г. указывалось: “На гражданина Аболтина как на председателя комиссии возлагается: первое — выработка совместно с японским командованием мер к скорейшему проведению эвакуации японских войск с территории принадлежащей СССР, — части острова Сахалин (северный Сахалин);

второе — принятие совместно с японским командованием мер к скорейшему проведению эвакуации японских войск согласно принципам международного права и вышеупомянутому договору между СССР и Японией;

третье — принятие от японского командования или иных японских властей принадлежащей СССР территории и имущества⁵¹.

Японское правительство со своей стороны назначило председателем комиссии по передаче острова командующего сахалинскими экспедиционными войсками генерал-лейтенанта К. Инноутэ⁵².

14 мая 1925 г. в 9 часов 40 минут последние японские войска оставили сахалинскую пристань и погрузились на корабли⁵³. Япония вернула ранее угнанные суда Амурской флотилии: монитор “Шквал”, канонерские лодки “Бурят”, “Монгол”, “Вотяк” и ряд других кораблей.

Таким образом, в 1925 г. территориальное и политическое единство (в рамках международных договоров тех лет) нашей страны, благодаря усилиям советской дипломатии, было восстановлено.

В соответствии с Пекинским соглашением в декабре 1925 г. в Москве были подписаны концессионные договоры на эксплуатацию в течение 45 лет нефти и угольных месторождений Северного Сахалина. По договору 8 нефтяных месторождений в северной части острова были разбиты на участки. 50% японской стороне, 50% в шахматном порядке отводилось русской стороне. Для эксплуатации нефтяных месторождений японские предприниматели в 1926 г. создали Северо-Сахалинскую акционерную нефтяную компанию. За время существования кон-

цессий (до 1944 г.) японцы добыли на Северном Сахалине и вывезли в Японию более 2 млн тонн нефти⁵⁴.

До 1927 г. концессия являлась монопольным производителем нефти на советском Дальнем Востоке. Значение японского предприятия состояло в том, что его деятельность показала практическую возможность и целесообразность добычи нефти на Сахалине, следствием чего было создание советского треста «Сахалиннефть». Некоторое значение концессия имела и как источник поступления иностранной валюты. С 1925 г. (с начала действия договора) по 1931 г. платежи японских промышленников составили около 400 тыс. долл. На концессионном предприятии проходили стажировку советские специалисты, а работавшие на нем рабочие и служащие получали необходимые профессиональные навыки⁵⁵. Последним годом существования японских концессий на Северном Сахалине был 1944 г. В марте 1944 г. в Москве был подписан протокол о передаче Советскому Союзу японских концессий на Северном Сахалине⁵⁶. К 23 августа 1944 г. все иностранцы выехали в Японию.

После Второй мировой войны СССР вернул себе южную часть о-ва Сахалин. К Советскому Союзу также отошли Курильские острова.

Современное развитие российско-японских отношений требует их освобождения от таких реликтов «холодной войны», как проблема т.н. «северных территорий». Отношения между нашими странами могут и должны привести к появлению новых форм сотрудничества на основе добрососедства и ликвидации стереотипов прошлого.

Разработка российскими и иностранными фирмами природных богатств Сахалина, в частности его шельфа, должна вестись на основе равноправия, взаимной выгоды, сохранения экологического равновесия на российском Дальнем Востоке.

1. Орнацкая Т., Ципкин Ю.Н., Ширяев В.А. Из истории борьбы с интервенцией на российском Дальнем Востоке в 1921—1922 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5.
2. Сложная внешнеполитическая ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке в начале 1920 г., вынудила Советскую Россию создать на Дальнем Востоке особое буферное государство — Дальневосточную республику. Перед буфером стояла задача выиграть время, освободить регион от интервентов без прямого военного столкновения с Японией, войска которой оставались на российском Дальнем Востоке и после вывода войск других стран (США, Англии, Чехословакии и др.) в начале 1920 г. Необходимо было избежать одновременной войны с Белыми силами Деникина и Врангеля на Юге страны, Польшей на Западе и Японией на Дальнем Востоке и восстановить геополитические позиции России на Тихом океане. ДВР существовала с 6 апреля 1920 по 15 ноября 1922 гг. и была ликвидирована после освобождения региона от интервентов. Руководство внутренней и внешней политикой республики осуществляли ЦК РКП(б), Совнарком и НКВД РСФСР.
3. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 355—356 (История Дальнего Востока. Т. 3, кн. 1).
4. Там же. С. 365.
5. Лопачев А. Освобождение Северного Сахалина: борьба советской дипломатии за освобождение северного Сахалина (1920—1925 гг.). Южно-Сахалинск, 1989. С. 7—9.
6. В феврале 1920 г. партизанские отряды, действовавшие в низовьях Амура («Красная Армия Николаевского района») под командованием анархиста-максималиста Я. Тряпицына, заключили договор о нейтралитете с японским гарнизоном и вошли в Николаевск-на-Амуре. 12 марта 1920 г. японский гарнизон (350 чел.) и местная японская колония (380 чел.) напали внезапно на партизан, но были разгромлены. Почти все японские пленные были расстреляны. Позже командующий японскими экспедиционными вой-

- сками на российском Дальнем Востоке генерал Оой подал в отставку в связи с тем, что не подчинился приказу начальника Генштаба генерала Уехара о выделении части войск для охраны Николаевска. Оой получил также выговор за неправильную дислокацию частей 14-й японской дивизии. Тряпицын же, используя мощную местную радиостанцию, сообщил всему Дальнему Востоку и даже Москве о своем неприятии идеи буферной республики и призвал все революционные силы региона к войне с Японией. 22 марта 1920 г. НКВД РСФСР выразил сожаление в связи с происшедшими событиями в Николаевске-на-Амуре и вновь предложил начать мирные переговоры между советской Россией и Японией. Однако правящие круги Японии развернули мощную антирусскую пропагандистскую кампанию и заявили о необходимости "компенсации" за "николаевский инцидент". Летом 1920 г. японцы высадили десант в низовьях Амура. Отряд Я. Тряпицына вынужден был эвакуироваться из Николаевска. При отступлении партизаны сожгли ряд поселков на побережье и город и угнали почти всех жителей в таежный поселок Керби (ныне — пос. им. П. Осипенко). Уже в Керби в отряде произошел переворот и был организован т.н. "суд 103". За преступления против мирного населения Я. Тряпицын со своими соратниками был расстрелян. В апреле 1920 г. японские войска высадились на Северном Сахалине. Современный японский исследователь В. Фудзимото подчеркивал, что главной целью занятия Северного Сахалина было удержание нефтяных и угольных месторождений. Американские дипломаты считали, что японцы сами организовали провокацию, чтобы иметь повод для оккупации Северного Сахалина. США выступили с протестом против захвата Японией северной части острова, но безуспешно. В современной российской историографии нет единой точки зрения на николаевские события весны 1920 г. Часть авторов и сегодня считает Я. Тряпицына принципиальным борцом за советскую власть (См.: Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией. Док. и материалы. Владивосток, 1993. Ч. I. С. 28—39, 225-232; Ч. II. С. 202—209; *Фудзимото В.* Дальневосточная республика и Япония // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы междунар. науч. конфер. Владивосток, 1997. С. 141; *Корейцы на российском Дальнем Востоке* (вт. пол. XIX—нач. XX в.). Док. и материалы в 2 кн. Кн. 2. Владивосток, 2004. С. 103—104; *Левкин Г.Г.* Волочаевка без легенд. Хабаровск, 1999; *Он же.* Было, но быльем не поросло... Хабаровск, 2006 и др.).
7. *Лопачев А.* Указ. соч. С. 12—13; *Высоков М.С.* История Сахалина и Курил в самом кратком изложении. Южно-Сахалинск, 1994. С. 76.
 8. Там же. С. 23.
 9. Там же. С. 14—17.
 10. *Сонин В.В.* Японский оккупационный режим на Северном Сахалине (1920—1925 гг.) // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке. Сб. статей. Владивосток, 1988. С. 63.
 11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 372, оп. 1, ед. хр. 39, л. 43—44; л. 365, л. 43-44; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. П-44, оп. 1, л. 111, л. 71; л. 365, л. 50—68, 74—77; *Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917-1925 гг.): Сб. док. и материалов.* Южно-Сахалинск, 1959. С. 146—148, 158—170, 174—191; *Сонин В.В.* Указ. соч. С. 64—66, 67—70.
 12. *Лопачев А.* Указ. соч. С. 14—17.
 13. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, л. 2191, л. 2; ф. 495, оп. 127, л. 37, л. 2—3; *Лопачев А.* Указ. соч. С. 25, 47.
 14. *Молодяков В.* Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений. М., 2005. С. 173.
 15. Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1920. 24 февр. 24 февраля 1920 г. японский генконсул во Владивостоке заявил Приморской Земской управе о том, что японские рыбопромышленники будут продолжать ловить рыбу в российских территориальных водах "на прежних основаниях" (т.е. согласно договора с колчаковским правительством 1919 г.). Подчеркивалось, что японские рыбопромышленники будут вносить плату за аренду в японское казначейство. Промысел будет сопровождаться военно-морской

- охраной. Японский рыбный надзор будет осуществляться независимо от русского. В декабре 1920 г. согласно инструкции своего МИДа японская дипломатическая миссия заявила о захвате рыболовных промыслов в низовьях Амура и около Северного Сахалина (См. ГАХК, ф. 1736, оп. 1, л. 106 б, л. 154—155; л. 106 г, л. 349, 350—366; Дальневосточная республика: Становление... Ч. 1. С. 233—239).
16. Лопачев А. Указ. соч. С. 24—25.
 17. Никифоров П.М. Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. М., 1923. С. 16; Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 386.
 18. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), ф. 08, оп. 5, п. 3, л. 16, л. 38—44.
 19. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). М., 1960. Т. 4. С. 724; Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией. Док. и материалы. Владивосток. 1993. Ч. 2. С. 166—168.
 20. Цит. по: Персиц М.А. Дальневосточная республика и Китай. М., 1962. С. 237; Петров Ф.Н. 65 лет в рядах ленинской партии. Воспоминания. М., 1962. С. 73—93.
 21. ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 784; Дальневосточная республика: Становление... Ч. 2. С. 161—166.
 22. АВПРФ, ф. 08, оп. 5, п. 3, л. 16, л. 102; Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.). Сб. док. Владивосток, 1955. С. 165—166.
 23. РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, л. 69, л. 24—25.
 24. Там же.
 25. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, л. 2190, л. 64—65; л. 2191, л. 2; АВПРФ, ф. 08, оп. 5, п. 14, л. 3, л. 18; ДВП СССР. Т. 5. М., 1961. С. 722—723; Попова Е.И. Политика США на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). М., 1967. С. 223; Молодяков В. Указ. соч. С. 257. Переговоры с компанией «Синклер ойл» начались в 1921 г. Договор был подписан 7 января 1922 г. и вступил в силу 7 января 1923 г., но не был реализован из-за отказа Японии признать его. ДВР предоставила компании 1 тыс. кв. верст территории для добычи нефти, естественных газов и смол сроком на 36 лет. Договором предусматривалось, что компания построит на Сахалине два порта, железные дороги, телеграфную и телефонную линии, электростанции и линии передач. Эта широкая концессия, предоставлявшая компании огромное поле деятельности, была ограничена целым рядом условий. Компания обязывалась в течение пяти лет затратить на разведывательные работы 400 тыс. зол. руб., к концу второго года пустить в ход один буровой стан, к концу пятого — второй. В Дополнении к Договору устанавливалось, что ДВР имеет право расторгнуть концессионный договор в течение года, если американское правительство не будет содействовать компании, американские суды не будут рассматривать дела, касающиеся договора и если США будут угрожать суверенитету республики, а также, если к концу пятого года со дня подписания договора не будут установлены дипломатические отношения между США и ДВР. Американская геологоразведочная экспедиция, которая обязалась предоставить СССР карту разведанных нефтеносных площадей, была выслана японцами за пределы Сахалина. 4 мая 1924 г. ВСНХ СССР предоставил фирме еще шесть месяцев для выполнения обязательства по разведке нефти на Северном Сахалине. Но и это не было выполнено по вине японской стороны.
 26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 96.
 27. Мостовец Н.В. Дайренская конференция // Ученые записки АОН. Вып. 2. Вопросы всеобщей истории. М., 1948. С. 287; Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917—1923. Т. 1—2. М., 1990. С. 285—287.
 28. Павлович М. (Вельтман М.П.). Советская Россия и империалистическая Япония. М., 1923. С. 68—70.
 29. Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период гражданской войны (1917—1922 гг.). Владивосток, 2003. С. 287.
 30. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 550.
 31. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, л. 2191, л. 2; Лопачев А. Указ. соч. С. 47.

32. РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, л. 69, л. 17—19; Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 550.
33. ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 270—272; Дальневосточная республика: Становление... Ч. 2. С. 185—189; Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 551.
34. Степанов А.С. Заслуга нашей дипломатии: Ленинская политика мира на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). М., 1991. С. 81—82.
35. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 551—554.
36. ГАХК, ф. П-44, оп. 1, л. 154, л. 1—30; ДВП СССР. Т. 5. М., 1961. С. 21—44.
37. РГАСПИ, ф. 373, оп. 1, л. 13, л. 44—46.
38. РГАСПИ, ф. 495, оп. 127, л. 37, л. 2—3; Дальневосточная республика: Становление... Ч. 2. С. 202—209; Лопачев А. Указ. соч. С. 25.
39. Дальневосточная республика: Становление... Ч. 2. С. 213—214.
40. В конце августа 1922 г. на Северном Сахалине побывала делегация ДВР, в составе которой были представители ряда министерств республики. С ними вел переговоры представитель японского командования и одновременно крупный рыбопромышленник Симада. Последний обещал направить делегацию в Читу для признания ДВР и подписания договора с ее правительством. Японское командование обещало, что не допустит в Николаевском районе вооруженных белых отрядов и не будет препятствовать занятию этой территории силами ДВР. Таким образом, в преддверии Чанчуньской конференции японцы стремились “признать” ДВР и расколоть российскую делегацию. Кроме того, японское командование пыталось представить себя миротворцем и обещать вывести войска с Нижнего Амура, но не с Северного Сахалина (См.: ГАХК, ф. 19, оп. 1, л. 42, л. 285, 286, 289).
41. АВПРФ, ф. 08, оп. 5, п. 14, д.3, л. 70—71.
42. Там же, л. 60—62. Еще в июне 1921 г. шли переговоры о том, что компания “Синклер” была готова предоставить японцам 35% акций концессий на Северном Сахалине. однако, из-за неверной расшифровки информации из Вашингтона получалось, что японцы просят 2/3 акций. После исправления ошибки японцы на переговорах стали просить 50% акций, однако руководители ДВР и РСФСР отказались утвердить это положение. Япония пыталась шантажировать ДВР распространением слухов о готовящемся захвате Северного Сахалина остатками белогвардейских отрядов при ее помощи. В марте 1923 г. обсуждался даже вопрос о привлечении англичан в качестве концессионеров по углю на западном берегу Сахалина, что, по мнению Л.Б. Красина, вбивало бы “если не клин, то некоторую берозу в отношения англичан и американцев на Дальнем Востоке, что тоже не лишено известного интереса” (См. Советско-американские отношения. Годы непризнания, 1918—1926. Документы. М., 2002. С. 242—243, 267, 271—273).
43. Корреспондент либеральных газет “Осака майнити” и “Токио нити-нити” К. Фусэ, взявший в июне 1920 г. интервью у В.И. Ленина и Г.В. Чичерина, направил секретный меморандум объединенной российской делегации в Чанчуне. Фусэ подчеркивал свои симпатии к ДВР и призывал российских дипломатов достичь компромисса с японской делегацией. Он предложил два варианта решения проблемы. Первый предусматривал подписание договора на основе японских требований, что, по его мнению, должно было вызвать доверие Токио к Чите и Москве. Тогда, мол, либеральная пресса заставит правительство признать советскую Россию. Отказ же вызовет сильное недовольство Японии, и поэтому России необходимо продать Северный Сахалин и гарантировать недопущение иностранцев, прежде всего американцев, на ее тихоокеанское побережье. К. Фусэ говорил о своем бескорыстии и долге “гражданина мира”, но, по сути, был проводником японской политики. Советская делегация отказалась от предложений К. Фусэ (См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 41. С. 132—134; Иоффе А.А. Россия и Япония (Чанчуньская конференция) // Новый Восток. 1923. № 4. С. 8—10).
44. Сидоров А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). М., 1998. С. 106.

45. К попыткам расширить территорию Белого режима относится и экспедиция генерала А.Н. Пепеляева на Охотское побережье и в Якутию. К 20 августа 1922 г. во Владивостоке была сформирована т.н. "Милиция Северной области", затем переименованная в "Сибирскую Добровольческую дружину". Как боевой генерал, да к тому же еще молодого возраста, А.Н. Пепеляев (младший брат омского премьера В.Н. Пепеляева, расстрелянного вместе с адмиралом Колчаком в Иркутске) был популярен в военных кругах Белого движения. Одно время он придерживался эсеровских взглядов, не был и чужд сибирскому областничеству. Поход начался под бело-зеленым знаменем "автономной Сибири", что являлось попыткой белогвардейцев реанимировать сибирское областническое движение под эсеровскими лозунгами. Под Якутском белые потерпели поражение от красноармейских отрядов и отступили на Охотское побережье. К февралю 1923 г. они сосредоточились в Аяне (около 550 чел.). А.Н. Пепеляев намеревался отправить часть отрядов через тайгу на Амур и затем в Маньчжурию, а другую — на Северный Сахалин. Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Часть отряда, шедшая на Амур, была перехвачена и ликвидирована. В июне 1923 г. красноармейский экспедиционный отряд под командованием С. С. Вострецова захватил врасплох в Аяне основные силы А.Н. Пепеляева. Генерал и его отряд (333 чел.) сдались красноармейцам. ВЦИК СССР заменил А.Н. Пепеляеву расстрел 10-ю годами заключения, но в 1938 г. бывший белый генерал был расстрелян (См.: Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. С. 599—600; Генерал Вишневский Е.К. Аргонавты белой мечты. Описание Якутского похода Сибирской Добровольческой дружины. Харбин, 1933. С. 18—19, 26—31, 91—92, 110—120; *Еленевский А.* 1921—1923 годы в Якутской области // Последние бои на Дальнем Востоке. М., 2005. С. 766; *Клипель В.* Аргонавты снегов. О неудавшемся походе генерала А. Пепеляева // Дальний Восток. 2003. № 5).
46. РГАСПИ, ф. 495, оп. 127, л. 25, л. 11—12; Дальневосточная республика: Становление... Ч. 2. С. 273—275.
47. ДВП СССР. Т. 5. М., 1961. С. 572.
48. *Лопачев А.* Указ. соч. С. 69.
49. Там же. С. 69—71; *Молодяков В.* Указ. соч. С. 216—233, 249—269; *Попов В.Г.* Концессионная политика Советского государства на русском Дальнем Востоке (1922—1944 гг.) // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России: Сб. науч. трудов. Владивосток, 1994. С. 117—118, 120.
50. *Лопачев А.* Указ. соч. С. 70—84.
51. *Лопачев А.М.* Из истории возвращения Северного Сахалина в 1925 году // Ученые записки (Хабаровский педагогический институт) Сер. историческая, 1968. Т. 16. С. 52.
52. РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, л. 290, л. 88; *Лопачев А.М.* Из истории возвращения Северного Сахалина в 1925 году. С. 53.
53. *Лопачев А.М.* Из истории возвращения Северного Сахалина в 1925 году. С. 58.
54. *Высоков М.С.* Указ. соч. С. 79.
55. Государственный капитализм в промышленности Дальнего Востока в переходный период от капитализма к социализму. Владивосток, 1968. С. 16.
56. Советско-японские экономические отношения в Тихоокеанскую эру. Хабаровск, 1989. С. 118.

Первый преподаватель русского языка в Корее Н.Н. Бирюков: педагог, организатор военной разведки и дипломат

© 2008

А. Хохлов

Николай Николаевич Бирюков, первый преподаватель русского языка в Сеуле, как видно из его послужного списка, родился 27 января 1861 г. в семье дворянина Петербургской губернии. В августе 1879 г. он юнкером поступил в Николаевское кавалерийское училище, по окончании которого высочайшим приказом от 8 августа 1881 г. в звании прапорщика определен в 28-ю артиллерийскую бригаду¹. Во время пребывания во Владивостоке его как отставного капитана корейские власти пригласили в Сеул в качестве преподавателя русского языка в соответствии с контрактом, подписанным с ним 13 ноября 1895 г.²

О первых успехах Н.Н. Бирюкова на ниве просвещения в Корее можно судить по нижеследующему донесению Российской дипломатической миссии в Сеуле, отправленном ее тогдашним руководителем А.Н. Шпеером министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу 15 августа 1897 г.: "С начала 1896 г. в Сеуле открыта первая в Корее корейская правительственная школа русского языка. Экзамены, проведенные весной 1896 г. и 1897 гг., дали прекрасные результаты. На экзамене, произведенном в моем присутствии весной нынешнего года, выяснилось, что посещавшие ее (в числе шести из общего числа 40 учеников, ныне учащихся в школе) понимают русскую речь, конечно [разговоры] не на [самые] трудные темы и могут сами понятно объясняться по-русски.

Школа разделяется на три класса. Ученики 1-го класса, т.е. занимающиеся не меньше одного года, свободно и с пониманием читаемого [текста] читают и довольно правильно пишут под диктовку по-русски и знакомы с простейшими элементами русской грамматики. Кроме того, они знают четыре правила арифметики и имеют сведения по географии, всеобщей и русской.

Ученики 2-го класса, т.е. обучавшиеся около 6 месяцев, читают и пишут по-русски, знают некоторые правила грамматики и арифметики. Наконец, ученики 3-го класса, т.е. пробывшие в школе весьма непродолжительное время (около месяца), уже читают и пишут по-русски и владеют знанием некоторого запаса слов.

Столь прекрасные результаты школы, достигнутые школою, объясняются ревностным отношением к своим обязанностям учителя ее капитана артиллерии в отставке Николая Николаевича Бирюкова. Не довольствуясь занятиями в школе с 9 час. утра до 3-х час. дня, он отдает свое [остальное] время в неограниченном количестве на занятия на дому с приходящими к нему учениками школы и, кроме того, ежедневно в рекреационное время в школе лично производит обучение всех учеников военной гимнастике. Корейский король [Коджон] несколько раз призывал к себе на смотр [учащихся русской школы] и каждый раз благодарил г-на Бирюкова в самых милостивых выражениях.

Хохлов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН.

Ввиду всего вышеизложенного считаю своим долгом перед отъездом из Кореи представить Вашему Сиятельству настоящее ходатайство перед Имп. Министерством о представлении г-на Бирюкова к награждению орденом, [как] полагал бы я, Св. Анны 3-й степени”³.

На успехи Н.Н. Бирюкова в обучении корейской детворы и молодежи русскому языку указывали многие россияне, приезжавшие в Корею, в том числе известный журналист, дважды бывавший в этой стране С.Н. Сыромятников, подписывавший свои зарубежные репортажи псевдонимом “Сигма”. Касаясь помощи россиян в области народного просвещения Кореи и, в частности, в преподавании корейцам русского языка, С.Н. Сыромятников в одном своем репортаже с большой теплотой рассказывал о школе русского языка в Сеуле, созданной при активном содействии Н.Н. Бирюкова, при этом приводил следующие, поражающие своей точностью, сведения:

“На тихой улице, в большом дворе, заросшем травой, помещаются два дома. В одном из них находится русская школа, а в другой — французская. Самые старые ученики пробыли в школе 15 учебных месяцев, самые молодые — два месяца. В старшем классе — 14 школьников, в среднем — 17, в младшем — 29. Все они в возрасте от 13 до 35 лет, но большинство составляют лица в возрасте от 15 до 25 годов. Учащиеся в большинстве своем принадлежат среднему сословию. Обучение — бесплатное, причем правительство обеспечивает школьников завтраком и учебными пособиями. Форму одежды шьют по заказу на пожертвованные деньги...

Ученики Н.Н. Бирюкова — чаще всего очень способные дети и юноши... Учащиеся старших классов свободно читают по-русски, довольно хорошо говорят и переводят с русского языка на корейский, пишут почти без ошибок, хотя у них в языке нет звуков [подобных русским] б, в, з, ф, ш, щ. Они знают начала грамматики, решают нетрудные арифметические задачи, занимаются гимнастикой и [построениями в линейку]. Учащиеся целыми толпами приходят к учителю после уроков и занимаются чтением и переводом. *Лучшего учителя для них трудно найти, т.к. Н.Н. Бирюков — человек редкой доброты, спокойствия и [педагогического] рвения...*

Некоторые учащиеся — женаты, т.к. корейцы рано женятся. Почти все курят — такой обычай в Корее. По их непринужденному, веселому виду, по их бойким, понятливым глазам видно, что им хорошо в школе и что они чувствуют потребность в знаниях”⁴.

Обстановка, в которой усердно и самозабвенно трудился Н.Н. Бирюков, посвятивший себя воспитанию молодого поколения Кореи, довольно полно описана в корреспонденции из Сеула, появившейся в газете “Новый край” 2 марта 1903 г. под инициалами “Б.Л.” (Бронислав Людвигович [Громбчевский]. — А.Х.). В ней говорилось: “После обеда [мы] отправились к заведующему русской школой Н.Н. Б-ву [Бирюкову]. Школа эта открыта с [марта] 1896 г. и содержится, как и другие иностранные школы, корейским правительством. Скромная квартира Н.Н. переделана из корейской фанзы и состоит из двух небольших комнат. Обстановка скорее студенческая — много книг, напоминающих о плодотворной деятельности своего хозяина, который, кроме педагогических занятий, состоит еще сотрудником двух газет: “Нового края” [П.-Артур] и “Нового времени” [СПб.]. В тесной комнатке, служащей и кабинетом, и приемной, и столовой и ванной, мы застали трех корейцев — один был помощником Б. в школе и отлично говорил по-русски, два другие были просто гости... Один из них тоже говорил по-русски, другой понимал, так что общий разговор велся на русском языке”.

Заметные успехи корейцев в изучении русского языка, ставшие возможными благодаря стараниям и педагогическому таланту Н.Н. Бирюкова, побудили короля Коджона обратиться через российского посланника в Сеуле К.И. Вебера с просьбой к российскому правительству о присылке наиболее способных учени-

ков Н.Н. Бирюкова в Россию для получения специального образования в различных учебных заведениях. Выходившая в Порт-Артуре газета "Новый край", ссылаясь на телеграмму, полученную петербургской газетой "Новое время" из Владивостока 29 января 1903 г., 28 февраля того же года по этому поводу писала: "Сюда [во Владивосток] сообщают из Сеула, что по выбору корейского императора отправляются в Россию 10 корейских учеников в разные учебные заведения. Из личных сумм императора на содержание учеников в России выданы необходимые средства. Корейское правительство предполагает на будущее время установить постоянные посылки корейцев в Россию для [получения] образования, т.к. *корейцы начинают приходить к убеждению, что знание русского языка, изучение России и сближение с русскими помогут им сохранить независимость своей страны*" (Здесь и далее курсив мой. — А.Х.).

С более подробной и конкретной информацией относительно организации обучения бывших питомцев Н.Н. Бирюкова в России 1-й Департамент МИД Российской империи счел необходимым ознакомить Российскую дипломатическую миссию в Сеуле нижеследующим письмом (за подписью вице-директора) от 26 ноября 1903 г.: "В виду возбужденного корейским императором и переданного [нам] д.с.с. Вебером ходатайства об определении в русские учебные заведения нескольких корейских юношей Департамент имеет честь известить... что прибывшие в Россию в сопровождении преподавателя русской школы в Сеуле г-на Бирюкова юноши приняты ныне — по сношении с подлежащими ведомствами — в различные учебные заведения, причем четверо из них — Ан-ки-сон, Кан-хан-так, У-ин-он и Хан-ки-шу приняты в Курское реальное училище, двое — О-уан-сок и Ку-ток сок — в Нижегородский кадетский корпус и двое — Хан-хон-кын и Юн-иль-пъен — в Чугуевское юнкерское училище... 1-й Департамент считает долгом присовокупить, что в виду последовавшего Высочайшего повеления об учреждении 10 казенных стипендий для корейцев при корпусах Хабаровском и Сибирском, о чем миссия была извещена отношением от 22 апреля с.г. за № 2246, представлялось бы предпочтительным на будущее время отправлять именно в означенные корпуса корейцев, которые выразили бы желание поступить в русские военно-учебные заведения"⁵.

Вероломное нападение японского военного флота на российские суда в дальневосточных водах — у берегов Кореи и Китая в январе 1904 г. помешало осуществлению планов корейского правительства, связанных с подготовкой молодых кадров для нужд мирного строительства и обороны страны. В связи с начавшейся русско-японской войной российский посланник А.И. Павлов вместе с членами дипломатической миссии оставил Сеул и из Маньчжурии направился в Шанхай, чтобы там по указанию наместника на Дальнем Востоке В.И. Алексева приступить к организации центра по сбору военной информации о деятельности Японии не только в Китае и Корее, но и впоследствии в некоторых странах Юго-Восточной Азии (в связи с отправкой из Кронштадта на театр военных действий боевых судов под командой З.П. Рожественского и других военачальников).

Учрежденная в Шанхае секретная служба начала функционировать уже в апреле 1904 г. по пути А.И. Павлова из Маньчжурии в Шанхай. Поначалу усилия руководителя новой службы были направлены на получение секретной информации из Кореи. Для осуществления этой задачи из России на театр военных действий была вызвана группа корейцев, ранее обучавшихся в школе Н.Н. Бирюкова в Сеуле, а затем посланных для продолжения обучения в разные учебные заведения России. "Г-ну Бирюкову, царскому наместнику на Дальнем Востоке, — сообщал А.И. Павлов Алексееву в середине 1904 г., — я полагал бы полезным поручить ведение секретных разведок при помощи имеющихся находиться в его непосредственном распоряжении упомянутых выше корейских воспитанников с тем, чтобы

как господин Бирюков, так и сказанные корейцы действовали отдельно и независимо от других лиц, занимающихся одинаковою [с ними] работою"⁶.

А.И. Алексеев согласился с данным предложением Павлова, но счел более целесообразным направить Бирюкова в один из отрядов, находившихся в Северной Корее с тем, чтобы он свои донесения направлял не только в Шанхай и Штаб командующего русской армии в Маньчжурии, но и в полевой штаб заместителя.

С приездом бывших питомцев школы Н.Н. Бирюкова в Северную Корею началась их активная работа по сбору информации о действиях Японии, которая не прекращалась и после формального прекращения военных операций между воюющими сторонами.

О том, как вели эту работу руководимые Н.Н. Бирюковым корейцы, позволяют судить материалы в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), которые с документами, найденными в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), легли в основу данного сообщения. Чтобы не излагать суть рапортов Н.Н. Бирюкова в соответствующие инстанции о действиях своих питомцев, приведем ниже для большей объективности текст донесения начальника штаба корейского отряда генерал-квартирмейстеру Штаба Приамурского военного округа, отправленного в сентябре 1905 г.:

"Из числа названных ш[табс]-к[апитаном] Бирюковым лиц я имел возможность познакомиться с некоторыми. Большинство из них доказали свое честное и бескорыстное отношение к нам и служили с охотой. На первое место я ставлю Чокуа-хена как вполне интеллигентного человека, вполне преданного нам, лучшего переводчика, превосходившего по знанию иероглифов всех [других корейцев]. Чокуа-хен, не рассчитывая ни на какое вознаграждение, целые дни был занят переводами и, что еще важнее, обучал корейцев, посылаемых в разведку.

Реалист [Курского училища] Хан Ки-шу несколько раз был проводником наших колон при их движении против японцев. Реалист [того же училища] Кан Хан-так получал задания следить за благонадежностью населения в некоторых [корейских] деревнях. Юнкер Юн-иль-пъен находился в 6-ом полку и исполнял всевозможные поручения. Как эти лица, так и другие [из воспитанников Бирюкова] никаких обещаний [от нас] о вознаграждении не получали и ни разу не были замечены даже в попытках взять что-либо с [местного] населения.

Представляя Вашему Превосходительству докладную записку ш[табс]-к[апитана] Бирюкова, прошу ходатайства и скорейшего разрешения по возбужденным им просьбам. В особенности прошу не отказать в ходатайстве отправить их на казенный счет [в Россию] продолжать образование, причем тех из них, которые [действительно] пожелают этого"⁷.

Нередко Бирюкову приходилось брать на службу для разведывательных целей корейцев, совершивших проступки либо проявивших малодушие в условиях войны. Примером (далеко не единственным) может служить его донесение начальнику Приамурской сводной казачьей бригады генерал-майору Косаговскому. В этом документе, посланном им 7 июля 1905 г. из г. Хёриенг, говорилось:

"На основании словесного запроса Вашего Превосходительства имею честь донести следующее:

Мой агент кореец Хан-сю-сок служил русским в Сеуле. Когда началась война, я его оставил в Сеуле следить за действиями японцев, а осенью пробраться на север Кореи, что им и было исполнено. Затем я его назначил агентом в 1-й кавалерийский отряд, где он и работал [служил] целый год. Мне передавали, что во время [нашего] отступления он позволил послушаться и вместо того, чтобы остаться при штабе отряда, отлучился и, следуя другой дорогой, [пришел] в Хёриенг, где распространил слух о поражении нашего отряда, вызвавшего панику среди корейского населения. Это весьма вредно отразилось на движении нашего отряда, т.к. [местные]

жители бежали в горы... Вследствие этого он [Хан-сю-сок] был арестован начальником казачьего поста в г. Хёриенг, а затем выслан в Южно-Уссурийский край”.

“Вполне сознавая важность его проступка, я, — далее писал Бирюков, — все же прошу Ваше Превосходительство разрешить ему вернуться в Корею, т.к. он мне нужен для дела. Во избежание нареканий и недоразумений он будет безотлучно при мне и под моим строгим надзором⁸.”

Любопытный факт из истории русско-японской войны на территории Кореи приводит переводчик С. Титов в своем сообщении от 15 августа 1905 г. из селения Панцан. В этом документе, в частности, говорилось: “Вчера был агент, посланный г-ном Сахаровым в Северную Корею. Агент этот передал, что ему на пути встретились корейцы, бежавшие из Кенгшенга от произвола японцев, и ему рассказали следующее: “Неделю назад 6 корейцев по горной тропе проходили мимо Кенгшенга. Корейцы были задержаны японским разведком и доставлены им в штаб, где на допросе выяснилось, что корейцы возвращались домой из Приморской области, [причем] при них были [русские] кредитные билеты. Японцы признали их за шпионов и приговорили к смертной казни. [Японское] начальство приказало вскипятить воду в чаше, предварительно опустив туда соль. Затем японцы выкупали по одному человеку в этой воде всех шестерых корейцев. Спустя несколько часов корейцы умерли в страшных мучениях. Видя это, [местные] жители от страха бежали в разные места”.

Чтобы удостовериться в вышеизложенном сообщении, начальник штаба передового отряда в Корее полковник Карульский обратился к Н.Н. Бирюкову с просьбой высказать свое мнение по данному вопросу. На эту просьбу от Н.Н. Бирюкова был получен следующий ответ: “Согласно словесному приказанию Вашего Высокоблагородия дать заключение по поводу донесения корейского агента, посланного г-ном Сахаровым, имею честь сообщить следующее:

“Японцы действительно обращаются с корейцами жестоко и презрительно [третируя их], а потому часть жителей из Кенгшенга и других городов бежало в горы. Японцы требуют, чтобы жители возвращались на свои места, т.к. они необходимы им для разных услуг и работ. При всем этом они стараются сохранить [старую] администрацию [в Корее], но под [своим] строгим контролем. О казнях же с кипячением корейцев в соленой воде и тому подобных, пока еще никто не слышал. Что [же] касается до пыток при допросах корейцев, подозреваемых в шпионстве, то это действительно практикуется, но для того, чтобы это не ложилось [черным] пятном на японскую цивилизацию, эти операции [японцы] обыкновенно поручают самим корейцам [перешедшим к ним на службу]”⁹.

О полезной работе корейцев-разведчиков в тылу японцев свидетельствуют собранные ими подробные сведения. Так, 9 октября 1905 г. Н.Н. Бирюков из деревни (селения) Цаянгори передавал полковнику Карульскому следующую сводку данных: “Прибывший разведчик сообщает: В Хёриенге живет в 800 фанзах — два эскадрона кавалеристов — за западными воротами [города]... Начальник дивизии помещается в бывшем помещении генерала Косаговского. Недавно приехавший барон Ха-се-ка-ва [Хасагава] живет [в одном доме] с начальником дивизии. К корейцам относятся порядочно [терпимо]. Провиант подвозят с юга. За все приказано уплачивать. В [денежном] обращении — японские банкноты. Русские деньги ходят свободно: [их] меняют [по курсу]: 1 руб. за 500 чохов.

В Нангане, в деревне Саки-хори за рекой, в пяти верстах от Хёриенга стоит рота и [при ней] два орудия. Говорят, что японцы уйдут из Кореи, но в Хёриенге останется только 500 чел. [Среди японцев] много больных тифом”¹⁰.

О важном характере и содержании информации, передаваемой Бирюковым вышестоящему начальству можно судить, например, по его приводимым ниже донесениям. Одно из них было отправлено 29 августа 1905 г. из Пагсана полковнику Карульскому. В нем, в частности, сообщалось:

“В 20-х числах августа японцы на перевале Пексанбон и Мусальёнг в течение пяти дней ввиду пролития [разлива] рек от дождя терпели сильную нужду /в провианте/, т.к. подвоз продуктов был прекращен.

Начальник [японской] дивизии в конце августа телеграфировал своему начальству, что у него больных, умерших от болезней, убитых и раненых более 3 тыс. чел. Среди японцев усиленно ходят слухи, что мира не будет. Цель же перемирия: усилить войска, пополнить боевые запасы, дать армии временный отдых, усыпить бдительность русских, [при этом] они полагают, что русские, надеясь на мир, ослабят свою подготовку и начнут отводить [свои] войска обратно”.

В заключительной части донесения Н.Н. Бирюков сообщал: “В Северной Корее действуют резервные полки: 32-й, 33-й, 34-й, 35-й, 36-й, 38-й, 53-й и 58-й резервные полки”¹¹.

Интересно и другое донесение, отправленное Н.Н. Бирюковым Карульскому 12 октября 1905 г. из Цаянгори. Вот его неполный текст:

“Наш разведчик, прибывший из Нангана, сообщает следующее: “Всего в Северной Корее было 10 японских полков. Войска [эти] постепенно отходят на юг... [порой] японцы сражались партиями в 6 чел.: впереди на линии [шли] двое, [вооруженные] налегке — только ружьями. Позади двигались другие четверо гуськом [на расстоянии] от 20 до 30 шагов друг от друга. Эти четыре [солдата] несли на спине необходимое снаряжение и продовольствие. Если из передних двух [шедших впереди] выбывал один, то его заменял позади идущий [солдат].

Сообщают, что во время боя под Шагори русские стояли по [двум] сторонам горы, и обстреливали ущелье, по которому японцы должны были наступать. Японцы выбрали 3 тыс. охотников, которые и пошли по этому ущелью. Большинство из них [вы]было из строя.

Японцы [ныне] сильно страдают от тифа. Если больной по истечении 8 дней не выздоравливает, то его сжигают. Убитым после боя [они] отрубают голову, которую посылают на родину...

10 октября Нерчинская 4-ая сотня проходила Чонсенг. Переводчик сотни Лигай... разъяснил [местным] жителям и корейским дружинникам, что русские войска пришли [чтобы временно] занять Нанган, а затем это [место] будет принадлежать корейцам. Пользуясь этим [разъяснением], дружинники требовали от жителей деньги, чтобы идти вместо с русскими, говоря, что когда они [окончательно] займут Нанган, то каждый кореец будет иметь по несколько сот десятин [земли]...

Вообще тигровые охотники сильно грабят жителей. Их начальником Ли Пом-юном жители очень недовольны и [даже] поговаривают как бы его уничтожить [прикончить]”.

В приложении к данному рапорту Н.Н. Бирюков предлагал принять меры против мародерства так называемых дружинников, о чем им было сказано следующее: “Принимая во внимание, что тигровые охотники (т.е. дружинники) состоят под нашим покровительством как бывшие наши помощники во время военных действий казалось бы более благоприятным [целесообразным] приказать их начальнику собрать “тигровых охотников” в одно место и строго запретить им брать какие бы то ни было поборы с жителей и грабить [население]. Если же Ли Пом-юн не в силах их сократить, то “тигровых охотников” можно и расформировать”¹².

О ценности военной информации, собираемой корейцами-разведчиками под руководством Н.Н. Бирюкова, отправлявшего ее в вышестоящие военные инстанции, позволяют судить не только подробные сведения о вооружении и передвижении японских оккупационных войск в Корее, но и показания взятых в плен японцев, свидетельствующие о том, что еще до перемирия в ходе русско-японской войны Япония была вынуждена активно использовать свои резервные части, порой состоявшие из лиц преклонного возраста и ополченцев, находившихся не только на собственно японских островах, но и на Тайване (Формоза).

Эта нехватка кадровых военных-офицеров и солдат могла сыграть роковую роль в случае продолжения Японией войны с Россией, обладавшей значительно большими людскими ресурсами и финансовыми возможностями.

С учетом заслуг в период русско-японской войны бывшим воспитанником Н.Н. Бирюкова было предоставлено право вернуться в Россию для продолжения учебы в ее различных заведениях, при этом Н.Н. Бирюкову предлагалось сопровождать тех из них, кто добровольно пожелает вернуться к местам прежнего обучения.

Полезная деятельность Н.Н. Бирюкова в период русско-японской войны практически не была принята во внимание руководителями внешнеполитического ведомства при решении вопроса об использовании его опыта и знаний в дипломатической сфере. Они опасались принять его на службу из-за того, что японской дипломатии могли быть известны некоторые факты участия бывшего преподавателя русского языка в Корее в организации разведывательной службы в тылу противника. Кандидатура Н.Н. Бирюкова в качестве негласного военного агента (атташе) при Российском посольстве в Токио отчасти не устраивала и аккредитованных там россиян-военных. В рапорте, полученном в Главном Управлении Генерального штаба 31 августа 1906 г. от военного агента в Токио Самойлова, в частности, говорилось: "Наш посланник в Токио получил от министра иностранных дел телеграмму, в которой его запрашивали, не встречается ли препятствий к командированию в Японию назначенного мне в помощники штабс-капитана Бирюкова. По совещанию со мной, посланник ответил, так как обстоятельства... препятствующие прибытию названного офицера в Корею или Японию не изменились, то [он] полагает, согласно с моим мнением, временно до изменения обстановки, командировать штабс-капитана Бирюкова в Шанхай, где он может получать сведения о Корее, не находясь под особенно сильным надзором японцев.

К изложенному считаю долгом присовокупить, что японцы положительно заявляли еще раньше, когда только зашла речь о посылке офицера в Корею, что это будет им неприятно. С другой стороны, самое назначение генерального консула в Сеул до сих пор вызывает затруднения... и оно только бы усложнилось, если выдвинуть теперь вопрос о назначении в Корею моего помощника, что, быть может, можно будет уладить [лишь] потом"¹³.

В результате Н.Н. Бирюкову пришлось довольствоваться ролью внештатного консула в Гензане, но и в этой скромной должности он продолжал пользоваться глубоким уважением и авторитетом среди корейцев. Об этом позволяет судить, например, донесение генерального консула в Сеуле А.С. Сомова от 8 октября 1910 г. Касаясь заметной активизации после русско-японской войны деятельности иностранных миссионеров, преимущественно американских, в Корее, российский дипломат сообщал о них: "Несмотря на ряд неудач, американские миссионеры не только не пали духом, но их охватил мистический фанатизм. По всей стране прошел ряд митингов и были собраны крупные пожертвования. Одновременно значительные суммы были переведены из Америки. Затем на большом съезде в Сеуле было решено приложить все старания, чтобы в этом году довести число своих последователей до миллиона... Во всех частях города появились на видных местах объявления больших размеров с выдержками из Священного Писания, отпечатанными черною и красною красками. Таких объявлений в Сеуле и провинции расклеено свыше 250 тыс. Одновременно отпечатан миллион брошюр духовного содержания...

Сегодня один из главных американских миссионеров д-р Гаель посетил начальника нашей духовной миссии и меня с корейским пастором, который [вновь] командировается во Владивосток. На вопрос архимандрита Павла, зачем посылают миссионера во Владивосток именно теперь, когда у них столько дела в самой Корее, д-р Гаель не без пафоса ответил, что его место там, т.к. во Владиво-

стоке очень много язычников [корейцев], об обращении которых в христианство никто не заботится...

Корейский пастор Цой-кан-фуль уже был в прошлом году во Владивостоке и действовал там очень удачно. Имея за собою серьезную религиозную подготовку и будучи, как и все корейцы, природным оратором, он в короткое время подготовил к переходу в христианство партию корейцев в 400 чел. На его беду с это время во Владивостоке находился наш консульский агент в Гензане. Штабс-капитан Бирюков *еще до [русско-японской] войны долгое время состоял преподавателем русского языка в корейской школе иностранных языков* ((ныне) японцы прекратили уроки русского языка) *и пользуется среди корейцев большим доверием и уважением*. Обращаемые [в протестантов] корейцы, узнав о его приезде, немедленно пришли сообщить ему о своем решении. Г-н Бирюков горячо поздравил их с предстоящим принятием христианства, но выразил удивление, почему они, русско-подданные или добывающиеся русского подданства и намеревающиеся навсегда остаться в России, избрали не господствующую здесь православную веру, а иноземную, протестантскую религию. После краткого соversations корейцы изменили свое [прежнее] решение и приняли православие. [Владивостокский епископ] Евсевий [глава епархии] и наше духовенство приняли в них горячее участие. После первой партии таинство Св. Крещения было совершено и над второю, состоявшею из женщин и детей"¹⁴.

Служба Н.Н. Бирюкова в Корее на дипломатическом поприще, требовавшая огромного напряжения сил из-за частых поездок по стране и за ее пределы, серьезно подорвала его здоровье, в результате чего он в Харбине внезапно заболел и скорострительно скончался в местном госпитале 12 января 1916 г. Его похороны состоялись в Харбине с соблюдением всех военных почестей, оставив среди жителей этого города и его соратников по оружию добрую память о россиянине с необычной судьбой, талантливом педагоге, мужественном воине-разведчике и тонком дипломате, находившем нужные и мудрые слова как для своих соотечественников, так и для корейцев, оказавшихся под игом японской военщины на долгие годы.

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), 1879, оп. 1, д. 21029, л. 34—35.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Миссия в Сеуле, оп. 768, 1903, д. 69, л. 6.
3. Там же, л. 19—20.
4. См.: Хохлов А.Н. Журналист-востоковед С. Н. Сыромятников и его материалы о Корее конца XIX — начала XX в. // Восточный архив. 2006. № 14—15. С. 55.
5. АВПРИ, ф. Миссия в Сеуле, оп. 768, 1903, л. 81.
6. АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2982, л. 143.
7. РГВИА, ф. 487, оп. 1, д. 439, л. 68 (в качестве приложения к документу указана докладная записка ш[табс]-к[апитана] Бирюкова № 98).
8. РГВИА, ф. 487, оп. 1, д. 439, л. 3 (в резолюции генерал-майора Косаговского от 7 июля 1905 г. указано, что он не возражает против возвращения упомянутого корейца в Корею).
9. РГВИА, ф. 487, оп. 1, д. 439, л. 38.
10. РГВИА, ф. 487, оп. 1, д. 439, л. 89.
11. Там же, л. 5.
12. РГВИА, ф. 487, оп. 1, д. 439, л. 90.
13. РГВИА, ф. 2000, оп. 1 (т. 5), д. 6749, л. 34.
14. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, 1910—1911, д. 1976, л. 1—2.

Культура

Миф об образе одного государства (по поводу книги Ван Мэна "Воздаяние Советскому Союзу")

© 2008

Кун Чжаохуэй

В сферах политики, экономики и культуры китайско-советские отношения всегда представляли собой актуальную и интригующую проблему. Две державы, тесно связанные географически, Китай и Советский Союз (Россия) во всех областях были крайне важны друг для друга, особенно в плане обмена формами сознания, влиявшего на внешнюю активность и внутреннее развитие обоих государств. Излишне доказывать, что основой полноценного и равноправного обмена между странами становится для них взаимное познание и углубление взаимопонимания. Такое познание и понимание может основываться на различных методах и углах зрения, например, на чисто политологических, исторических или экономических исследованиях. Что же касается изысканий в области литературы и культуры, то и они способны внести свой вклад в международные отношения и культурный обмен. В частности, перспективным представляется изучение того, как складывается образ государства-партнера в культуре взаимодействующих стран. Внимательное прочтение описаний той или иной страны в различных текстах, принадлежащих определенной культуре, позволяет заключить, какое умозрительное "культурное представление" о стране-партнере и какого рода самосознание проявляется в этих описаниях.

В литературных источниках образ другой страны по отношению к своей является комплексным; он не только репрезентирует реальное состояние собственной страны, но еще и отражает возникшее в результате сравнения представление о политической, экономической, культурной и других областях жизни "иного" государства, которое находится в фокусе внимания. К тому же это представление отражает собственные тенденции наблюдаемого государства в политике, культуре, эстетике. Глубокое осмысление последних и является подлинной целью имагологических исследований. Имагология (от image — образ, имидж)

Кун Чжаохуэй, преподаватель Института литературы Шэньсийского педагогического университета, докторант Института литературы и журналистики Сычуаньского университета.

является методологией, учением о важнейших методах сравнительного литературоведения, которое не только позволяет нам выявить в литературных источниках и изучить образ государства-партнера как “другого”, но и дает возможность распространить это восприятие на другие области культуры, рассмотреть его в более широком поле зрения, под углом саморефлексии собственного “я”.

Россия, или Советский Союз, для Китая являлась настоящим “иным государством”. Китайские литературные произведения после нового времени и опосредованная мэйнстримом информация на неодинаковых исторических и политических фонах создавали для китайцев разные образы “иной страны”, или “другого”. Например, это образы “беловолосых” объединенной армии восьми держав периода подавления восстания *ихэтуаней*, Красной армии времен гражданской войны в России, советского коммуниста периода строительства социализма, “старшего брата” эпохи китайско-советского “медового месяца”, “советских ревизионистов” после разрыва отношений двух стран и прочие. В имагологических исследованиях создание целостного образа “иной страны” должно входить в “порождение воображения социальной целостности”. Данный образ социальной целостности — это “истолкование, сделанное целым обществом по отношению к некоему коллективу, некоей социально-культурной целостности, это биполярное (тождественное, соотносительное) истолкование”¹. Оно очевидно взаимосвязано с “историей фактов, политики, социального смысла”.

“Китайско-советский медовый месяц” в терминологии имагологии тоже можно считать неким “клише”. Что касается формирования в тот период внутри Китая образа СССР как “почтенного старшего брата”, то китайцы, родившиеся в 30—50-е гг. XX в., должны много знать об этом. Тесные и дружественные отношения между двумя странами в тот период не могли не оставить глубокого отпечатка, влияние которого ощущается по сей день. После политических перемен в Советском Союзе и дезинтеграции политической власти “послевкусие медового месяца” сохранялось в памяти прежде всего тех китайцев, которые родились примерно в 30-е гг. XX в., чуть раньше либо чуть позже. После восстановления в 1989 г. китайско-советских отношений в Китае литературные произведения о Советском Союзе были представлены в основном воспоминаниями о китайско-советской дружбе 50-х гг.; сожалениями по поводу “семейной ссоры” 1959 г. или обеспокоенными рассуждениями о распаде Советского Союза и политической и экономической ситуации в России.

В 2006 г., когда китайско-российские отношения находились на подъеме (проведение “года России” в Китае), сборник прозы бывшего председателя Союза китайских писателей Ван Мэна “Воздаяние Советскому Союзу”² довел такого рода настроения до верхней точки.

Восприятие каждым писателем (или читателем) реальности “иной страны” неотрывно от образов входящих в нее групп или социальных коллективов. Восприятие Советского Союза тем поколением интеллигенции, которое представляет Ван Мэн, наилучшим образом воплощает это теоретическое положение имагологии. Если в представлениях некоторых западных писателей Китай и существующие в нем социальные коллективы в высшей степени далеки от действительности (как, например, китайцы, описанные Борхесом), то в сознании, а также в сочинениях таких людей, как Ван Мэн, Советский Союз полностью является продуктом воображения, тем сфантазированным коллективным образом, который сложился в Китае, коллективным истолкованием Советского Союза всем

китайским обществом, т.е. “порождением воображения социального коллектива” (*imaginaire social*).

В китайских литературных произведениях образ Советского Союза “ан-фас” определялся главным образом перечисленными ниже ключевыми словами: Октябрьская революция, социализм, “почтенный старший брат”, колхозы, Горький, “Как закалялась сталь”, “Катюша”, “Подмосковные вечера”, “Ленин в восемнадцатом году”, советские специалисты, Сталин и т.п. Такие ключевые слова, взятые из сфер политики, экономики, культуры советского общества тех лет, формировали в сознании китайцев целостный и к тому же совершенный образ Советского Союза как социалистического государства. Это только часть истинного Советского Союза как реальности, и, тем не менее, воспоминания целого поколения китайцев о Советском Союзе вполне целостны, хотя и являются скорее воспоминаниями о процессе собственного взросления в 50-е годы. Ключевые слова можно рассматривать также как изучаемые имагологией “клише”, внедрявшиеся в китайское общество тех лет, в которых ясно различается присутствующий там след самого реципиента: это новая для Китая модель социалистической экономики, соцреализм в литературе, советская модель образования и т.п. Влияние этих клише на китайцев неизмеримо превосходит, даже перекрывает воздействие России до — и постсоветского периода. В Китае и через полвека в литературе и кино воспоминания о 50-х гг. переполнены советской символикой. Либо наоборот, мемуары о СССР или России в большинстве останавливаются на 50-х гг.

Ван Мэн в аннотации к “Воздаянию Советскому Союзу” высказался так: “Я не собирался участвовать в историческом, политологическом или социологическом обсуждении того, как в СССР “развалили партию, развалили страну”. Я не специалист по истории международного коммунистического движения. Я лишь взял на себя смелость обратиться к великому соседу — России, и равным образом — к некогда так горячо любимому и до головной боли ненавидимому Союзу Советских Социалистических Республик, к его потрясшему мир величию и конечному распаду... обратиться, словно к молодой весне, собственной душе, собственной биографии, собственной красоте и уродству, собственной доброте и злу, награде и наказанию, молодости и дряхлости”³.

Для такого рода “питающих чувства к СССР” китайцев государство, о котором они толкуют, значит меньше, чем некая упорядочивающая мощь, направленная к единству жизненная сила, приводящая в изумление культура другой страны, совершенно новый способ жизни. И эта мощь, жизненная сила, культура, способ жизни как раз и являлись тем, чего недоставало заново родившемуся Китаю. Особенно если речь идет о далеких от политики простых людях, которым всего этого вполне хватало для грез о прекрасной жизни. С такой точки зрения, видимо, и следует уточнять разницу между Советским Союзом как мечтой и образом Советского Союза.

“Не знаю, сколько раз в 50-е годы мне снился Советский Союз. Как только мне доводилось слышать, что кто-то остался или посетил СССР, мое сердце начинало биться, глаза загорались, я завидовал им до слез. В то время я думал, что хоть раз в жизни побывать в СССР — это и есть самое большое счастье. Побывать в СССР — и умереть”⁴.

В 50-е гг. XX в. СССР пытался всеми силами поддерживать братский социалистический Китай, чтобы укрепить положение своего лагеря. К тому же и “односторонняя ориентация” на СССР, которой придерживался лежавший в разлуке и чаивший возрождения Китая, еще и подвергшийся блокаде со сторо-

ны Запада, заставляла Китай и китайцев жадно, как попавшая на отмель морская губка, впитывать формы сознания, экспортировавшиеся из Советского Союза. Каждая клетка этой “губки” была заполнена “вкусом” СССР. Вследствие мощной западной экономической блокады китайцы в тот период попутно забывали “империалистическую” культуру; в ходе революционного напора, вычищавшего “пережитки” старого Китая, даже собственная, изначальная традиционная культура заслонялась для китайцев новой, высокой, великой, целостной советской культурой. В мыслях китайцев, перед их глазами, рядом с ними было только одно зарубежное государство — Советский Союз. Его гордый образ в 50-е гг. вошел в поле зрения китайцев и литературные произведения разных жанров. Официальные круги более заботил тот Советский Союз, что был проводником идеологических форм, тогда как простые люди и, особенно, рафинированная интеллигенция в обширной советской и в китайской литературе видели тот Советский Союз, что был образцом народной жизни. Это некий отфильтрованный, приукрашенный, даже одухотворенный, совершенный мир. Его люди — носители высокой духовности, богатых чувств, полноты жизни, материальной насыщенности, представители коммунизма. Но самое важное — то, что этот прекрасный мир не какая-то недостижимая утопия, а “почтенный старший брат” Китая. Мы уже имеем такую же, как у него политическую базу, и если только в области общественной жизни мы будем у него прилежно учиться, брать его за образец, то сможем стать таким же государством и проживем так же счастливо. В этом и была главная движущая сила того Советского Союза, который полностью принимали и который представляли себе китайцы.

“Воздаяние Советскому Союзу” Ван Мана как раз и предоставляет яркий образец для изучения такого рода образа СССР, сложившегося в Китае. В книге представлено духовное и материальное производное Советского Союза в том виде, как его принимали и воспринимали почти все китайцы того времени. Она, несомненно, выражает горячий отклик того поколения на этот образ.

“Советский Союз — это небеса обетованные, куда устремлялась эпоха нашей юности и молодости...”

О влиянии на меня советской литературы можно говорить и говорить бесконечно. Я когда-то был не только с политической, но и с художественной стороны полностью покорен советской литературой. Советская литература воплощала настоящего человека, человеческие идеалы, достоинство, мораль, чувства, самую прекрасную человеческую жизнь. Советское кино тоже было ни с чем не сравнимо по своему здоровью, чистоте, бурному расцвету”⁵.

С тех пор образ Советского Союза стал мифом. В литературе этот миф имеет два смысла. Во-первых, в Китае 50-х годов образ Советского Союза был мифом о совершенстве. Его политические успехи, темпы развития экономики, уровень литературы и искусства, включая тот дух воодушевления, который обильно приносился в Китай и в духовном, и в материальном плане, — все это были составные части данного мифа. Во-вторых, если воспользоваться категориями имагологии, то образ Советского Союза тоже сотворил некий миф. Постольку, поскольку в истории мировой литературы практически нет другого такого образа государства, которое было бы сопоставимо с тем, чем Советский Союз являлся для Китая, которое бы оказало на другую страну столь же огромное, всестороннее, глубокое, к тому же однозначное влияние (если не считать взаимовлияния государств, возникающих после раскола наций).

Для поколения Ван Мэна Советский Союз есть Советский Союз, он превзошел прошлую Россию и сильно отличается от России нынешней, это отдельное понятие, имеющее свой целостный политический и культурный объем. До СССР была только царская империя; после СССР есть нынешняя капиталистическая Россия. Воспоминания данного поколения существуют только в этом полувековом пространстве “истинносущего”. Вероятно, для советских людей той эпохи дело тоже обстоит аналогичным образом, “медовый месяц китайско-советских отношений” стал и клише, и подлинной эпохой, которые уже превратились для народов двух стран в сформованный и застывший культурный образец.

Если рассуждать под углом зрения индивида, то Ван Мэн, как и другие люди, аналогичным образом пишущие о Советском Союзе, на деле с помощью Советского Союза как “порождения коллективного воображения” рефлексируют на самих себя, описывают самих себя. Они, изображая СССР 50-х как сформировавшийся в их сознании миф, фактически раскрывают свой собственный способ жизни и мировоззрение в ту эпоху, рисуют собственную весну, романтизм, пафос, опьяненность, все как в созданном ими образе СССР. Они описывают Советский Союз после распада и Советский Союз в пору расцвета, как будто вздыхают о собственных молодых годах или возвращаются памятью к своей зрелости. Потому что каждый раз, подумав о Советском Союзе, они вспоминают свою молодость, а, подумав о молодости — вспоминают Советский Союз. “Что до меня, то молодость — это революция, это любовь, это литература, а также — Советский Союз”⁶.

Образы любых “иных” государств имеют своим источником самосознание. Это самость, сопоставленная с “другим”, сознание, существующее здесь и сейчас и сопоставляющее себя с тем, что существует в другом месте. “Образ — это вид производного языка, вид “речи”. Частью любой речи, которая находится в распоряжении общества и может применяться для самоописания и самоосмысления, любой символической речи являются образы, природа которых изначально, а функции заключаются в том, чтобы артикулировать надгрупповые, надкультурные связи. Эти связи главным образом являются не теми, что существуют между обществом говорящего (фиксирующего) и обществом того, кто является объектом фиксации, но связями, прошедшими переосмысление, “представленными” связями”⁷. Советский Союз 50-х годов XX в. и является для Китая таким “другим”. В китайской литературе образ СССР репрезентирует такого рода описывающий китайско-советские отношения “вторичный язык”. В плане выражения слова и фразы описывают Советский Союз, фактически же они отразили состояние и тенденции сознания, а также культурно-эстетические склонности Китая 50-х годов. И эти тенденции и склонности опять-таки основывались на международной ситуации и настроениях внутри страны. Модели развития нового Китая для своего положительного утверждения требовали использования схожего по своей сущности “другого”, а также сущностно противоположного “другого” для негативного утверждения. В лагере сущностно схожих Советский Союз был наиболее сопоставимым с Китаем “другим”. Смысл его существования подкреплял смысл существования нового Китая.

Исключительно положительный образ Советского Союза для китайско-советских отношений был официально развенчан и похоронен. Политически день ото дня стабилизовавшийся и усиливавшийся Китай нуждался в отыскании более разнообразных форм “другого”, чтобы доказать существование собственной плюралистичности. Единичный образ Советского Союза уже не был способен

удовлетворить потребности неуклонно крепнущей и усложняющейся силе воображения. Однако и Советский Союз не мог мириться с тем, что энтузиазм прежде послушного “младшего брата” меняет вектор, а впоследствии наступивший разлад между двумя странами разрушил миф о вечной китайско-советской дружбе, образ совершенного Советского Союза с грохотом рухнул, советские “небеса обетованные” в сознании китайцев превратились в мусорную свалку.

В сегодняшних китайско-российских отношениях со времен “медового месяца” вновь намечается некоторый подъем, 2006-й и 2007-й годы были даже объявлены “годом России в Китае” и “годом Китая в России”. Изучение истории развития двусторонних связей, уточнение образа каждой из стран в глазах партнера представляются крайне необходимыми для развития и поддержания здоровых контактов между нашими странами на нынешнем этапе и в будущем.

Строительство добрых отношений между государствами требует в качестве своих оснований спокойствия, объективности, беспристрастности. Родственно тесные связи наших стран в 50-е годы, их разрушение в 60-е и другие подобные факты говорят нам, что такого рода политические и культурные основания не могут строиться на плоских фантазиях, рисующих другое государство в розовых тонах, как не способны они возникнуть и в жарких взаимных объятиях, которые к тому же просто не позволяют разглядеть лиц друг друга; еще менее допустимо существование в условиях бессмысленного обмена ударами. Что мы должны сделать в пространстве культуры — так это уяснить свой собственный образ, складывающийся в глубоких слоях сознания народа другой страны, и то, как сама эта страна определяет свое место в международных отношениях.

Последние слова “Воздаяния Советскому Союзу” Ван Мэна таковы: “Что должно истлеть в рассказах — истлеет, что должно остаться — останется, и не для того, чтобы запутать и сбить с толку, а для того, чтобы сделать шаг вперед более осмысленным и ответственным”.

Это является и целью автора данной статьи.

© 2008

Перевод с кит. яз. А. Юркевича

1. Бажоу Д.А Синсян [Образ]/Пер с фр. Мэн Хуа // Бицзяо вэньсюэ синсянсюэ [Имагология в сравнительном литературоведении] / Под ред. Мэн Хуа. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. 2001. С. 156.
2. Рус. пер. [в сокращении] см.: Ван Мэн. Из книги “К алтарю Советского Союза”. Пекин, 2006. / Пер. с кит. Н. Демидо, С. Торопцева, Е. Шулуновой.; // Окно. Россия и Китай смотрят друг на друга. М.: ИКЦ “Академкнига”, 2007. С. 10-26. Рец. На книгу: Демидо Н.Ю. “Не стараясь угодить...” Заметки литературного критика на полях книги Ван Мэна “К алтарю Советского Союза” // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 6.
3. Ван Мэн. Сулянь цзи [Воздаяние Советскому Союзу]. Пекин: Цзоцзя чубаньшэ, 2006.
4. Там же. С. 86.
5. Там же. С. 175.
6. Там же.
7. Цун вэньхуа синсян дао цзити сянянгу [От культурного образа к порождению коллективного воображения] / Пер с фр. Мэн Хуа // Бицзяо вэньсюэ синсянсюэ [Имагология в сравнительном литературоведении] / Под ред. Мэн Хуа. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2001. С. 124.

Научная жизнь

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Лю Гучан — Почетный доктор ИДВ РАН

1 февраля 2008 г. состоялось заседание Ученого совета Института Дальнего Востока РАН по случаю избрания Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ Лю Гучана членом Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития Северо-Восточной Азии и вручения ему диплома Почетного доктора ИДВ РАН и удостоверения главного научного сотрудника ИДВ РАН.

Почетное звание присвоено послу Лю Гучану за выдающийся вклад в развитие российско-китайских отношений стратегического партнерства и взаимодействия и активную поддержку научных обменов между Институтом Дальнего Востока РАН и институтами Академии общественных наук Китая и другими научными центрами КНР.

Выступивший при вручении диплома директор Института Дальнего Востока РАН, академик М.Л. Титаренко рассказал о жизненном пути и карьере известного китайского дипломата.

Господин Лю Гучан родился в провинции Цзянсу в 1946 г. Он начал свою дипломатическую карьеру в китайском посольстве в Румынии в 1973 г. Благодаря выдающемуся таланту дипломата, глубоким знаниям и исключительной трудоспособности, а также умению налаживать и поддерживать хорошие отношения с коллегами, г-н Лю Гучан успешно продвигался по служебной лестнице в МИД КНР. С 1980 г. трудовая деятельность г-на Лю Гучана связана с Департаментом Советского Союза и Восточной Европы, а затем с Департаментом России и Центральной Азии МИД КНР. Он становится ведущим экспертом по СССР и странам Восточной Европы. В 1996—1999 гг. успешно работает Послом КНР в Румынии.

После возвращения на родину г-н Лю Гучан назначается сначала помощником, а затем заместителем министра иностранных дел КНР. Ему поручают вести ответственные дела, связанные с развитием отношений Китая с Россией, странами Центральной Азии и Восточной Европы. Г-н Лю Гучан внес большой личный вклад в реализацию нового дипломатического курса Китая, направленного на развитие добрососедских отношений дружбы и сотрудничества со всеми странами регионов, прилегающих к Китаю. Находясь на ответственных постах в МИД КНР, он приложил много усилий для установления и развития отношений стратегического партнерства и взаимодействия с Россией и государствами Центральной Азии, ныне входящими в Шанхайскую организацию сотрудничества.

Г-н Лю Гучан был непосредственным участником российско-китайских переговоров по пограничному вопросу на их заключительном этапе. Он также являлся непосредственным участником процесса разработки российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, имеющего важное стратегическое значение, подписанного 16 июля 2001 г. в Москве.

Став Послом КНР в России, г-н Лю Гучан последовательно проводит линию китайского руководства на углубление двусторонних отношений, которые базируются на Договоре от 16 июля 2001 г. и совместных документах, подписанных высшими руководителями Китая и России.

Г-н Лю Гучан, отметил далее М.Л. Титаренко, продолжил линию своих коллег — послов Ли Фэнлиня, У Тао, Чжан Дэгуана — на развитие добрых отношений и взаимодействия с ИДВ и ОРКД. Мы сразу ощутили его доброжелательность в той активной поддержке, которую он неизменно оказывает проектам фундаментальных исследований политики и истории Китая ученых ИДВ РАН, а также его усилия по развитию сотрудничества РАН с китайскими академическими научными кругами.

М.Л. Титаренко особо отметил то внимание и поддержку, которую Посол Лю Гучан оказывает деятельности Общества российско-китайской дружбы, развитию его контактов с Китайским народным обществом дружбы с зарубежными странами и Обществом китайско-российской дружбы, возглавляемым Чэнь Хаосу.

Исключительное внимание и трогательную заботу проявляет Посол Лю Гучан по отношению к ветеранам Великой Отечественной войны, участвовавшим в освобождении Северо-Востока Китая от японских оккупантов, и ветеранам, которые оказывали помощь КНР в экономическом и культурном строительстве в 1950-е гг.

2006—2007 гг. стали периодом проведения по инициативе лидеров двух стран Национальных годов. Посольство КНР под руководством Посла Лю Гучана проделало в этот период огромную работу. Она привела к перелому в общественном сознании россиян, показала несостоятельность мифов о “китайской угрозе”. Российско-китайские отношения, подчеркнул М.Л. Титаренко, помимо дружбы между государствами стали полноценно дополняться отношениями дружбы, взаимопомощи и сотрудничества между народами, на уровне общественных групп и организаций, а также между миллионами простых людей с той и другой стороны. Это новая, исключительно важная политическая тенденция, которая придает стратегическому партнерству и взаимодействию наших стран прочную долговременную народную основу.

Во всем вышесказанном исключительно важную роль играл и продолжает играть Посол Лю Гучан. Он внес выдающийся личный вклад в реализацию и укоренение в наших отношениях принципов добрососедства, дружбы и сотрудничества. Причем делал и делает это не абстрактно, не на уровне произнесения красивых дружеских слов и деклараций, а повседневными упорными усилиями в решении конкретных проблем, сказал в заключение М.Л. Титаренко.

Затем академик М.Л. Титаренко торжественно вручил послу Лю Гучану диплом Почетного доктора ИДВ РАН и бессрочное удостоверение главного научного сотрудника института.

В ответном слове г-н Лю Гучан сердечно поблагодарил Ученый совет и коллектив ИДВ РАН. Институт Дальнего Востока, подчеркнул он, является

самой авторитетной научной структурой России по изучению Китая и Восточной Азии.

В своем докладе о состоянии и перспективах развития китайско-российских отношений он выдвинул шесть направлений, по которым, по его мнению, должно идти их дальнейшее развитие.

Текст доклада посла Лю Гучана будет опубликован в следующем номере нашего журнала.

Г-на Лю Гучана поздравили Почетный председатель Общества российско-китайской дружбы академик С.Л. Тихвинский, проректор Российского государственного социального университета, М.И. Кодин, член Совета Федерации Федерального Собрания РФ И.А. Рогачев, заместитель директора ИДВ РАН В.Я. Портяков, главный научный сотрудник ИДВ РАН А.В. Ломанов, первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы В.И. Иванов, заместитель директора ИДВ РАН А.В. Островский и другие.

Г-н Лю Гучан поблагодарил выступавших за поздравления и подробно ответил на заданные вопросы.

Синологической библиотеке 50 лет

Сегодня даже трудно представить себе отечественное китаеведение без этой уникальной специализированной библиотеки, нашей "Синологички", как любовно называют ее читатели.

Опыт создания такого рода специализированной библиотеки был и в прошлом. В России в разное время открывались востоковедческие библиотеки, где были представлены книги и по Китаю. Однако подлинным предшественником нашей Синологички, ее прообразом можно считать не менее уникальную *китаеведческую* библиотеку Российской духовной миссии в Пекине, основанную в 1795 г., часть фондов которой была передана Синологической библиотеке.

Инициаторами ее создания выступила группа авторитетных ученых-китаеведов: будущий академик, а в то время член-корреспондент АН СССР Н.И. Конрад, д.филол.н., впоследствии член-корреспондент АН СССР Н.Т. Федоренко, д.филол.н., профессор И.М. Ошанин, д.и.н., а ныне академик С.Л. Тихвинский. 9 декабря 1957 г. они опубликовали в газете "Правда" открытое письмо, озаглавленное "Нужна центральная библиотека китаеведения", и обратились в Президиум АН СССР с просьбой рассмотреть вопрос о создании такой библиотеки в сформированном в октябре 1956 г. Институте китаеведения АН СССР. 6 марта 1958 г. Президиум Академии наук издал распоряжение об организации в Институте китаеведения АН СССР специальной Синологической библиотеки¹.

Заведующей библиотекой была назначена китаевед, к.и.н. Д.Н. Зильберг, которая возглавляла ее на протяжении 20 лет в разное время. Работать в Синологическую библиотеку пришли китаеведы: Е.И. Воскресенская, Е.А. Гениатулина, К.Н. Денисова, М.С. Добрачева, В.П. Журавлева, А.Б. Козоровицкая, А.С. Костяева, Л.А. Кувшинникова, В.С. Любимова. Сотрудники библиотеки, недавние выпускники МГУ, МГИМО, МИВ, ЛГУ имели прекрасную китаеведческую подготовку, что необходимо для работы в такой библиотеке, где значительную часть фонда составляют книги на китайском языке, но библиотечное дело им пришлось осваивать в процессе работы. Долгие годы в библиотеке работали также Е.Ф. Никольская, В.К. Хорькова, И.Г. Петренко, Л.Ф. Конькова.

В этот сложный период становления неоценимую помощь библиотеке оказал китаевед-энциклопедист, опытнейший библиограф, автор "Библиографии Китая" П.Е. Скачков. В середине 1958 г. на работу в библиотеку пришла Р.Г. Барышникова, высококвалифицированный специалист в области библиотековедения, которая впоследствии сменила Д.Н. Зильберг на посту заведующей библиотекой. В свою очередь это сложное библиотечное хозяйство передали Л.В. Чапаевой. В.Г. Барышникова и У.Ф. Никольская параллельно с работой в библиотеке закончили спецфак Института восточных языков при МГУ. Р.Г. Барышникова, еще будучи зам. заведующей библиотекой, выступила инициатором и авто-

ром создания схемы классификации систематического каталога, получившей высокую оценку как специалистов, так и пользователей.

В 1964 г. все фонды библиотек гуманитарных институтов АН СССР были переданы ФБОН АН СССР, а библиотеки стали ее структурными подразделениями. В 1969 г. после создания ИНИОН АН СССР (на базе ФБОН) библиотека получила официальный статус Синологического отдела ИНИОН АН СССР в Институте Дальнего Востока АН СССР.

Согласно распоряжению Президиума АН СССР от 6 марта 1958 г. вновь созданной библиотеке была передана китайская часть библиотечного фонда Института востоковедения АН СССР, куда входили находившиеся в длительном пользовании китайские книги из ФБОН АН СССР и коллекция академика В.М. Алексеева, содержащая редкие издания на китайском и западноевропейских языках. Именно она и составила основу “первоначального накопления” Синологической библиотеки. Как уже упоминалось выше, в библиотеку поступила часть книг и журналов из библиотеки Российской духовной миссии в Китае, а также принадлежавших Генконсульству в г. Харбине и Восточному институту во Владивостоке. В дальнейшем книжный фонд Синологической библиотеки расширялся как за счет текущего комплектования, так и даров, и покупки частных коллекций.

В советское время библиотека приобретала и хранила практически всю публикуемую в нашей стране литературу о Китае на русском и иностранных языках, языках народов СССР. В 1980-е гг. Синологическая библиотека регулярно покупала литературу в КНР. Ежегодно фонд ее пополнялся в среднем на 2—3 тысячи книг². К сожалению, о том времени теперь только приходится вспоминать. За последние 15 лет резко сократилось комплектование фондов библиотеки, пополнение периодическими изданиями из КНР. Причины общеизвестны — отсутствие средств. Но у китаеведов сложилась добрая традиция дарить библиотеке книги из личных собраний, а также авторские экземпляры вновь выходящих книг.

В разное время в фонд влились коллекция книг профессора Б.И. Панкратова, содержащая редкие издания XVII в. на маньчжурском языке, собрание книг А.П. Рогачева по китайской филологии. Значительную часть своей уникальной библиотеки подарил “Синологичке” академик С.Л. Тихвинский, приложивший немало усилий не только для создания, но и для развития библиотеки. Были получены книги М.Е. Шнейдера, среди которых особую ценность представляет подборка переводов русской классики на китайский язык, библиотеки литературоведов Л.З. Эйдлина, А.А. Тишкова, этнографа и археолога В.С. Старикова, историка А.М. Дубинского. Много книг и журналов передали в фонд известные советские китаеведы Р.В. Вяткин, И.М. Ошанин, Е.Ф. Ковалев, Ю.В. Новгородский, В.Н. Никифоров, В.Н. Рогов, Л.С. Переломов.

Пользуясь благоприятной возможностью, библиотека выражает огромную благодарность своим постоянным читателям — академикам М.Л. Титаренко, С.Л. Тихвинскому, члену-корреспонденту РАН Б.Л. Рифтину, Р.М. Асланову, Л.С. Переломову, А.Е. Лукьянову, В.Н. Усову, А.И. Кобзеву, А.С. Ипатовой и многим другим, кто в наше нелегкое время не забывают пополнять фонды своей “Синологички” бесценными дарами, многие из которых они приобретают во время командировок в КНР.

Подводя итоги, можно сказать, что за 50 лет фонды Синологической библиотеки выросли не только количественно (на 1 января 1983 г. в них насчитывалось свыше 140 тысяч ед.хр., на 1 января 2008 г. — свыше 200 тысяч ед. хр.), но обрели весомую научную ценность. Синологическая библиотека по праву счита-

ется крупнейшим в мировом китаеведении собранием книжных фондов по Китаю на многих языках мира, одинаково доступным как для российских, так и зарубежных читателей.

Наиболее полное представление о богатстве и разнообразии фондов Синологической библиотеки дает юбилейный сборник “Синологическая библиотека — источниковедческая база советского китаеведения: (К 25-летию создания)” (М., 1983). В сборнике были помещены статьи видных советских ученых-китаеведов С.И. Кучеры, Б.Л. Рифтина, О.Е. Непомнина, Ф.Б. Белелюбского, А.Н. Хохлова, в которых дан анализ фонда с точки зрения историка, филолога, экономиста. В издание были включены также обзоры и статьи сотрудников Синологической библиотеки В.П. Журавлевой, Л.А. Кувшинниковой, М.С. Добрачевой, раскрывающие содержание справочно-библиографического раздела фонда, насчитывающего более 100 названий указателей литературы по Китаю, изданных не только в России, но в США и Европе. Библиотека располагает справочно-библиографическим аппаратом высокой степени информативности. Он состоит из алфавитного и систематического каталогов и 4-х картотек.

Большое внимание в библиотеке уделяли составлению библиографических указателей. Так, в 1979 г. вышел в свет подготовленный главным библиографом Л.А. Кувшинниковой “Указатель периодических изданий на китайском языке в фондах библиотек Москвы и Ленинграда”, содержащий 1846 названий периодических и продолжающихся изданий. “Указатель” отличает высокий уровень библиографической культуры. Он стал не только путеводителем по фондам, но и надежным справочником, содержащим подробные сведения о китайских журналах, ежегодниках, бюллетенях, ученых записках и трудах различных университетов и институтов по различным отраслям знаний. Появление этого “интереснейшего и полезнейшего издания для всех, кто изучает Китай, его историю, культуру, науку”, было отмечено рецензией известного ученого-китаеведа Б.Л. Рифтина³.

В.П. Журавлевой издан библиографический указатель литературы на русском языке о Китае за 28 лет в ежегодниках “Китайская Народная Республика: Указатель литературы на русском языке” (с 1970 по 1988 гг.) и раздел в “Литература о странах Азии и Африки” (с 1961 по 1965 гг.). Были опубликованы также указатели трудов сотрудников Института Дальнего Востока РАН академиков М.Л. Титаренко, С.Л. Тихвинского, М.С. Мясникова (сост. В.П. Журавлева и в.н.с. ИДВ РАН А.С. Ипатова), юбилейные информационно-библиографические справочники “Институт Дальнего Востока: Справочник” (сост. Р.М. Асланов, В.П. Журавлева, А.С. Ипатова. М., 1996) и “Институт Дальнего Востока: Годы, люди, труды” (сост. В.П. Журавлева, А.С. Ипатова, О.Н. Попова. М., 2006.)

Подробному раскрытию содержания фонда библиотеки на начало 1960-х гг. посвящена статья В.П. Журавлевой, А.С. Костяевой “Синологическая библиотека Института народов Азии Академии наук СССР”, где содержится перечень книг, которыми располагала библиотека, по истории, философии, литературе и искусству, языкам народов Китая⁴. На базе фонда библиотеки нашими учеными было подготовлено и издано большое количество трудов. Это “Большой китайско-русский словарь” в 4-х томах под редакцией И.М. Ошанина (отмечен Госпремией СССР, 1986 г.), перевод на русский язык древнего памятника “Исторические записки” Сыма Цяня в 7-ми томах (Р.В. Вяткин), “Китайская философия: Энциклопедический словарь” (М., 1994), переводы на русский язык “Лунь юя” Конфуция и “Книги правителя области Шан” (Л.С. Переломов), перевод на

русский язык первой части “Свода минского законодательства” (Н.П. Свистунова). Книжные фонды Синологической библиотеки широко используются сотрудниками ИДВ РАН при подготовке к изданию документальных серий “Русско-китайские отношения в XVII—XX вв.” и “ВКП(б), Коминтерн и Китай”, а также энциклопедии “Духовная культура Китая” в 5-ти томах.

На основе богатейших материалов библиотеки были написаны многие фундаментальные монографии по истории Китая с древнейших времен до наших дней, по древней и современной китайской литературе и языку, по экономике, многочисленные диссертации, не только отечественных, но и зарубежных исследователей. В своей научной работе библиотека тесно сотрудничает с ИДВ РАН, Обществом российско-китайской дружбы.

Сотрудники библиотеки по-прежнему занимаются организацией тематических книжных выставок, в том числе и выездных, посвященных знаменательным датам из истории и культуры Китая, жизни и деятельности государственных и партийных лидеров, юбилеям отечественных китаеведов. Например, можно назвать выставку из 225 книг в Институте Дальнего Востока РАН, которая была посвящена его 50-летию в 2006 г. Кроме того, читатели регулярно получают информацию о новых поступлениях литературы на русском, китайском, западноевропейских языках в Синологическую библиотеку, ИНИОН РАН в виде печатных списков в читальном зале.

Возможностями фонда библиотеки и помощью ее сотрудников часто пользуются издательства, радио и телевидение. В конце 1990-х гг. в помещении “Синологички” снимались фрагменты двухсерийного документального фильма о сыне Чан Кайши Цзян Цзинго (Елизарове) с указанием в титрах благодарности за оказанную помощь. Фильм неоднократно был показан по центральному телевидению. Кроме этого, был подобран материал для киностудии “Ракурс”, снимающей документальный фильм о Чжоу Эньлае, и для радиостанции “Голос России”, ведущей передачи на Китай. Иллюстративные издания из фонда библиотеки были использованы при создании фильма (2004 г.) о последнем китайском императоре Пу И, об исследованиях Тибета (2004 г.). Для РИА “Новости” в 2002 г. к визиту Президента РФ В.В. Путина в Китай были предоставлены иллюстрации из китайских книг, издания XVII—XIX вв. Часть этих иллюстраций была опубликована в альбоме, посвященном этому визиту.

Немногочисленный коллектив библиотеки с большим вниманием откликается на просьбы читателей в поисках той или иной книги или составлении списка литературы по теме. Все это находит благодарность в изданиях авторов. Так, например, в 1-ом томе семитомного издания “Урянхай. Тыва дептер: Антология...” составитель, министр Правительства РФ С.К. Шойгу в своем предисловии отметил: “Огромную помощь в подборе библиографического материала оказали сотрудники ...библиотеки Института Дальнего Востока РАН (Синологический отдел ИНИОН РАН, Москва)” (М., 2007. С. 20). Искреннюю благодарность за помощь выражают и другие многочисленные читатели. Уважение и признательность читателей — это высшая оценка скромного труда библиотекаря.

За прошедшие 50 лет менялись руководители, сотрудники, адрес и статус библиотеки. Лишь одна В.П. Журавлева, главный библиограф “первого призыва” по-прежнему увлеченно занимается своим любимым, очень важным и постоянно востребованным делом — составлением продолжения библиографии Китая, завещанным ей П.Е. Скачковым, ее первым наставником и старшим другом.

Работа библиотеки продолжается в непростых условиях. Особенно трудными оказались 90-е годы прошлого века, когда втрое сократился ее кадровый состав, уменьшилось комплектование, усложнилось положение с площадями для размещения растущего фонда. Тем не менее остаются надежды на изменение положения к лучшему.

Главное достояние Синологической библиотеки наряду с ее бесценными фондами — это заданная с самого начала атмосфера доброжелательного отношения к читателям, бережное отношение к книжным фондам и их пополнение (библиотека выдержала четыре переезда без ущерба для книг), высокая квалификация консультативной помощи читателям, дух демократизма.

Показательно, что в последние годы после долгого перерыва библиотеку все чаще стала посещать молодежь — студенты, магистранты и аспиранты различных ВУЗов и академических институтов, что само по себе отрадно и вселяет оптимизм. Синологическая библиотека, ее уникальные фонды по-прежнему открыты для всех.

Добро пожаловать !

© 2008

А. Ипатова, О. Попова.

-
1. Текст распоряжения см.: Институт Дальнего Востока: Годы, люди, труды: Информ.-библиогр. справочник.—М., 2006. С. 22—23.
 2. Барышникова Р.Г. Предисловие // Синологическая библиотека — источниковедческая база советского китаеведения: (К 25-летию создания). М., 1983. С. 6.
 3. Рифтин Б.Л. Рец. на кн.: Указатель периодических изданий на китайском языке в фондах библиотек Москвы и Ленинграда. М., 1979 // Народы Азии и Африки. М., 1981. № 2. С. 239—242.
 4. Журавлева В.П., Костяева А.С. // Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963. С. 101—109.

Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2007 году

В 2007 г. в Институте Дальнего Востока РАН продолжали работать два диссертационных совета — Д 002.217.01, рассматривающий диссертации по экономическим наукам, специальность 08.00.14 — мировая экономика (председатель совета — главный научный сотрудник Института, доктор экономических наук, профессор Э.П. Пивоварова) и Д 002.217.02, рассматривающий диссертации по историческим и политическим наукам, специальность 07.00.03 — всеобщая история и 23.00.04 — политические проблемы международных отношений и глобального развития (председатель совета — директор Института, академик РАН М.Л. Титаренко). Всего было защищено 10 диссертаций — одна на соискание ученой степени доктора наук и девять — на соискание ученой степени кандидата наук. Среди них:

Кранина Елена Ильинична, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, автор 62 опубликованных научных работ, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: **"Экологические проблемы сельского хозяйства КНР (1978—2006 гг.)"**. (Научный руководитель — доктор экономических наук А.В. Островский).

Тема представленного исследования чрезвычайно интересна и важна для изучения и осмысления новых процессов возрастающего негативного влияния экологического фактора на развитие мировой экономики. В XXI в. проблемы охраны окружающей среды приобрели глобальное значение и стали проблемами выживания человечества. Особенно остро экологические проблемы стоят перед Китаем — самым аграрным и многонаселенным государством мира, где отсталость агросферы, деградация окружающей среды становятся главными препятствиями на пути устойчивого развития.

В диссертации на основе комплексного анализа экологических проблем сельского хозяйства Китая дана количественная и качественная оценка кризисного состояния пяти крупных агроэкосистем китайской деревни: пахотных земель, лесов, ресурсов пресной воды, лугопастбищных угодий, приморских территорий и показано, что растущее противоречие между потребностями ресурсоориентированной экономики и разрушением биосферы угрожает социально-экономическому благополучию, продовольственной безопасности уже не только самого Китая, но и соседних с ним стран, в том числе России. Особое место в работе уделено анализу новой аграрной экологически ориентированной стратегии китайского руководства и основных направлений экологической модернизации китайской деревни в целях повышения эффективности аграрного производства. В работе также рассмотрены позитивные и негативные результаты природоохранных мероприятий по защите и восстановлению агроэкологического базиса в отдельных регионах и ведущих отраслях сельского хозяйства КНР, прослежен процесс эволюции законодательной политики по вопросам охраны окружающей

среды и использования природных ресурсов, в том числе с учетом вступления страны в ВТО.

Автор приходит к выводу, что аграрная экономика Китая в настоящее время переживает переломный этап, суть которого заключается в смене системы хозяйствования и изменения внутренней структуры агросферы, переходе от экстенсивного расширения ресурсопотребляющего производства и загрязнения окружающей среды его отходами к “экологическому зеленому развитию устойчивого характера”.

Ли Чуаньтун (гражданин КНР), профессор кафедры экономики Шаньдунского промышленно-торгового института в г. Яньтай (в 2006 г. окончил аспирантуру с отрывом от производства в Институте Дальнего Востока РАН), автор 35 научных работ, изданных на китайском и русском языках, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: “**Организация управления государственной собственностью в КНР**”. (Научный руководитель — доктор экономических наук Л.И. Кондрашова).

Особенности перехода к рыночной экономике, характер происходящих перемен в отношениях собственности, судьба государственного сектора и регулирование системы управления государственными предприятиями — все эти вопросы стоят в центре внимания современной экономической науки. Диссертация Ли Чуаньтуна посвящена комплексному исследованию процесса реформирования отношений собственности в КНР и становления системы управления государственным имуществом в сфере промышленного производства.

Автор на примере КНР детально проанализировал достоинства и недостатки различных форм разгосударствления экономики, в том числе расширения хозяйственной самостоятельности унитарных предприятий, акционирования, подряда, аренды, выкупа небольших предприятий и др. Показал специфические черты реформирования механизма управления государственной собственностью в КНР с привлечением международного опыта управления государственными предприятиями, пути совершенствования форм и методов взаимоотношений объектов государственной собственности между собой и правительственными органами, процесс создания соответствующей институциональной инфраструктуры. К числу достоинств работы следует также отнести проведенный автором сопоставительный анализ российского и китайского опыта реформирования отношений собственности и управления государственным имуществом. Несмотря на расхождения в стратегии и тактике российских и китайских реформ, концепция управления государственной собственностью в КНР может быть учтена при разработке экономической политики РФ и соответствующих законоположений, регулирующих хозяйственную деятельность.

Бадуев Борис Вячеславович, в 2006 г. окончил аспирантуру с отрывом от производства в Институте Дальнего Востока РАН и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: “**Продовольственная безопасность Японии**”. (Научные руководители: доктор экономических наук Л.Д. Бони, кандидат исторических наук В.Н. Павлятенко).

Актуальность темы исследования Б.В. Бадуева обусловлена тем, что в условиях глобализации мировой экономики на первый план в Японии выходят проблемы национальной экономической безопасности и как важная и неотъемлемая их часть, вопросы продовольственной безопасности. Несмотря на колоссальные достижения и успехи послевоенного развития, вторая экономическая держава в мире на сегодня является крупнейшим импортером продовольствия и

имеет самый низкий коэффициент продовольственной самообеспеченности среди развитых стран (40%), что непосредственно связано с дефицитом природных ресурсов, прежде всего земли, и ограниченностью производственного потенциала сельского хозяйства. Зависимость Японии от мирового продовольственного рынка делает ее уязвимой перед лицом мировой конъюнктуры и возможных непредвиденных экономических и политических ситуаций, складывающихся на зарубежных рынках.

Автор впервые в российской науке рассматривает национальную продовольственную безопасность Японии как комплексную проблему, которая включает в себя производство продовольствия внутри страны, спрос на продовольствие, импорт продовольствия и государственное регулирование, обеспечивающее взаимодействие вышеуказанных факторов. В работе исследованы и систематизированы основные тенденции и проблемы развития продовольственного потенциала сельского хозяйства и рыбопромышленного комплекса Японии, рассмотрена динамика изменения структуры продовольственного потребления населения по основным видам продуктов питания во второй половине XX в., основных поставщиков и товарных позиций импорта продовольствия. Проанализирована политика государственной поддержки агропродовольственного сектора страны, показано ее определяющее значение в развитии отечественного сельского хозяйства и обеспечении сбалансированности спроса и предложения на продовольствие. Стратегия обеспечения продовольственной безопасности Японии и опыт формирования продовольственного фонда в условиях острой конкуренции на мировом рынке, государственная политика аграрного протекционизма могут быть полезны для России, готовящейся к вступлению в ВТО. Интересны также предложения автора относительно перспектив развития российско-японских отношений в сфере рыболовства: расширение поставок высококачественной российской морской продукции на японский рынок, технологическое сотрудничество в области добычи и переработки морепродуктов, совместные мероприятия по охране биоресурсов региона.

Виноградов Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора политических наук на тему "Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты" (Научный консультант — академик М.Л. Титаренко).

Рассматриваемая работа представляет собой комплексное междисциплинарное исследование. Предложенная автором модель рассмотрения эволюции китайской цивилизации под воздействием западного мира с середины XIX в. задает параметры нового направления в исследовании общественно-политических и социокультурных процессов в современном мире в целом.

Рассматривая социалистическое строительство в Китае как модель мобилизационной модернизации, автор обосновывает новый взгляд на социализм как общественный строй и его место в историческом процессе XX в. Социалистический период развития рассматривается им как мобилизационная модель социально-исторического движения, избранная китайской цивилизацией для овладения и использования выработанными в Европе инструментами общественного развития с целью самосохранения и интеграции в современность.

Диссертационное исследование А.В. Виноградова открывает новые возможности для анализа и прогноза социально-политического развития КНР, а также для изучения общественно-политических процессов в постсоциалистических странах, в том числе в России.

Юй Сяотун (гражданка КНР) защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему “Стратегический баланс сил в АТР на рубеже XX—XXI вв.”. (Научные руководители — д.и.н. А.Г. Яковлев и к.п.н. В.Б. Кашин).

В своем исследовании автор сделала попытку показать роль АТР в современном мире и новую расстановку сил в регионе на рубеже XX—XXI вв., дать характеристику политическим и геополитическим сторонам ситуации в АТР в начале века, рассмотреть концепции безопасности ведущих держав региона, проанализировать различные аспекты взаимодействия крупнейших региональных сил в рамках стратегических треугольников АТР.

Кроме того, в работе обращено особое внимание на роль и место КНР, России и Индии в нарастающих интеграционных процессах в АТР.

Бондаренко Анна Владимировна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему “Проблемы и перспективы развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в начале XXI в.”. (Научный руководитель — д.э.н. В.Я. Портяков).

Рассматриваемая работа является первым в отечественном китаеведении исследованием современной ситуации в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР и ее международного контекста.

В 1992 г. СУАР, на протяжении 40 предыдущих лет имевший полузакрытый статус и крайне незначительные контакты с внешним миром, был включен в политику “внешнеэкономической открытости”, проводимую КНР с конца 70-х годов. Открытие для контактов с зарубежными странами целой группы городов и уездов СУАР было призвано способствовать налаживанию торгово-экономических связей Китая с постсоветскими государствами Центральной Азии и стимулировало общее развитие региона и его внешнеэкономическую деятельность.

Адекватное понимание современной ситуации в СУАР и возможных вариантов ее дальнейшей эволюции имеет принципиально важное значение для реализации интересов России на китайском направлении.

Торгейрсдоттир Гудрун Сигридур (гражданка Исландии) защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему “История формирования гражданского общества в Китае, России и странах Центральной Азии в новейшее время. Сравнительный анализ”. (Научный руководитель — к.и.н. В.Г. Ганшин).

Данная диссертация является на сегодняшний день одной из немногих работ, где предпринята попытка системного исследования темы формирования гражданского общества в Китае в сочетании с аналогичными процессами в России и Средней Азии. Именно “китайская часть” содержит в себе наиболее полно изложенную историю формирования гражданского общества в этой стране. На историческом фоне показано постепенное развитие гражданских инициатив, их законодательное оформление, взаимодействие с властями, перспективы развития.

Мавухина Олеся Вячеславовна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему “Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости (исторический аспект)”. (Научный руководитель — к.и.н. О.В. Почагина).

В результате проведенного исследования выявлены сущность и динамика основных тенденций трансформации современной семьи в КНР и других странах конфуцианского региона, обозначено общее и особенное в процессе изменения китайской семьи на нынешнем этапе исторического развития, проана-

лизировано влияние на этот процесс модернизации и государственного курса на открытость внешнему миру. Масштаб и глубина перемен, произошедших в последние 30 лет, дают основание говорить об ускорении процесса изменения структуры и функций семьи — переходе от традиционной семьи к современной.

Автор приходит к выводу, что данный процесс — сложное и противоречивое явление, имеющее для общества как позитивные, так и негативные последствия.

Кубьяс Илья Валерьевич защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему “Корейский фактор в японо-китайских отношениях (конец XIX — начало XXI вв.)”. (Научный руководитель — к.ю.н. В.И. Балакин).

В результате проделанной работы выявлена динамика японо-китайских отношений за вековой период контактов между обеими странами, а также проанализировано влияние на них со стороны внешних сил, таких как СССР и США. Автор приходит к выводу, что за период с 1895 по 2005 гг. японо-китайские отношения в контексте внешней политики этих держав на Корейском полуострове претерпели кардинальные изменения, связанные с трансформацией места и роли Китая и Японии, как в регионе, так и на международной арене.

Если с 1985 по 1945 гг. корейский фактор носил ярко выраженный характер, определяющийся борьбой за региональное влияние, то после 1945 г. до начала 1990-х гг. он фактически исчез, что было вызвано сложившейся в регионе системой сдержек и противовесов, окончательно оформившейся после Корейской войны. Начало 1990-х гг. нарушило сложившийся в регионе статус-кво, что привело к постепенному возрождению японо-китайского соперничества в Восточной Азии.

Хуан Лилян (гражданин КНР) защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему “История теории конфуцианской цивилизации в Китае”. (Научный руководитель — д.и.н. Л.С. Переломов).

В настоящее время в Китае принята официальная программа построения общества “малого благоденствия”, базирующаяся на цивилизационных основах конфуцианства. В условиях глобализации, открытости и модернизации Китая конфуцианство становится мощным внутренним и внешним фактором стабилизации и интеграции. Вне Китая цивилизационные конфуцианские принципы служат культурной и политической интеграции стран Дальневосточного региона. Неизбежно перед современной китаеведческой наукой встает задача изучения теории конфуцианской цивилизации. Этому и посвящена диссертация Хуан Лиляна.

Рецензии

Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Возрождение Азии: горизонты модернизации. М.: ТЕИС, 2006. 208 с.

С конца 1980-х гг. и до недавнего времени доброе старое географическое, геополитическое и геоэкономическое понятие "Азия" оказалось заметно потеснено в международном политическом лексиконе более широкими терминами — сначала "Азиатско-Тихоокеанский регион", а затем, уже в XXI столетии, "Евразия", которые, на первый взгляд, выглядели более адекватными вызову времени и реалиям процессов глобализации и регионализации. Однако поступательное развитие этих же самых процессов не сразу, не вдруг, но вполне убедительно показало, что традиционные географические разделительные линии рано списывать со счетов, что они по-прежнему достаточно выпукло проявляются и в особенностях модернизации различных частей света, и в их адаптации к тем или иным научно-техническим новшествам и структурным сдвигам в мировой экономике, и в стремлении всеми правдами и неправдами избежать стандартизации и унификации по неким заимствованным извне лекалам и, напротив, "протащить" в глобализованное будущее значительную часть своего традиционного наследия, особенно нематериального. Соответственно, нет ничего удивительного в том, что потускневшее было и, казалось бы, отодвинутое на второй план понятие "Азия" заиграло в последние годы новыми красками и привлекает внимание все большего числа исследователей всего мира.

Об этом свидетельствует целый ряд вполне материальных подтверждений. В их числе — ежегодные публикации, начиная с 2001 г., исследовательских сборников Национального бюро азиатских исследований США "Strategic Asia", начало издания нового журнала по общеазиатским проблемам "Global Asia" (издается в Сеуле). Да и растущая популярность крупномасштабных международных съездов исследовате-

лей Азии, проводимых под эгидой Международного института азиатских исследований (Нидерланды), говорит сама за себя.

Не обошла тенденция роста внимания к собственно Азии и Россию, о чем свидетельствует рецензируемая книга. Ее авторы — два известных российских китаеведа-экономиста М.А. Потапов и А.И. Салицкий и известный экономист-индолог А.В. Шахматов поставили своей целью дать компактную, емкую характеристику причин, существа и возможных последствий современного экономического подъема Азии, базируясь на отправной посылке существования "азиатской экономической общности". Успешной реализации поставленной задачи содействовал как широкий научный багаж авторов, так и активное привлечение ими к раскрытию исследуемой темы большого объема статистических данных, публикуемых различными международными организациями (в том числе Всемирной торговой организацией, Конференцией ООН по торговле и развитию, Азиатским банком развития и т.д.) и некоторыми российскими научно-исследовательскими институтами, прежде всего Институтом мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук.

Удачной представляется структура монографии. В своем анализе экономики Азии авторы сделали акцент не на отраслевом, а на проблемно-"модельном" подходе, что позволило, с одной стороны, избежать излишней детализации, а с другой — рассмотреть практически все значимые особенности азиатского пути модернизации.

Открывающая работу глава "История и базисные параметры азиатского хозяйства" рассматривает в комплексе итоги колониального периода развития Азии, тесно взаимосвязанные проблемы демографии и деревни и попытки отчасти решить их на путях модернизации. Весьма полезными

представляются содержащиеся в работе напоминания, что “увеличение доли товарно-денежных отношений в хозяйстве азиатских колоний... отражало не столько развитие рынка, сколько усиление эксплуатации крестьянства”, и что “фактически экспортный сектор стран Азии был не столько частью местного хозяйства, сколько дополнением экономики метрополий” (С. 14–15). В итоге исходная позиция, с которой Азии предстояло штурмовать высоты модернизации, оказалась весьма неважной: в середине XX в. на эту часть света, где проживала половина населения планеты, приходилось только 7% мирового промышленного производства и менее 10% мировой торговли (С. 17). Тем не менее, благодаря прежде всего “зеленой революции” и аграрным реформам к 2000 г. доля азиатских развивающихся стран в мировом производстве сельхозпродукции (53,1%) практически сравнялась с их долей в населении мира (53,7%), тогда как в 1950 г. на Азию приходилось 49,3% мирового населения и лишь 36% сельхозпроизводства (С. 33).

Рассматривая в данной главе экологические проблемы Азии, авторы солидаризируются с мнением И. Ганди о том, что их исходной причиной является не интенсивная индустриализация, а бедность, проявляющаяся в экономии на очистных сооружениях, эксплуатации устаревшего оборудования, нехватке коммунальной инфраструктуры и т.п. (С. 41).

Глава 2 посвящена анализу различных типов развития азиатских стран и сдвигов в структуре их экономики. Предложенная авторами типология — страны-нефтеэкспортеры, Япония как самостоятельный тип развития, новые индустриальные страны, крупные аграрные страны с их специфическими методами индустриализации — представляется вполне убедительной. Удачен и краткий, но вполне комплексный анализ положения в сфере услуг в азиатских странах.

В главе 3 рассмотрена проблема накопления в Азии. Приведенные авторами многочисленные таблицы свидетельствуют, что высокие нормы накопления и сбережения отнюдь не являются специфической особенностью одной лишь Китайской Народной Республики. Так, в период 1980–2000 гг. почти столь же высокой, как и в КНР, была норма накопления в Сингапуре (за 30%). В районе 30-процентного показателя она была также у Тайваня и Республики Корея (С. 87). Ну, а высокой нормой сбережения

отличается не только КНР (43% в среднем за период 2001–2005 гг.), но и Малайзия (также 43%), Сингапур (46,5%) и Иран (41%) (С. 93).

Глава 4 посвящена анализу такой остроактуальной и широко дискутируемой проблемы, как роль государства в экономике. Рассмотрены формирование идеологии модернизации, роль и место планирования и промышленной политики, борьба с инфляцией, взаимоотношения государства и бизнеса, соотношение монополии и рынка в азиатских государствах. Интересным представляется замечание авторов о некорректности противопоставления государства и рынка — действительной противоположностью рынка является не государство, а монополия (С. 131). Вместе с тем, подчеркивают авторы, следует избегать упрощенного подхода к деятельности монополий — во многих странах Азии крайне актуальной остается задача организации конкурентоспособных национальных компаний (С. 134).

Заключительный раздел главы 4 и глава 5 монографии посвящены углубленному рассмотрению внешнеэкономического комплекса азиатских государств, сыгравшего в последние десятилетия одну из ключевых ролей в динамизации их экономического роста и продвижении по пути модернизации. В работе рельефно показаны такие современные тенденции во внешнеэкономических связях стран Азии, как сокращение суммарного “положительного сальдо” по нефти (превышение экспорта над импортом) за первые пять лет нынешнего столетия с 200 до 100 млн тонн, наращивание объемов привлекаемых извне и направляемых за границу прямых иностранных инвестиций, укрепление внутрирегионального сотрудничества в валютной сфере, заметная активизация торговли коммерческими услугами. Отражены и основные тенденции в сфере регионализации в Азии. Отдельно рассмотрены проблемы формирования зоны свободной торговли КНР–АСЕАН. Полагаю, что можно в полной мере согласиться с одним из главных итоговых выводов работы М.А. Потапова, А.И. Салицкого и А.В. Шахматова: “На современном этапе рыночное качество ведения хозяйства в азиатских странах в той или иной мере достигнуто... На повестку дня выходит другой вопрос: активизации роли государства в развитии и повышении емкости внутреннего рынка” (С. 198).

Монография “Возрождение Азии: горизонты модернизации” весьма интересна

и полезна не только для студентов и аспирантов, но и практически для всех специалистов, занимающихся экономикой конкретных стран Азии, поскольку облегчает соотнесение проблем тех или иных государств и субрегионов с широким общеазиатским контекстом.

При самой высокой оценке рецензируемой работы хотел бы, тем не менее, высказать авторам ряд пожеланий.

Прежде всего, отраженная в книге "Азия" — это скорее Азия то ли политическая, то ли экономическая (пусть будет политико-экономическая), но далеко не вся та Азия, которая должна быть хорошо знакома каждому ученику средней школы как одна из частей света. В физической географии к Азии относится и все то, что расположено к югу от Кавказского хребта, то есть Армения, Грузия и Азербайджан (не вникая в детали постсоветских территориальных сложностей на данном пространстве), и расположенная к востоку от Уральских гор азиатская часть России. Наверное, с политической точки зрения легко найти какие-то аргументы в пользу невключения вышеназванных пространств в общеазиатский анализ, но, на мой взгляд, полное и окончательное восстановление в правах понятия "Азия" требует, хотя бы формально, руководствоваться устоявшимися географическими канонами. По крайней мере, попытка именно такого анализа была бы весьма интересной — как минимум, в научном плане.

Явно большего внимания заслуживают и постсоветские республики Центральной Азии — в монографии о них кое-что сказано, но, на мой взгляд, маловато.

Не могу в полной мере согласиться с утверждением, что "внешнеэкономическая политика Индии близка к китайской" (С. 144). Если некоторое сходство этих двух феноменов в книге описано (в частности, переход от весьма жесткой опоры на собственные силы к большей открытости для внешнего мира), то их явные отличия, связанные с несовпадением естественных сравнительных преимуществ Китая и Индии, по сути дела не рассмотрены. А ведь именно на них опирается масштабный аутсорсинг деловых и коммерческих услуг на базе информационных технологий, став-

ший едва ли не главной "визитной карточкой" внешнеэкономического комплекса современной Индии.

Явно требует текстуальных комментариев таблица 5.1 (С. 153), характеризующая отношение экспорта к ВВП стран Азии в 1970–2005 гг. Из нее следует, что у КНР это отношение составляло 4,3% в 2000 г. и 8,4% в 2005 г. Понятно, что авторы берут какой-то другой показатель, нежели простое отношение валового экспорта к ВВП, выраженному в долларах по официальному курсу юаня к доллару США (в 2005 г. этот показатель составил 34%), но что именно сравнивается в данном случае — то ли "очищенный", а не валовой экспорт с ВВП по официальному курсу, то ли валовой экспорт с ВВП по паритету покупательной способности — остается загадкой. Между тем адекватная оценка соотношения объемов экспорта и валового внутреннего продукта в нынешнем Китае принципиально важна для анализа и степени "экспансионизма" Китая как "мировой фабрики" на внешних рынках, и вклада внешнего фактора в поддержание экстраординарно высоких темпов экономического роста страны в последние годы. Примечательна в этом плане недавняя статья в журнале "Economist" (2008. 5–11 January. P. 63), согласно которой "быстрый рост Китая, вопреки расхожему мнению, вовсе не зависит от экспорта в огромной степени": реальная доля экспорта, оцененного, как и ВВП, не по валу, а по добавленной стоимости, составляет ныне в КНР менее 10% валового внутреннего продукта.

И, наконец, последнее. В книге как-то оказалось затенено то обстоятельство, что динамизация экономического развития Азии пока все же в огромной и даже решающей степени опирается на финансовые, интеллектуальные, технологические, спрочные импульсы, исходящие от развитых стран мира. Насколько же велика в связи с этим угроза того, что "Empire strike back" — "Империя нанесет ответный удар"? И выстоит ли под таким ударом Азия? Похоже, что наметившееся в 2008 г. торможение экономического роста на Западе станет серьезным испытанием "азиатского возрождения" на прочность.

Юн Чжан, Холлидей Д. Неизвестный Мао.

М.: Центрполиграф, 2007. 845 с.

Публикация рецензируемой книги сопровождалась в столице броской рекламой: более месяца в витрине "Дома книги" на Новом Арбате находилось написанное крупным шрифтом ее название.

Надо отдать должное авторам книги. Они использовали большое количество материалов, почерпнутых из ранее опубликованных книг, архивов, интервью с несколькими сотнями лиц, так или иначе имевших отношение к исследуемой теме. Работа, проделанная авторами, огромна по своему масштабу. В результате создается вполне правдоподобный образ человека, в течение многих лет руководившего Коммунистической партией Китая и Китайской Народной Республикой. Авторы сосредотачивают все свое внимание на описании отрицательных сторон деятельности Мао Цзэдуна, поэтому на страницах книги он выглядит как безжалостный тиран, не гнушавшийся никакими средствами для достижения своих целей. Перед читателями предстают леденящие сердце картины преследований Мао его политических оппонентов в период чистки армейских командиров в Футяни (1930—1931 гг.), кампании "по исправлению стиля работы партии" и утверждению "идеи Мао Цзэдуна" (1942—1945 гг.), борьбы с "классовыми врагами" в период социалистических преобразований в первой половине 1950-х гг. и против "правых элементов" в конце того же десятилетия (*при переводе данного выражения "идеи Мао Цзэдуна" исправлено обозначены как "мысли Мао Цзэдуна"*). Как увлекательный детектив читается описание сложных перипетий "культурной революции" (1966—1976 гг.), во время которой преследованиям подверглись многие миллионы людей, прежде всего партийно-государственные кадры, в том числе заслуженные ветераны, не один десяток лет борющиеся за социалистический Китай. Неудивительно поэтому, что впоследствии "культурная революция" была охарактеризована в Китае как "десять лет хаоса и беспорядков".

В книге подробно описаны бытовые привычки Мао Цзэдуна, его личные склонности, вплоть до капризов, его манера общения с людьми, как с китайцами, так и с иностранцами, рассказано и о его семейной жизни, всех его женах и детях. В общем,

создан вполне целостный образ человека, навсегда вошедшего в китайскую и мировую историю.

Непосвященный читатель вполне может удовлетвориться тем изображением Мао Цзэдуна, которое предстает со страниц книги Юн Чжан и Джона Холлидея. Но у ученого-политолога или историка и тем более у специалиста-китаеведа не может не возникнуть целый ряд серьезных вопросов. Прежде всего бросается в глаза, что, хотя в аннотации к книге и сказано, что "она беспрецедентна по числу исторических открытий", это отнюдь не так, поскольку подавляющее большинство сообщаемых авторами сведений уже давно известно, ибо они были опубликованы ранее. Достаточно назвать хотя бы насыщенные богатым фактическим материалом исследования А.С. Титова "Материалы к политической биографии Мао Цзэдуна" (М., 1969—1974); А.М. Ледовского "СССР и Сталин в судьбах Китая" (М., 1999) и др.

Вопросы, о которых упомянуто выше, заключаются в следующем. Если все, о чем пишут авторы книги, действительно правда, чем объяснить, что Мао Цзэдун смог в течение длительного периода времени руководить коммунистической партией, которая в конце концов одержала победу над Гоминьданом, и после 1949 г. вплоть до самой своей смерти оставаться главой Китайской Народной Республики. Объяснение авторов очень просто — интриги и помощь извне (со стороны Советского Союза). В действительности все обстояло гораздо сложнее. Мао Цзэдун был противоречивой фигурой и в чем-то суждения авторов книги о нем справедливы. Но они в силу своих идеологических предубеждений — антикоммунизма — не учитывают главного, что *политика коммунистической партии выражала объективные потребности развития Китая*. В начале двадцатого столетия Китай находился в зависимом положении от других стран. Многие китайские интеллигенты различной идеологической ориентации главным препятствием к ликвидации подобного положения считали традиционные этико-политические ценности, в частности, конфуцианство. Автор предисловия к книге Юн Чжан и Джона Холлидея доцент МГИМО А.Ю. Сидоров

упрекает Мао Цзэдуну в том, что он призвал уничтожить весь существующий старый мир: "нигилистический взгляд на мир... во многом определил сущность его мировоззрения" (С. 7). Уровень осведомленности автора предисловия характеризует данное им объяснение знаменитого Сианьского инцидента 1936 г., когда общеизвестную его интерпретацию он трактует как оригинальную версию авторов книги (С. 9). Однако подобных взглядов придерживались в те годы все участники т.н. "движения за новую культуру", не только марксисты, но и либералы. Достаточно назвать профессоров Пекинского университета У Юй и Ху Ши. Они были более резки в своих суждениях о социальных порядках, существовавших в Китае, чем Мао Цзэдун. Сами авторы книги невольно опровергают слова А.Ю. Сидорова: "В то время беспрецедентной личной и духовной свободы, в момент кульминации свободы в Китае, подвергалось сомнению все, что ранее считалось неизменным, а то, что считалось неверным, становилось правильным. Была ли польза в существовании страны? Института семьи? Брака? Частной собственности? Ничто не казалось чрезмерным или шокирующим, говорить можно было все" (курсив авт. — В.Б.) (С. 27). Конечно, финансовая, политическая и военная помощь Советского Союза сыграла значительную роль в победе Коммунистической партии Китая, это неоспоримый факт, но если бы в самом Китае не было революционной ситуации, никакая помощь не могла бы помочь КПК. Это аналогично упорно пропагандируемому в последние годы тезису о том, что победу большевиков в Октябре 1917 г. обеспечили якобы немецкие (и американские) деньги. Мнение автора об этом см.: "Литературная газета" от 17 октября 2007 г. (С. 3).

Победа коммунистов была обеспечена прежде всего поддержкой их со стороны крестьян, т.е. громадного большинства населения Китая, поскольку режим Гоминьдана отражал интересы компрадорской буржуазии и помещиков, отказавшихся от принципа Сунь Ятсена "земля тем, кто ее обрабатывает". Чан Кайши не провел в стране аграрную реформу, а китайские коммунисты осуществили ее — вначале в 1930-е гг. в районах, контролировавшихся ими, а затем в начале 1950-х гг. — в масштабе всей страны. Поэтому при всех ее издержках, о которых написано в книге, крестьяне в своей массе были на стороне коммунистов. (Видимо, наученный горьким опытом Чан Кайши именно с аграрной ре-

формы начал осуществление программы модернизации на Тайване).

Во время одной из поездок на Тайвань мне довелось беседовать с рядом левых интеллектуалов, находившихся в оппозиции к режиму правящей партии ГМД. Один из них, профессор университета сказал мне буквально следующее: нельзя отрицать заслуги Мао Цзэдуну: во-первых, он заставил уважать Китай, считается с ним; во-вторых, он покончил с раздробленностью страны, ее разделением на ряд "феодалных княжеств", управляющихся милитаристскими кликами; в-третьих, благодаря ему Китай обрел атомную бомбу; в-четвертых, он приостановил моральную деградацию китайского общества, наблюдавшуюся в 30—40-х гг. XX в.

Действительно, для режима ГМДа были характерны ужасающие размеры коррупции, продажность чиновничьего аппарата, страшный террор по отношению к инокомыслящим. Это вынуждены вскользь признать и сами авторы: "широко распространилось всеобщее разочарование в националистах, неспособных справиться с нищетой и несправедливостью, царившими в Китае" (С. 248). Не этой ли причиной объясняется капитуляция и переход на сторону КПК целого ряда гоминьдановских генералов в ходе гражданской войны 1946—1949 гг.? На этом фоне коммунистическая база в Яньани не могла не казаться китайской молодежи районом, где царит истинная свобода, равенство и справедливость. В действительности реалии Яньани в чем-то отличались от представлений идеалистически настроенных китайских молодых людей. Кроме того нельзя забывать и о том, что для политического режима, существовавшего тогда в Китае, была характерна систем подавления инокомыслия и полицейского террора. Кстати сказать, подобную систему Чан Кайши использовал в течение всей политической жизни. Достаточно вспомнить случай с женой тайваньского диссидента Чэнь Шуйбяня, которая была зверски избита агентами гоминьдановской охраны и стала инвалидом. Авторы книги намеренно сгущают краски при описании бытовых условий руководителей КПК. Они, в том числе Мао Цзэдун, жили весьма скромно, хотя, конечно, лучше, чем простые обитатели города. Мне довелось в 2002 г. посетить Яньань. Свои впечатления я подробно описал в статье, опубликованной в журнале "Проблемы Дальнего Востока" (2003. №2. С.). Точно также никак нельзя называть виллой в европейском смысле этого слова дом, построенный для

Мао Цзэдуна на его родине в г. Шаошань). Юн Чжан и Джон Холлидей рисуют всю политическую биографию Мао Цзэдуна только черными красками, словно выполняющая чей-то политический заказ, однако нельзя оценивать деятельность Мао Цзэдуна в молодости лишь под углом зрения его деятельности во времена “культурной революции”.

Двадцатые годы прошлого столетия можно назвать периодом “брожения умов” в китайском обществе или поиска путей к превращению Китая в современное, развитое в политическом, экономическом и культурном отношениях государство. В самой китайской традиции ответов на этот вопрос тогда не существовало, поэтому взоры молодых людей, естественно, обращались к иностранным учениям, одни из них выбирали западный либерализм, другие — западный марксизм. В числе последних был и Мао Цзэдун. С учетом многих объективных и субъективных факторов его восприятие марксизма не было вполне адекватным, что нашло свое отражение в его теоретических и публицистических статьях. По большому счету Мао Цзэдун был китайским революционером националистических убеждений, марксизм он использовал для превращения Китая в сильное независимое государство*. Справедливости ради, следует сказать, что и руководители ВКП(б) и Коминтерна не знали, да и не могли знать, как правильно применить марксизм к реалиям китайского общества, ибо к моменту начала КПК своей деятельности марксизм был западным учением. Отсюда и многие проблемы, существовавшие на всем протяжении истории КПК и связанные с адекватным применением общих положений марксизма к китайским условиям. Официальная китайская историография ставит в заслугу Мао Цзэдуну “соединение общих положений марксизма с конкретной практикой китайской революции”. Однако на самом деле в этом процессе принимал участие не только Мао Цзэдун, но и многие другие руководители партии, которые сегодня в Китае “не в чести”, тот же Чэнь Дусю, например, или Ван Мин. Именно создание версии “китаизированного марксизма” было в центре политических дискуссий и конфликтов в КПК на всем протяжении ее истории, а не борьба за власть, как это пытаются представить Юн Чжан и Джон Холлидей, хотя конечно, такая борьба имела место, ибо любой политический деятель, в том числе и коммунистический — человек со всеми присущими ему слабостями, симпатиями и

антипатиями. Я не собираюсь оправдывать Мао Цзэдуна, на его совести много ошибок и даже преступлений (“культурная революция”, например). Хочу лишь подчеркнуть, что при оценке политических действий нельзя руководствоваться собственными идеологическими пристрастиями.

Между тем авторы книги, будучи явными антикоммунистами, в своих суждениях часто пристрастны и необъективны. Они пытаются представить дело таким образом, что Мао Цзэдун был запрограммирован “на совершение зла” чуть ли не с юности. Искания молодого человека, поиск им своего места в сложном кризисном мире китайского общества они интерпретируют в сугубо негативном смысле. В пылу своего критического обличения авторы книги допускают и другие передежки. Они упрекают Мао Цзэдуна в том, что он неуважительно относился к женщинам, но приводимые ими его суждения явно созвучны идеям современных американских феминисток (С. 33). Он всего лишь выступал за равноправие женщин с мужчинами во всех областях общественной жизни. Книга содержит нелюбимые характеристики и других китайских коммунистов: Пэн Бай — “кровожадный лидер” (С. 75), Линь Бяо — “одиночка и бродяга” (С. 83), Дэн Инчао — “фанатична, достаточно бледная и неуклюжая женщина” (С. 84), Чжан Го-тао — “кровожадный человек” (С. 105), Ван Мин — “честолюбив и безжалостен” (С. 216).

Чжоу Эньлай является предметом особой неприязни авторов книги, он “не был хитрым дипломатом, это был жесткий аппаратчик, верный раб своих коммунистических убеждений” (С. 84). “в числе качеств, делавших Чжоу идеальным аппаратчиком, можно назвать его дисциплинированность и неуклонную преданность линии Москвы, доходившую до рабского подострастия. От своих хозяев он готов был вытерпеть любые наказания. Позже, став уже премьер-министром при Мао, он постоянно готов был унижаться, причем выражал эту готовность в столь неуместной форме, что слушатели смущенно ежились” (С. 85). Наряду с Мао Цзэдуну Чжоу Эньлай объявлен лицом, ответственным за все ужасы “культурной революции”. Авторы игнорируют широко известный факт, что именно Чжоу Эньлай, руководствуясь национальными интересами, смог в какой-то степени в то время обеспечить функционирование государственного механизма страны. Единственным лицом в высшем эшелоне китайского партийно-государственного

руководства, кого авторы книги не подвергают критике, является Дэн Сяопин.

Совершенно фантастической представляется версия авторов о том, что агрессия Японии против Китая в 1937 г. была спровоцирована агентом коммунистов в гоминьдановской армии генералом Чжан Чжичжуном, который вопреки приказам Чан Кайши совершил нападение на японские войска. Обуреваемые ненавистью к Мао Цзэду и коммунистам вообще, Юн Чжан и Джон Холлидей “забывают” о существовании планов японского империализма по завоеванию Азии, в которых захват Китая являлся лишь первым этапом. О том, что эти планы существовали, говорит весь ход второй мировой войны на Дальнем Востоке. (Если следовать логике авторов книги, то и нападение Японии на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. тоже было ответом на провокации со стороны США).

В книге содержатся и другие несообразности. Например, Советскому Союзу ставится в вину отказ на словах от царских привилегий и территорий, которые он на самом деле оставил за собой (С. 35). Москве приписывается намерение совершить в 1921 г. вооруженное вторжение в Китай (С. 39). Сунь Ятсену, по мнению авторов, “были свойственны только большие амбиции и никаких угрызений совести” (С. 46).

В книге есть и очевидные противоречия. К началу 1926 г. компартия Китая насчитывала всего лишь 1000 человек, а к концу 1927 г. в ходе чанкайшистского террора, по словам самих авторов книги, “погибли десятки тысяч коммунистов” (С. 60—61). На стр. 64 утверждается, что за поставку оружия участникам Наньчанского восстания 1 августа (которое считается в настоящее время официальной датой рождения Народно-освободительной армии Китая) от Коминтерна якобы отвечал Ана-

стас Микоян, чего в действительности быть не могло, поскольку в то время он был всего лишь руководителем одной из местных организаций ВКП(б).

Обвиняя Мао Цзэдуна и КПК в том, что они уклоняются от вооруженных действий против японской армии, авторы книги не находят слов осуждения для политики Чан Кайши, который мирился с присутствием японских войск на территории Китая, но занимался организацией “карательных походов” против коммунистических опорных баз. Ответственность за отсутствие единого национального фронта в равной степени лежит и на КПК, и на ГМД, однако всю вину авторы книги возлагают на коммунистов, им также везде в Китае видятся русские агенты, среди которых названа даже жена Сунь Ятсена — Сун Цинлин. В то же время нельзя не заметить, что у авторов книги часто не сходятся концы с концами. Вначале они повторяют расхожие антисоветские утверждения о большом материальном ущербе, нанесенном якобы СССР промышленности Манчжурии после победы над Японией в 1945 г., а позже на стр. 336 пишут буквально следующее: “В 1949 году Мао досталась отнюдь не пустыня; в действительности он унаследовал относительно нетронутую промышленную структуру — не меньше тысячи заводов, шахт, а также дееспособный государственный аппарат”. Весьма спорным выглядит и тезис о том, что коммунисты победили в гражданской войне благодаря помощи Союзинных Штатов (С. 308—313).

Содержащиеся в книге серьезные недостатки, о которых сказано, намного снижают ценность исследования, проведенного Юн Чжаном и Джоном Холлидем, и по сути дела, превращают ее в обычное чтиво, рассчитанное на привыкшего к сенсациям невзыскательного читателя.

© 2008

В. Буров,
доктор философских наук, профессор

* Интересные размышления о формировании взглядов Мао Цзэдуна и их сущности содержатся в статье китайского ученого Нэ Юаньдуна “Новое понимание философских идей Мао Цзэдуна” (Вопр. философии. 2007. №5).

Юбилей ученого

Юбилей Людмилы Ивановны Кондрашовой (Молодцовой)

В январе отмечался юбилей видного российского китаевода, главного научного сотрудника Центра экономических и социальных исследований Китая Института Дальнего Востока РАН, доктора экономических наук Людмилы Ивановны Кондрашовой (Молодцовой).

Окончив среднюю школу с золотой медалью в 1951 г., Л.И. Кондрашова поступила в Московский институт востоковедения, откуда в связи с его реорганизацией перешла на географический факультет МГУ. В 1957 г. была откомандирована для продолжения учебы в Пекинский университет, который закончила в 1960 г. по специальности "экономическая география".

В 1961–2000 гг. работала в Институте экономики мировой социалистической системы РАН (ныне—Институт международных экономических и политических исследований РАН), пройдя все ступени научной карьеры от младшего научного до главного научного сотрудника. В 1966 г. закончив аспирантуру ИЭМСС АН СССР, защитила кандидатскую диссертацию, в 1980 г. получила научное звание старшего научного сотрудника. В 1986 г. после защиты диссертации ей была присвоена степень доктора экономических наук. В апреле 2000 г. перешла в Институт Дальнего Востока РАН на должность главного научного сотрудника. В настоящее время возглавляет группу регионального развития и региональной политики Центра экономических и социальных исследований Китая ИДВ РАН.

Л.И. Кондрашова – высококвалифицированный, эрудированный и добросовестный специалист, преданный своему делу, пользующийся высоким научным авторитетом в широких кругах сиологов и экономистов в России и за рубежом. Ее перу принадлежат свыше 100 публикаций общим объемом более 200 п.л., в том числе крупные монографии: "Некоторые особенности формирования на-

роднохозяйственного комплекса и размещения производительных сил в КНР” (1968), “Экономика КНР: возможности и реальность” (1976), “Промышленность Китая: пропорции и диспропорции” (1980), “Особенности формирования промышленной системы КНР (1949-1985)” (1988), “Китай углубляет реформу” (1995), “КНР: реформа и региональная экономическая политика” (1998 г., 6 п.л., в соавторстве), “Китай ищет свой путь” (2006). В последней рассмотрены все изменения социально-экономической стратегии КНР на протяжении 50 лет ее существования. Под научной редакцией Л.И. Кондрашовой в 2007 г. вышел сборник статей “Региональная политика: опыт России и Китая”, где опубликована ее авторская статья, посвященная китайскому опыту реформирования государственно-территориального устройства страны. Проблемы социально-экономического развития современного Китая — в ракурсе множества ее научных статей, опубликованных в последнее время. В числе наиболее разработанных ею тем — процесс индустриализации в КНР, структура промышленности и система ее управления, стратегия и тактика китайской экономической реформы, региональная политика КНР. Все работы отличает оригинальная постановка проблемы, интересные и содержательные выводы и высокая информационная насыщенность.

Итоги научных исследований Л.И. Кондрашовой имеют практический выход — в виде справок и аналитических записок они много раз направлялись в адрес государственных законодательных и исполнительных органов, использовались ею в преподавательской работе в российских вузах. Они важны и для использования китайского опыта в разработке экономической и региональной политики Российской Федерации в XXI в.

Л.И. Кондрашова является членом Научного совета ИМЭПИ РАН, членом Научного Совета Отделения международных отношений РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая, членом Совета по защите диссертаций ИДВ РАН. Многократно участвовала в научных конференциях и международных симпозиумах (в КНР, Испании, Чехии и т.д.), будучи членом Всесоюзной Ассоциации китаеведов и Европейской ассоциации китаеведения. Ей присвоены звания почетного доктора наук Синьцзянского университета и почетного профессора Шаньдунского торгово-промышленного института.

Людмила Ивановна открыта молодым ученым, отзывчива и готова прийти на помощь, передает свои обширные знания коллегам; она подготовила несколько кандидатов наук, в том числе двоих граждан Китая. Всегда доброжелательна, полна энергии и энтузиазма в изучении самых актуальных проблем реформирования социально-экономической системы КНР. Будучи талантливым, неординарным исследователем, прекрасно зная китайский язык, подчас знакомит читателей с областями знаний, лежащими за пределами ее основных научных исследований — так, всех порадовал сделанный ею стихотворный перевод трактата Лаоцзы “Даодэцзин”. Творчески подходит и к составлению программ командировок в КНР. Ее маршруты пролегают по самым интересным географическим точкам обновляющегося Китая, за ней не угнаться и многим молодым ученым нашего института — это путешествие на теплоходе по Янцзы до строящегося гидроузла Санься, по Великому шелковому пути от Урумчи до Кашгара и в оазисы Турфанской долины, на озеро Тяньчи в горах Тяньшаня, по только что построенной железной дороге из Синина через Голмуд в Лхасу, где взбиралась по стертým тысячами паломников ступеням великой Поталы, и по Южному Тибету на озеро Басумцо. Из таких путешествий привезены горы книг, газет, журналов, статистических справочников и море впечатлений, что и дает досто-

верную основу ее интереснейшим научным трудам. Яркие научные доклады Л.И. Кондрашовой на заседаниях Ученого совета неизменно привлекают множество слушателей. Являя собой уникальный симбиоз экономиста широкого профиля, географа и регионалиста, обладая широчайшими познаниями во многих областях китаеведения, Людмила Ивановна, несомненно, – один из крупнейших специалистов в современном российском китаеведении.

Награждена медалями “Ветеран труда”, “В память 850-летия Москвы”, МГИМО-Университета “За заслуги”, нагрудным юбилейным знаком “Министерство иностранных дел Российской Федерации. 200 лет”, Почетной грамотой Президиума РАН и работников профсоюза РАН в честь 275-летия РАН и многими другими почетными знаками отличия, включая китайские.

Будучи искренним другом Китая, много сделала для распространения положительного опыта китайской экономической реформы в России, установления плодотворных научных контактов с китайскими учеными.

От всей души поздравляем Людмилу Ивановну Кондрашову с юбилеем! Желаем ей творческих успехов в многогранной научно-практической деятельности, многих новых книг о Китае, участия в пополнении редущих рядов китаеведов новыми энтузиастами исследования этой страны. А для всего этого — крепкого здоровья, бодрости и оптимизма!

*Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН
Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

От редакции: В связи с юбилеем Л.И. Кондрашовой предлагаем вниманию читателей один из ее недавних поэтических переводов.

Чжан Хэн (поэт ханьской эпохи, годы жизни 78–139)
Четыре печальных стиха (перевод Л.И. Кондрашовой)

Мне не забыть горы Тайшань, зарниц весенних гроз
Ах, если б оттуда кто-нибудь мне весточку принес!
Гляжу я на восток, не сдерживая слез.
Любимая преподнесла мне дорогой кинжал.
Узнать бы, носит ли еще мой яшмовый браслет?
Покинув милый край, смысл жизни потерял.
Не потому ль теперь в душе покоя нет?

Величие Гуйлиня летом не забыть вовек.
Ах, как красивы зелень гор и волны чистых рек!
Гляжу на юг, от горестных рыданий свет в глазах померк.
Мне милая дала на память золотой бубенчик.
Не знаю, приглянулся ли мой дар — две чаши из нефрита?

Покинул милый край бездумно и беспечно.
Не потому ли теперь вся жизнь моя разбита?

Мне не забыть осенних встреч в селении Ханьян.
Ах, если б стихла боль моих сердечных ран!
Гляжу на запад, слезы лью, в глазах стоит туман.
Подруга мне накинула тогда на плечи мех,
Я ей надел жемчужное кольцо на палец.
Покинул милый край, избрав удел скитальца.
Не потому ли чувствую себя несчастней всех?

Мне не забыть яньмыньскую пургу
Ах, что была за сказка – домик весь в снегу!
Гляжу на север и не плакать не могу.
Там выштым платком красавица мне вытирала губы,
Знать бы, понравился ли ей подаренный мной кубок?
Покинув милый край, пошел бродить по свету.
Неужто до скончания дней жалеть об этом?

Александр Захарович Жебину — 60 лет

4 февраля 2008 г. исполнилось 60 лет известному российскому ученому-кореевед-ду, руководителю Центра корейских исследований ИДВ РАН кандидату политических наук Александру Захаровичу Жебину.

А.З. Жебин родился 4 февраля 1948 г. в семье военнослужащего. После окончания двухлетней службы в рядах Советской Армии поступил в МГИМО, факультет международных отношений которого с отличием окончил в 1975 году. По распределению был направлен в ТАСС. В 1977—1978 гг. работал редактором газеты на английском языке для иностранных пассажиров на советских круизных лайнерах. В ходе этих поездок посетил около 40 стран и территорий — от Таити и Гонконга до Великобритании и Гибралтара.

В 1978—1979 гг. — корреспондент, в 1983—1990 гг. — Заведующий отделением ТАСС в Пхеньяне. Принимал участие в освещении поездок Ким Ир Сена в СССР в 1984 и 1986 гг., а также визитов высоких советских делегаций в КНДР. Профессия журналиста наряду с личной настойчивостью позволили А.З. Жебину побывать практически во всех уголках этой малодоступной для иностранцев страны — от Пэктусана и Тумангана на севере до Пханмунчжона и Кымгансана на юге, собрать уникальные материалы о жизни северокорейского общества и рядовых северокорейцев. На их основе были написаны две книги, вышедшие в 1991 г. в Республике Корея и в 1992 г. в Японии и давно уже ставшие библиографической редкостью.

В 1988 г. в составе группы журналистов ТАСС А.З. Жебин совершил поездку в Сеул, где принимал участие в освещении летних Олимпийских игр. После окончания в 1990 г. командировки в КНДР и возвращения в Москву А.З. Жебин неоднократно выезжал в Южную Корею. Его корреспонденции и статьи знакомили наших читателей с жизнью страны, с которой у нас до октября 1990 г. не было дипломатических отношений.

В 1992 г. А.З. Жебин приходит на работу в ИДВ РАН. Он активно включается в усилия по формированию Центра корейских исследований как самостоятельного научного подразделения института. В 1993—1994 гг. и в 1997 г. находился на научной стажировке в университете "Коре" и Институте национального объединения в Сеуле. В 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию о роли народных (сосед-

ских) групп (*инминбан*) как одного из важнейших механизмов социального контроля и обеспечения стабильности существующего в КНДР строя.

В 1998 г. А.З. Жебина приглашают на работу в Посольство России в КНДР, где он в качестве первого секретаря, а затем советника Посольства участвует в мероприятиях, связанных с подписанием нового межгосударственного договора между РФ и КНДР, подготовкой и проведением визитов в КНДР министра иностранных дел РФ И.С. Иванова и Президента РФ В.В. Путина, за что получает благодарность министра иностранных дел РФ.

После окончания заграникомандировки в 2001 г. возвращается на работу в ИДВ РАН. С 2004 г. возглавляет Центр корейских исследований ИДВ РАН. Среди главных направлений его научных интересов — ситуация на Корейском полуострове и интересы безопасности России, ядерная проблема на Корейском полуострове и перспективы ее урегулирования. Этой теме посвящены, особенно в последние годы, не только публикации в академических изданиях, но и многочисленные интервью российским и иностранным печатным и электронным СМИ, статьи в ведущих газетах страны и выступления по телевидению.

Большой вклад А.З. Жебин внес в изучение политической системы КНДР, в частности методов и механизмов обеспечения ее устойчивости в условиях непростой для этой страны внутренней и международной обстановки. Первым в российском корееведении он дал развернутое обоснование ключевой роли, которую сыграла и продолжает играть традиционная политическая культура Кореи и конфуцианского культурного ареала в целом в трансформациях северо-корейской власти и официальной идеологии, в поддержании политической и социальной стабильности в этой стране. Итогом его многолетних исследований в этой области стала вышедшая в 2006 г. в издательстве “Русская панорама” монография “Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен”.

Усилия А.З. Жебина по обеспечению регулярного проведения общероссийского форума корееведов, которым при его деятельном участии стала конференция корееведов России и других стран СНГ, получили высокую оценку корееведческого сообщества. В марте 2007 г. на учредительном собрании Ассоциации российских корееведов он был избран президентом этой организации.

А.З. Жебин — активный участник международных научных обменов, которые осуществляет ИДВ РАН. Неоднократно выступал с докладами на съездах Российской и Международной ассоциаций политической науки, конференциях Европейской Ассоциации корейских исследований, других научных форумах в США, Японии, Китае, КНДР, Республике Корея, Дании, Франции, Швеции. Он является членом Российской и Международной ассоциаций политической науки, Европейской ассоциации корейских исследований, а также Московского союза журналистов. Член Ученого совета ИДВ РАН и редколлегии журнала “Проблемы Дальнего Востока”.

Дирекция Института Дальнего Востока, коллеги по работе, редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока” поздравляют А.З. Жебина с юбилеем и желают ему здоровья и новых творческих успехов.

Редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" сообщает о проведении льготной редакционной подписки (получение номеров журнала в редакции) на второе полугодие 2008 г. Подписка заканчивается 8 мая 2008 г.

Стоимость редакционной подписки – 900 руб.

Оформить подписку можно у заведующей редакцией
Елены Александровны Лапшиной, тел. 124-02-15.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала
Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 15.02.2008 г. Подписано к печати 19.03.2008 г. Формат бумаги 70x100 1/6
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 12,8 тыс. Уч.-изд. л. 14,5 Бум. л. 6,0
Тираж 799 экз. Зак. 14

Издатель: Академиздатцентр "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2008 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.